

**АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО
БЕЛОРУССКОГО
ОБЩЕСТВА
2017–2020 гг.:**

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

УДК 316.32(476)
ББК 60.54(4Бел)
А43

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Авторы:

Д. Г. Ротман (гл. 1, 10), **А. Н. Данилов** (предисл., гл. 1),
В. В. Правдивец (гл. 5, 9), **В. Л. Ананьев** (гл. 8), **А. М. Бельский** (гл. 7),
А. Р. Колобутина (гл. 3), **Д. М. Булышко** (гл. 4), **А. К. Воднева** (гл. 3),
С. А. Морозова (гл. 2), **А. В. Посталовский** (гл. 6), **Л. А. Соглаева** (гл. 10),
Л. В. Филинская (гл. 2, 9, 10)

Под общей редакцией

Д. М. Булышко, Д. Г. Ротмана, В. В. Правдивца

Рецензенты:

кафедра социологии факультета философии
и социальных наук Белорусского государственного университета
(заведующий кафедрой доктор социологических наук *А. Н. Данилов*);
доктор социологических наук *Д. К. Безнюк*

Актуальные проблемы современного белорусского общества
А43 2017–2020 гг.: социологический аспект / Д. Г. Ротман [и др.] ; под
общ. ред. Д. М. Булышко, Д. Г. Ротмана, В. В. Правдивца. – Минск :
БГУ, 2021. – 199 с.
ISBN 978-985-881-127-3.

Коллективная монография подготовлена научными сотрудниками Центра социологических и политических исследований БГУ. Представлены результаты социологических исследований, проведенных авторами в 2017–2020 гг. Дано систематизированное представление о сущности, специфике и динамике основных трансформационных процессов в белорусском обществе в контексте мировых социальных изменений и о возможных альтернативах развития нашей страны.

УДК 316.32(476)
ББК 60.54(4Бел)

ISBN 978-985-881-127-3

© БГУ, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Название данной коллективной монографии во многом определяет ее содержание. Именно актуальные проблемы современного белорусского общества стали постоянным предметом изучения Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. От исследования к исследованию, от книги к книге складывается социальная история суверенной Беларуси. В данной монографии также обозначены временные рамки проведенной работы – сентябрь 2017 – май 2020 г. Время предкризисное, и ученые объективно выстраивают свои выводы, предлагают свое видение складывающейся ситуации. Опыт многолетних наблюдений показывает, что в отношении изучения общественного мнения неважных тем не бывает. А тем более когда речь идет о параметрах устойчивого развития и изменении содержания базовых ценностей, молодежной политике, миграции, экологических проблемах, медиапространстве, информационном поле Республики Беларусь в условиях цифровизации, внимании к людям с ограниченными возможностями и, конечно, о методологии социологических исследований в новых условиях.

В год выхода монографии Центру социологических и политических исследований БГУ исполнилось 25 лет. За плечами авторов книги большой опыт участия в самых крупных международных проектах, признание коллег из научного сообщества, что, конечно, внушает доверие к предлагаемому ими анализу сущности, специфики и динамики основных трансформационных процессов в белорусском обществе в контексте мировых социальных изменений и их представлениям о возможных альтернативах развития Республики Беларусь.

Каждая глава монографии окрашена актуальностью и стремлением авторов углубить свои представления о предмете исследования. В главе «Изменение содержания базовых ценностей как ключевое условие устойчивого развития социума» акцент сделан на происходящем в на-

стоящее время процессе трансформации содержания базовых ценностей. Он рассматривается как результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, отражающих изменения в состоянии общества, культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и нового цивилизационного опыта. Формирование новой матрицы ценностей является условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития. В главе «Актуальные проблемы межведомственного взаимодействия в сфере молодежной политики в контексте социокультурной инклюзии» выделены аспекты структурно-функционального моделирования межведомственного взаимодействия в сфере молодежной политики в контексте развития современных технологий социокультурной инклюзии. Оптимизация процессов социализации, социальной интеграции и идентификации молодого поколения является актуальным направлением молодежной политики в Республике Беларусь. В условиях глобализации проблемы идентификации, особенно вопросы национальной и гражданской идентичности, являются важным условием консолидации общества.

Целый блок материалов посвящен проблемам функционирования информационного поля Республики Беларусь. Технологии воспроизводства и распространения информационного контента постоянно претерпевают содержательные и структурные изменения. В современном обществе тон всему коммуникационному пространству задают именно средства массовой информации. В таких условиях результат информационного воздействия будет опосредован уровнем доверия к источнику информации. В монографии исследуется деловая среда Республики Беларусь, описывается проблемное поле бизнес-сообщества, определяются новые тенденции развития экономики в стране, анализируются государственные программы по поддержке малого и среднего предпринимательства. Также не уходят из поля зрения авторов проблемы миграции, вопросы экологии и защиты окружающей среды, которые всегда находятся в фокусе их внимания.

Большое внимание в анализе актуальных проблем современного белорусского общества уделяется реализации социальной политики государства, в частности, изучению жизненных проблем инвалидов, отношения общества к инвалидам, представлений здоровых людей о месте инвалидов в обществе.

Книга адресована всем, кто интересуется проблемами развития современного общества. Мы надеемся на продолжение этой серии монографий и доброжелательный отклик наших научных коллег.

ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК КЛЮЧЕВОЕ УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОЦИУМА

В настоящее время происходит трансформация содержания базовых ценностей как результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, отражающих изменения в состоянии общества, культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и нового цивилизационного опыта. В итоге возникают установки миропонимания, которые определяют жизненные приоритеты активной части социума. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая задает направленность изменений и их содержание [1, с. 4–10]. Почвой же, где намечаются точки роста всего нового, где обновляются ценности, где они наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, является наша действительность, социальная жизнь человека.

Постепенно накапливается исследовательский материал, который мог бы определить новую стратегию цивилизационного развития [2, с. 411–466]. В связи с этим возникает вопрос о предпосылках и механизмах формирования нового содержания базовых ценностей как реакции на перемены в мире и трансформации, происходящие в его культурной матрице.

Что собой представляет новая система ценностей, что мы принимаем и от чего отказываемся — один из самых актуальных вопросов. Ведь формирование новой системы ценностей — процесс не простой и не быстрый [3]. С ним всегда связано нарастание неустойчивости в обществе, ослабление власти и обострение многих социальных проблем.

УСТОЙЧИВОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИУМА КАК ЦЕННОСТЬ

Общность ценностей объединяет людей, способствует выработке совпадающих по смыслу и содержанию жизненных целей и идеалов, помогает поддерживать друг друга. Ценности – это, как правило, одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое счастье, успех, жизненный комфорт, доброта и справедливость.

В социологической науке проблема ценностей одна из центральных. Большой вклад в ее разработку внесли Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Г. Мюнстерберг (автор книги «Философия ценностей»). После возрождения социологии в СССР в середине 1960-х гг. первыми включились в исследование ценностных ориентаций В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов [4, с. 16–17, 22]. В последние десятилетия появились новые нормы, правила и образцы социального поведения, преобразовываются социальные представления, ожидания и идеалы. Новый жизненный опыт личности, изменение ее среды обитания, планов и установок приводят к переоценке системы ее ценностей. Обновление содержания системы ценностей детерминировано постоянно меняющейся социально-экономической и духовной реальностью. Очевидно, что когда преобразуется общество, ценностные ориентации закономерно трансформируются [5–7]. Каждое время меняет матрицу ценностей, изменяется и механизм их формирования, институты влияния, человек со своими поведенческими предпочтениями и установками, информационная среда обитания. С современной информационной коммуникационной революцией радикально изменился сам механизм восприятия и влияния информации [8, с. 73–162].

Однако надо понимать, что современные технологии несут человеку и новые проблемы. Они открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляции общественным сознанием [9, с. 6–31]. На современном этапе на доминирование претендует сценарий, реализованный в потребительских обществах Запада. Он основан на идее увеличения потребления как условия экономического роста, включает в этот процесс научно-технологические революции, формирующие новые типы технологического уклада [10, с. 369–399]. Человеку дано самому определять свои ценностные ориентиры, выбирать те или иные нормы поведения в рамках функционирования реального ценностного пространства. Одни привержены ценностям коллективизма, а другие – ценностям индивидуализма. Ценности могут быть самыми разными: объективными, виртуальными, несуществующими в природе (мечты, идеалы), фантастическими. В. С. Степин, в частности, писал, что «сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей

выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития. Идея устойчивого развития цивилизации и преодоления глобальных кризисов не реализуема без выполнения этой задачи» [11, с. 11].

Система ценностей современного общества содержит множество пересекающихся по сути и направленности элементов, каждый из которых поддерживает и дополняет другие. Именно это обстоятельство дает возможность объединить ценности по их смыслу и содержанию, направленности в более широкие страты. Такой подход позволяет сформировать группу базовых ценностей и осуществлять их регулярное изучение и социологический анализ, в том числе и в мониторинговом режиме. В данной главе используются результаты социологических исследований, которые проводятся в рамках проекта «Исследование европейских ценностей» (EVS) с участием практически всех стран Европы. Опросы проводятся по единой методике в режиме мониторинга. Головной организацией в проекте выступает университет г. Тилбурга (Нидерланды). Социологи Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (далее – ЦСПИ БГУ) принимают участие в исследованиях с 1990 г. Профессор Д. Г. Ротман является национальным директором названных исследований от Республики Беларусь. Анализ данных, полученных при осуществлении мониторинга (1990–2018) в Республике Беларусь, позволил выявить особенности процессов формирования, становления и возможного обновления системы ценностей белорусского общества с учетом специфики нашей страны и менталитета ее жителей. Обратимся к данным, приведенным в табл. 1.1.

Таблица 1.1

**Распределение ответов на вопрос
«Насколько важно (очень важно, скорее важно, скорее не важно
или совсем не важно) в Вашей жизни следующее...?» (%)**

Год	Очень важно	Скорее важно	Скорее не важно	Совсем не важно	Затрудняюсь ответить
Работа					
1990	54,8	29,4	13,9	1,9	0,0
2018	59,9	28,6	7,2	3,4	0,9
Семья					
1990	76,9	19,7	2,9	0,5	0,0
2018	89,0	9,3	0,8	0,5	0,4
Друзья и знакомые					
1990	36,5	43,9	18,6	1,0	0,0
2018	40,8	47,0	10,6	1,3	0,3

Год	Очень важно	Скорее важно	Скорее не важно	Совсем не важно	Затрудняюсь ответить
Досуг					
1990	36,7	38,4	22,6	2,4	0,0
2018	30,3	51,5	15,9	1,9	0,4
Политика					
1990	14,0	23,1	50,1	12,8	0,0
2018	10,9	28,0	39,3	20,6	1,1
Религия					
1990	12,3	17,9	44,4	25,4	0,0
2018	20,5	34,2	27,5	16,3	1,5

Примечание. European Values Study 2017: Integrated Dataset (EVS 2017) [Electronic resource] / GESIS – Leibniz-Institute for the Social Sciences. URL: <https://dbk.gesis.org/dbksearch/SDesc2.asp?ll=10¬abs=&af=&nf=&search=&search2=&db=E&no=7500> (date of access: 03.07.2019).

Анализ приведенных данных осуществлен с учетом того, что 1990 г. стал последним годом существования СССР. Идеология и традиции этой огромной, многонациональной и мультиконфессиональной страны базировались на основе ряда неизменных установок: безусловный приоритет и неоспоримость принципов коммунистического строя, верховенство атеистических взглядов. Кроме того, стали ощущаться отрицательные последствия произошедших перемен. Скорее всего, именно по этим причинам ответы людей в ходе сбора социологической информации по предпочтениям в базовых ценностях в 1990 г. несколько отличались от ответов в 2018 г.

Еще один вывод можно сделать с учетом событий на постсоветском пространстве в последние три десятилетия [12–16]. Прежде всего следует отметить факт изменения мнений жителей Беларуси относительно распада СССР. Обратимся к табл. 1.2.

Таблица 1.2

Распределение ответов на вопрос «Одобряете ли Вы соглашение лидеров России, Украины и Беларуси от 8 декабря 1991 года о прекращении существования Советского Союза?» (%)

Вариант ответа	1991 г.	1994 г.	2006 г.
Одобрю	69,0	9,2	17,4
Не одобряю	10,0	65,6	63,4
Затрудняюсь с ответом	21,0	25,2	19,2

Данные получены в ходе социологического мониторинга ситуации в информационном поле Беларуси, осуществляемого ЦСПИ БГУ. Как видим, оценочные мнения людей могут изменяться стихийно, но во многих случаях они возвращаются на стартовые позиции, когда жизненный опыт начинает играть свою роль. И тогда на этот процесс, безусловно, оказывают влияние базовые ценности. Вместе с тем многое в оценках ситуации зависит от меняющейся реальности. Революции и перевороты, локальные вооруженные конфликты, мировые и гражданские войны, террористические атаки, экономические и политические кризисы – вот далеко не полный перечень социальных катаклизмов, которые либо пришлось преодолеть в прошлом, либо приходится переживать сегодня народам практически всех стран мира.

Печальными, а порой и трагическими событиями отмечен рубеж XX и XXI вв. В этот период произошли радикальные изменения в Центральной и Восточной Европе [17, с. 291–306], вызвавшие не только падение коммунистических режимов, но и, как следствие, распад супердержавы СССР, образование пятнадцати новых независимых государств, двенадцать из которых вошли в состав Содружества Независимых Государств (СНГ). Разрушение в большой общей стране многолетних политических, экономических и социальных связей не могло не повлиять на состояние национальных экономик. Уровень жизни людей резко снизился. Инфляция и безработица стали привычным и постоянным явлением. Бедность, а нередко и нищета большей части населения – представителей практически всех социально-демографических групп – стали печальной реальностью [18–20].

Все это происходило в условиях политической неразберихи из-за слабости властей. Таким образом, старт в будущее в 1991–1992 гг. для всех стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, осуществился примерно с одинаковых экономических и политических позиций. Однако процесс становления новых государств проходит далеко не одинаково. Если для таких стран, как Азербайджан, Беларусь, Казахстан, начальный этап самостоятельного функционирования был достаточно мирный, без вооруженных противостояний и конфликтов, то Грузия, Украина, Молдова и Кыргызстан стали лидерами среди новых независимых государств по числу случаев смены власти так называемыми революционными методами. В этих государствах, причем, к сожалению, уже неоднократно, происходили события, имевшие и имеющие трагические последствия.

В чем же причины возникновения экстремальных ситуаций в ряде постсоветских государств? Безусловно, можно говорить о чисто политических мотивах противостояний, о борьбе за власть. Популистскими политиками и поддерживающими их группировками предпринимались попытки создать все якобы обязательные условия для вступления в Европейский союз (ЕС). Следовательно, выполнение ими ряда требований ЕС, необходимых для решения этой задачи, приводило к действиям, связанным с искусственным и «оперативным» изменением традиционных для народов этих стран базовых ценностей [21].

Анализ упомянутых ранее событий в ряде постсоветских государств позволяет сделать вывод: искусственное, под давлением внедрение ценностей, не свойственных объектам воздействия, приводит к негативным последствиям – противостоянию, революциям, локальным войнам. Ценности не могут формироваться или изменяться принудительно. Кстати, последствия искусственного внедрения чуждых народам ценностей видны из действий по смене власти в Ираке, Ливии, Афганистане, в действиях против власти в Сирии. Результат: возникновение Исламского государства, гражданские войны и т. д. А. В. Смирнов считает, что глубинные истоки вооруженных конфликтов в горячих точках мира, где уже не один год полыхают войны, где идет борьба с терроризмом, в том числе исламским, надо искать в осознании народами этих стран необходимости вернуться к собственной модели жизненного устройства, вернуть исламский образ жизни [22, с. 13]. Подобные ситуации возникали и продолжают возникать в ряде государств, образовавшихся после распада СССР.

Итак, еще один важный вывод: ценности не могут и не должны внедряться искусственно. Это приводит к крайне опасным последствиям как для объекта внедрения, так и для действующего вопреки названным закономерностям субъекта.

ВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОСТИ

Результаты исследований, которые проводятся социологами ЦСПИ БГУ, свидетельствуют о том, что стабильность в стране в значительной степени зависит от того, как и в какой мере государство создает условия для реализации базовых ценностей. Обратимся к табл. 1.3.

Таблица 1.3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, созданы ли на сегодня в нашей стране условия для реализации базовых ценностей?» (%)

Базовая ценность	Да, созданы в полной мере	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет, не созданы в полной мере	Трудно сказать определенно
Работа	29,9	32,5	22,0	10,0	5,6
Семья	33,2	47,6	10,9	4,1	4,2
Друзья и знакомые	30,0	49,8	7,6	2,0	10,6
Досуг	26,7	44,4	18,2	5,0	5,7
Политика	18,6	28,9	18,7	10,5	23,3
Религия	41,7	41,6	6,1	1,1	9,5

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, с точки зрения жителей, в Республике Беларусь предпринимаются различные шаги, направленные на создание условий, позволяющих людям успешно реализовывать свои базовые ценности. Вместе с тем, судя по результатам исследований, в стране имеется значительный потенциал для улучшения названных условий.

Можно с достаточной долей уверенности предположить, что наличие широких возможностей для реализации базовых ценностей выступает важнейшим условием обеспечения стабильного развития общества, что, в свою очередь, способствует устранению причин протестного поведения людей. Сказанное подтверждают результаты социологических опросов населения страны, которые приведены в табл. 1.4.

Таблица 1.4

Распределение ответов на вопрос «Можно ли утверждать, что отсутствие условий для реализации в полной мере важнейших базовых ценностей влияет на формирование поведенческих установок населения?»

Вариант ответа	% ответивших
Да, можно утверждать	39,5
Скорее можно	36,3
Скорее нельзя	5,6
Нет, так утверждать нельзя	7,0
Трудно сказать определенно	11,6

О чем говорят данные этих опросов? Во-первых, практически две трети населения страны считает, что отсутствие условий для реализации базовых ценностей может влиять на характер и содержание поведенческих мотивов. Во-вторых, характер и содержание этих установок трудно предсказуемы. По этой причине следует максимально способствовать созданию условий для реализации базовых ценностей. Вместе с тем необходимо учитывать менталитет и особенности национального характера людей. Для толерантных и рассудительных белорусов максимализм в поведенческих установках не свойствен. Этот тезис подтверждается и данными, приведенными в табл. 1.5.

Таблица 1.5

Распределение ответов на вопрос «Если в ближайшем будущем экономическая ситуация ухудшится, как вы поступите?»

Вариант ответа	% ответивших
Буду терпеливо ждать лучших времен	25,1
Буду самостоятельно искать любой путь улучшения своей жизни	44,3
Примкну к организации, добивающейся смены власти путем выборов	4,6
Примкну к организации, добивающейся смены власти вооруженным путем	0,7
Стану участником экономических забастовок	0,7
Стану участником политических стачек	0,1
Буду участвовать в акциях протеста	3,7
Поступлю, как большинство людей	15,7
Не знаю	10,4

Однако нельзя не учитывать то обстоятельство, что проблемная ситуация может постепенно ухудшаться и охватывать значительное количество людей, что приведет к накоплению недовольства и в конечном итоге к социальному взрыву.

Схема возможного изменения ситуации в государстве, представленная на рис. 1.1, безусловно, является гипотетической, но нельзя не отметить тот факт, что отсутствие условий для реализации базовых ценностей в любом государстве не способствует росту благосостояния населения, реализации жизненных планов людей. Это в силу системных ошибок в управлении, непрофессионализма власти может создать условия для включения механизма самоуничтожения государства.

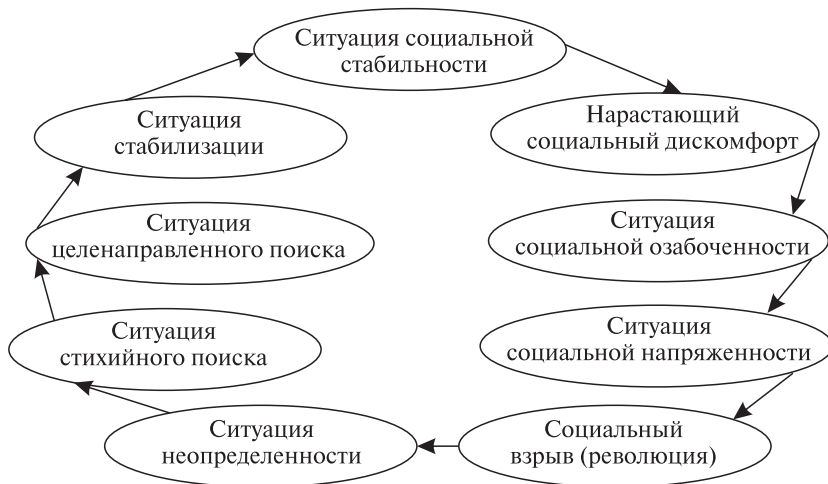

Рис. 1.1. Особенности изменения ситуации в стране

Поскольку конфликты и противоречия присущи любой общественной структуре, в основе функционирования любых обществ априори заложены факторы латентной конфликтогенности [23, с. 6–31]. Любое общество представляет собой совокупность интересов и убеждений, вопрос лишь в умении разрешать противоречия и минимизировать потенциальные риски для общества.

Прежде чем конфликт достигает фазы взрыва, проходит серия взаимосвязанных стадий, в каждой из которых есть точка невозврата. Социальный взрыв, состояние, вызванное технологиями дестабилизации, критическое состояние сформировавшейся модели социальной системы, предполагает несколько вариантов дальнейшего развития (или свертывания) событий. Непосредственным поводом для взрыва народного гнева и возникновения критического состояния в комплексе технологий дестабилизации, который придает социально-политическому конфликту необратимый характер, что может обернуться радикальной трансформацией правящих элит и устоявшейся системы социально-экономических отношений, может стать на первый взгляд маловажный акт, информация, действие власти.

Периоды объявления и проведения избирательных кампаний, принятия правовых актов, затрагивающих интересы большинства граждан страны, представляются наиболее опасным временем [10; 24; 25]. Как показывает опыт, темп и характер изменений политической и экономической системы, а также предрасположенность к той или иной модели

развития во многом зависят от структурно-экономических, этнокультурных, политических и иных конкретно-исторических особенностей каждой отдельно взятой страны [18, с. 22–40].

Еще раз необходимо отметить: ситуация растущей неудовлетворенности условиями жизни, возможностями реализации базовых ценностей присуща любой стране. В данной главе авторы осуществляют анализ на базе данных, полученных в ходе исследований в Республике Беларусь. Однако следует принять во внимание тот факт, что базовые ценности жителей Беларуси практически не отличаются от ценностных предпочтений жителей других стран. Об этом свидетельствует сравнительный анализ данных исследований, осуществляемых в мониторинговом режиме в странах Европы. Обратимся к табл. 1.6.

Таблица 1.6

Распределение ответов на вопрос «Насколько важно (очень важно, скорее важно, скорее не важно или совсем не важно) в Вашей жизни следующее...?» (%)

Базовая ценность	Вариант ответа	Беларусь	Россия	Германия	Австрия	Польша
Работа	Очень важно	60,5	52,2	50,5	49,5	59,9
	Скорее важно	28,8	29,6	37,7	37,3	34,4
	Скорее не важно	7,2	9,8	6,0	9,9	2,7
	Совсем не важно	3,5	8,4	5,8	3,3	3,0
Семья	Очень важно	89,4	77,4	89,5	83,7	93,6
	Скорее важно	9,3	19,8	8,8	13,0	5,8
	Скорее не важно	0,8	2,1	1,5	2,9	0,4
	Совсем не важно	0,5	0,7	0,1	0,3	0,2
Друзья и знакомые	Очень важно	41,0	36,6	56,4	59,5	39,6
	Скорее важно	47,1	49,1	39,2	35,8	55,6
	Скорее не важно	10,6	12,1	4,2	4,3	4,1
	Совсем не важно	1,3	2,2	0,2	0,3	0,7
Досуг	Очень важно	30,4	35,7	40,2	46,8	41,7
	Скорее важно	51,7	47,2	52,9	44,0	53,2
	Скорее не важно	16,0	14,0	6,2	8,2	3,9
	Совсем не важно	1,9	3,2	0,6	1,0	1,2

Базовая ценность	Вариант ответа	Беларусь	Россия	Германия	Австрия	Польша
Политика	Очень важно	11,0	10,8	16,1	11,1	8,5
	Скорее важно	28,3	30,6	51,8	39,7	39,1
	Скорее не важно	39,8	37,6	26,3	36,1	31,8
	Совсем не важно	20,8	21,0	5,8	13,1	20,6
Религия	Очень важно	20,9	16,1	13,2	13,9	38,6
	Скорее важно	34,8	35,2	24,6	30,5	41,8
	Скорее не важно	27,9	31,7	36,3	33,0	12,9
	Совсем не важно	16,5	17,0	25,9	22,5	6,7

Итак, приведенные данные подтверждают сказанное выше: жители нашей страны по ценностным установкам практически не отличаются от граждан других европейских государств.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ НА ОБНОВЛЕНИЕ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Массовые протесты могут быть вызваны только теми проблемами, которые задевают людей лично и виновными в которых являются властные структуры или органы локального руководства. Вызвать резкий и решительный протест могут только те проблемы, которые препятствуют реализации основных базовых ценностей [24–26]. От возможностей их реализации зависит жизнь самого гражданина, а также его родных и близких [27].

Жизненные трудности, возникающие по разным причинам, подталкивают людей к анализу проблемной ситуации и поиску выхода из нее. Следующий этап этого анализа – поиск виновных. Как правило, он заканчивается выводом о том, что виноваты во всем властные структуры, органы управления, первое лицо государства. Нельзя не отметить и то, что выводы, побуждающие к определенным действиям, могут строиться на информации, полученной из провоцирующих источников. Успех воздействия зависит от того, какой источник информации (провоцирующий или объективно разъясняющий) более доступен для понимания, более эффективен, в большей степени совпадает с реальностью.

Опыт показывает, что в случае победы провоцирующих источников объектом, на который направлены протестные действия, стано-

вится власть. Точно по В. И. Ленину возникает революционная ситуация: когда низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-новому [28, с. 218].

Анализ результатов многолетних (с 1989 г.) мониторинговых исследований ЦСПИ БГУ показывает, что не может возникать агрессивных протестных действий в стране, в которой экономическая ситуация хотя бы незначительно изменяется в лучшую сторону, соблюдаются основные права и свободы граждан [29, с. 78–87]. Очевидно, что недостаток информации о причинах возникновения проблемной ситуации, признание допущенных ошибок и недочетов, оперативная работа (часто совместная) по устранению причин, наказанию виновных может свести на нет протестные действия или минимизировать их последствия.

При этом следует учитывать то обстоятельство, что излишнее упоминание главенства принципа стабильности в государстве далеко не всегда эффективно. Застывшая стабильность, как показывает опыт многолетних исследований, в том числе и международных, может перерасти в явление, которое называется стагнацией. Стагнация может привести к развалу экономики, ухудшению условий жизни людей и, как следствие, к активным протестным действиям.

Конец XX – начало XXI вв. характеризуется возникновением новых подходов и методов влияния на полях политического противостояния различных государств или военно-политических блоков на другие страны. Новым инструментом воздействия стали так называемые гибридные войны. Современные информационные технологии, ситуации в пространстве мировых экономических рынков, определенные противостояния в борьбе за власть в развивающихся странах – все это используется для оказания давления одних государств на другие без силового военного вторжения.

На обновление базовых ценностей большое влияние оказывают традиционные СМИ, а в последнее время нарастает давление интернета. Медиапространство в целом формирует восприятие и поведенческую реакцию человека на события в стране и в мире. Нельзя не учитывать, что СМИ в виде новых информационно-коммуникационных технологий активно влияют на изменение жизни людей, их восприятие реальной политики, поведение и реакции на перемены.

Поэтому в ходе гибридных войн чаще всего используются информационные атаки. Их преимущества связаны с возможностью скрытых поставок объекту воздействия ложной, деструктивной информации, вызова реакции определенного числа пользователей на провокационный вброс. Инструментом таких атак выступает сеть Интернет,

в том числе массовые социальные медиа. Их популярность постоянно растет. Об этом говорят и результаты мониторинга ситуации в информационном поле Беларуси, который осуществляет ЦСПИ БГУ. Обратимся к табл. 1.7.

Таблица 1.7

**Источники получения населением информации о событиях
в основных сферах жизнедеятельности общества (%)**

Сфера жизнедеятельности общества	Вариант ответа	Год осуществления замера					
		1995	2000	2005	2010	2015	2018
Политика	Нет ответа	0,03	0,0	0,6	0,8	0,9	0,1
	Из газет	67,2	51,5	47,6	39,6	19,6	26,1
	Из передач радио	24,3	17,1	14,9	11,7	7,7	10,8
	Из телепередач	88,6	83,1	85,3	80,6	69,9	69,1
	Из сети Интернет	0,0	0,3	2,7	20,1	44,6	53,7
	Из социальных медиа	0,0	0,0	3,8	3,9	4,8	16,6
Экономика	Нет ответа	0,0	1,1	0,5	1,8	1,1	1,1
	Из газет	65,9	53,7	44,1	34,1	19,0	24,3
	Из передач радио	28,0	16,7	12,2	10,8	7,6	9,5
	Из телепередач	92,1	86,8	83,4	74,6	65,4	66,4
	Из сети Интернет	0,06	0,3	2,8	19,6	43,9	51,6
	Из социальных медиа	0,0	0,0	4,2	6,1	8,1	16,2
Культура	Нет ответа	0,0	0,1	0,4	0,5	1,0	1,1
	Из газет	62,3	60,3	39,5	28,1	17,6	25,6
	Из передач радио	26,1	17,0	16,5	17,1	10,8	13,6
	Из телепередач	96,3	81,3	82,6	78,9	66,6	65,8
	Из сети Интернет	0,0	0,1	4,0	21,5	44,9	51,5
	Из социальных медиа	0,0	0,0	4,2	4,4	5,2	10,6

Приведенные в табл. 1.7 данные показывают безусловный рост популярности новых современных источников информации – интернета и социальных медиа. Интернет по своей популярности уверенно обошел такие источники, как радио и печатные издания, и сегодня почти сравнялся с телевидением. Нельзя не отметить, что все больше пользователей этого источника не только в молодежной среде, но и среди людей среднего и старшего возрастов.

Технические возможности интернета позволяют осуществлять передачу информационного контента, влияющего на взгляды, оценки и суждения населения как в негативном, так и в позитивном плане. Как правило, начальной фазой информационного противостояния выступает увеличение материалов и иных форм информационной активности (нагнетание обстановки) с целью привлечения внимания к возникающему противоречию или проблемной ситуации. Следующим этапом становится завоевание аудитории либо консолидация потребителей информационного продукта вокруг рассматриваемого противоречия. Третий этап заключается в массивной информационной обработке аудитории, насыщении информационного пространства материалами и сведениями, позволяющими привлечь часть аудитории на свою сторону. Заключительным этапом является управляемая стороной конфликта итоговая реакция аудитории.

Проведенные нами исследования свидетельствуют о том, что наибольшее влияние на обновление базовых ценностей оказывают в основных сферах жизнедеятельности общества такие субъекты информационного поля, как телевидение и сеть Интернет. Мы вполне определенно можем сказать, что практика и изменяющаяся реальность формируют новую ценностную матрицу. Ключевую роль в этом процессе играют СМИ, которые используют новые информационно-коммуникационные возможности.

Распад советской системы, глобальное доминирование потребительской модели развития [18, с. 321–365], крах существовавшей после Второй мировой войны системы безопасности, имеющихся сдержек и противовесов, ослабление влияния международных институтов, обострившаяся борьба за новый мировой порядок ведут к обновлению базовых ценностей. Это — результат укоренения новых мировоззренческих ориентиров.

Авторы приходят к заключению, что базовые ценности белорусов в целом практически не отличаются от ценностей жителей других европейских государств; ценностное сознание жителей Беларуси формировалось на протяжении многих веков под влиянием ключевых событий европейской истории; ценности общества, в том числе и в современных условиях, меняются медленно, их реформирование даже в незначительной степени может происходить в течение жизни как минимум двух поколений; изменение базовых ценностей не может осуществляться под внешним или внутренним давлением. Попытки быстро и принудительно изменить ценностные предпочтения людей приводят, как правило, к накоплению негативных настроений и в итоге — к социальным взрывам.

Каждое время содержательно меняет матрицу ценностей, изменяется и механизм их формирования, институты влияния, человек со своими предпочтениями и установками, информационная среда обитания. С современной информационно-коммуникационной революцией радикально изменился сам механизм восприятия и влияния информации. Сегодняшние технологии открывают широкие возможности для информационного насилия, манипуляций общественным сознанием. Информационное воздействие традиционных СМИ и интернета (включая социальные медиа) выступает одним из факторов, влияющих на формирование ценностных ориентаций личности. Медиапространство в целом создает условия для возникновения устойчивого интеллектуального фона, который формирует восприятие и последующую поведенческую реакцию индивида на происходящие в стране и в мире события.

Сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей является условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития. Устойчивость этого процесса и преодоление глобальных кризисов невозможны без выполнения данной задачи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Степин В. С.* Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 3. С. 4–10.
2. *Степин В. С.* Человек. Деятельность. Культура. СПб. : СПбГУП, 2018.
3. *Харари Ю. Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2019.
4. *Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М. : Ин-т психологии РАН, 2006.
5. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д. М. Булышко [и др.]. Минск : БГУ, 2009.
6. Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / Д. М. Булышко [и др.]. Минск : БГУ, 2013.
7. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Д. М. Булышко [и др.]. Минск : БГУ, 2016.
8. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016.
9. Современное белорусское общество: социологическое прочтение / А. Н. Данилов [и др.]. Минск : БГУ, 2018.
10. Образ жизни и здоровье населения новых независимых государств : сб. науч. ст. / под ред. Х. Херпфера, Д. Ротмана, С. Туманова. Минск, 2003.
11. *Степин В. С.* Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.
12. *Данилов А. Н.* Социология власти: теория и практика глобализма. Минск : Университетское, 2001.

13. Особенности становления и развития белорусского государства: социологический анализ / под общ. ред. А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2018.
14. Актуальные проблемы современного белорусского общества: социологический аспект / Д. Г. Ротман [и др.]. Минск : БГУ, 2005.
15. Актуальные проблемы современного белорусского общества (2005–2010) / Д. Г. Ротман [и др.]. Минск : БГУ, 2011.
16. Актуальные проблемы современного белорусского общества (2011–2016): социологический аспект / Д. Г. Ротман [и др.]. Минск : БГУ, 2016.
17. Антонович И. И., Данилов А. Н. Геополитика в эпоху нестабильности. Минск : Беларус. навука, 2018.
18. Данилов А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Минск : Университетское, 1997.
19. Здоровье населения и социальные перемены в постсоветских государствах / под ред. П. Бригадина [и др.]. Минск : ГИУСТ БГУ, 2013.
20. Шавель С. А. Перспективы развития социума. Минск : Беларус. навука, 2015.
21. Восточное партнерство: проблемы и перспективы / под ред. Е. Коростелевой. Минск : ГИУСТ БГУ, 2011.
22. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М. : Садра, Издат. дом ЯСК, 2019.
23. Ротман Д. Г. Избранное. Минск : ГИУСТ БГУ, 2014.
24. Современное информационное поле: особенности функционирования и новые подходы к социологическому исследованию СМИ / А. Н. Карлюкевич [и др.]. Минск : Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2019.
25. Правдивец В. В., Ротман Д. Г., Русакевич В. В. Информационное поле Республики Беларусь. Структура и подходы к изучению. Формирование и развитие. Минск : Зямалето, 2009.
26. Посталовский А. В., Ротман Д. Г. Оперативные социологические исследования в работе редакций региональных печатных СМИ. Минск : РИВШ, 2019.
27. Молодежь суверенной Беларуси: штрихи к портрету / Д. М. Булышко [и др.]. Минск : БГУ, 2012.
28. Ленин В. И. Крах II Интернационала. М. : ПСС. Т. 26.
29. Данилов А. Н., Ротман Д. Г. Приоритет мягкой силы в дестабилизации современного социума (на примере Республики Беларусь) // Социолог. исслед. 2019. № 2. С. 68–77.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНКЛЮЗИИ

Теоретико-методологические материалы данной главы отражают результаты исследований ЦСПИ БГУ, посвященных актуальным проблемам государственной молодежной политики (ГМП), в том числе идентификации и социальной интеграции различных групп молодежи. Одно из них было проведено в рамках международного проекта № Г14Р-035 «Принципы инклюзивной культуры в работе с молодежью: сравнительный анализ молодежной политики Российской Федерации и Республики Беларусь», реализованного в 2014–2016 гг. совместно с Саратовским государственным техническим университетом им. Ю. А. Гагарина, другие – в рамках отраслевых проектов, направленных на обеспечение деятельности Министерства образования Республики Беларусь: «Разработать комплекс методических рекомендаций по формированию гражданской позиции, патриотического сознания и политической культуры студенческой молодежи в условиях глобализации современного мира» (2016) и «Разработать комплекс научно-практических рекомендаций по формированию устойчивой позитивной мотивации различных групп работающей молодежи к ответственному и социально значимому участию в реализации государственной молодежной политики» (2018) [1–4].

В главе выделены аспекты структурно-функционального моделирования межведомственного взаимодействия в сфере молодежной поли-

тики в контексте развития современных технологий социокультурной инклюзии. В структуру разработанной модели включены базовые государственные и негосударственные субъекты разных уровней регуляции и управления, ценностно-мотивационные основы жизнедеятельности молодежи как факторы ее устойчивой позитивной мотивации к ответственному и социально значимому участию в реализации ГМП, исследовательские технологии и т. д. Представленная модель применима к разработке дорожных карт реализации ГМП с учетом развития социальной интеграции и повышения социальной активности не только институционально организованной учащейся и работающей молодежи, но и других социальных групп этой когорты.

Оптимизация процессов социализации, социальной интеграции и идентификации молодого поколения является актуальным направлением молодежной политики в Республике Беларусь. Это обуславливает потребность в социологической информации об особенностях самоидентификации, национальной и социокультурной идентичности белорусской молодежи, коллективной молодежной идентичности, условиях и механизмах эффективной социальной интеграции, факторах формирования различных видов позитивной, общественно значимой активности молодежи в условиях глобализации. Внимание исследователей к процессу идентификации в глобализирующемся мире объясняется тем, что индивидуальная и социальная идентичности являются факторами формирования социальных групп, социальных связей, социальной дифференциации. Большую значимость приобретают вопросы национальной идентичности, выражающейся в чувстве принадлежности молодых граждан к народу и государству. У национальной идентичности особая роль, так как она формирует чувство общности молодых жителей страны, их принадлежности к нации и является основой консолидации государства. Особый характер имеют вопросы конструирования социокультурной идентичности как индивидуализированного, осознанного отождествления молодой личности с конкретной самобытной, уникальной традиционной (национальной) культурой, принятием и усвоением ценностей, норм, образцов поведения, соответствующих тем или иным группам. Гражданская идентичность является важным условием консолидации молодежи любого государства в условиях глобализации.

Для определения особенностей формирования идентичности необходимо выявлять и анализировать жизненные планы, стратегии и способы самоопределения и самореализации молодежи, ее аксиологиче-

ские приоритеты и ценностные доминанты, заложенные в жизненных моделях; различные виды, компоненты и маркеры социальной идентификации, определяющие факторы и социальную активность молодежи как проявление ее гражданской идентичности; показатели конфликтности социальной среды, в том числе социальной дистанции по отношению к уязвимым культурным группам и меньшинствам. Эти индикаторы служат основой развития технологий эффективной социальной интеграции молодежи.

Процессы идентификации и социальной интеграции – социализационные процессы, они входят в технологии социализации, тесно связаны с ее различными аспектами. Однако идентичность и социальная интеграция являются и результатами социализации.

Методологическая универсальность понятия социальной интеграции связана с тем, что в зависимости от фокуса исследования ее можно рассматривать как процесс и результат интериоризации социальным субъектом разделяемых им норм, ценностей, целей, требований, ролей и обязанностей социальной группы или коллектива, а также как процесс функционального включения социального субъекта в активную социальную жизнь, в различные сферы социума. При этом чем разнообразнее и шире включение в ту или иную социальную структуру, тем сильнее осознание принадлежности к ней, идентификация с этой структурой. Процесс идентификации связан с выбором и освоением личностью / социальной группой тех или иных социализационных норм, формирующих ее ценностные ориентации и поведенческие установки, которые определяют социальную, национальную, культурную и иную принадлежность.

Одним из принципиальных методологических аспектов анализа проблем социальной интеграции является включение в предмет исследования таких процессов/результатов интеграции, как социальная сплоченность, солидарность, социальная инклюзия, социальная эксклюзия, социальная адаптация, социальная мобильность, социальный капитал, партнерство и т. д.

Социокультурная инклюзия относится к комплексным инновационным технологиям реализации адекватных социально-идентификационных стратегий, обеспечения равных прав и возможностей социальных субъектов для доступа к ресурсам, для полноценной жизни и участия в жизни общества, а также преодоления факторов социального неравенства вне зависимости от гендерных, возрастных, социально-статусных, материальных, образовательных, национальных, конфессиональ-

ных, медицинских и иных идентификационных признаков и особенностей. Ввиду всевозрастающей функциональной значимости социальной инклюзии состояние культуры ее реализации является качественной характеристикой общественного развития, в которой заложен серьезный потенциал социального прогресса. В условиях мультикультурализма как одного из глобальных вызовов современности в центре внимания оказываются не только традиционные социальные неравенства, но и социокультурные и нормативно-ценностные, мировоззренческие и идеологические, поведенческие и деятельностные аспекты, характеризующие условия и возможности полноценной социальной адаптации и интеграции особых социально-демографических групп и уязвимых категорий населения.

В глобализирующемся социуме появляются новые социальные субъекты инклюзии. Сегодня это не только лица с ограниченными возможностями, дети-сироты, дети из приемных семей или оставшиеся без попечения родителей, бедные и пожилые люди, которые выделяются по традиционным основаниям неравенства, но и мигранты, беженцы, студенты-иностранцы, талантливые и особо одаренные люди, бывшие военные с посттравматическим синдромом, участники современных боевых действий и очевидцы терактов, этнические, конфессиональные и другие меньшинства, а также проблемные группы, которые различаются по порождаемым глобализацией новым стратификационным основаниям. И для всех в процессе их жизнедеятельности необходимо создавать специальные условия и применять адаптивные технологии социализации, социальной интеграции и идентификации. Проблемные и социально уязвимые категории нередко находятся в социальной изоляции, испытывают депривацию и дистанцированы от участия в общественной жизни, от социальных, в том числе культурных, процессов. Они нуждаются в институциализации инклюзии для развития гражданства, социальных идентичностей, прав индивида или группы на мобильность и т. д. Наличие условий самоидентификации и возможностей интеграции в социум является фундаментальным правом гражданина справедливого демократического общества. Соответствие жизненных установок и средств обеспечения интеграции достигается как за счет индивидуальных характеристик и ресурсов (ценностная система, знания, умения, способности, активность), так и при помощи внешних средовых ресурсов, предоставляемых обществом, социальными институтами, близкими людьми.

Особенную остроту эта проблема приобрела в отношении молодежи, имеющей достаточно зависимый и уязвимый жизненный статус. Актуа-

лизация значения социокультурной инклюзии как технологии формирования осознанной молодежной идентичности и полноценной позитивной интеграции молодого поколения в общественно значимые процессы в современных условиях обусловлена динамичным изменением молодежи как гетерогенного социального субъекта в условиях глобализации. Социокультурная инклюзия как инструмент формирования социальной идентичности молодежи должна целенаправленно развиваться в молодежной политике. При этом важно сформировать такую культуру отношения к объектам инклюзивной политики, в основе которой лежит не просто толерантность, но чувство сопереживания и желание помогать, существуют реальные возможности и практики включения той или иной уязвимой группы в социальные процессы путем расширения ее участия в обучении, культурной деятельности и иных сферах жизни общества. Внедрение инновационных технологий формирования инклюзивной культуры, нового активного отношения, а не пассивной толерантности к указанным проблемным категориям молодежи требует времени и системной политики, наличия интеграционных механизмов и высококвалифицированных кадров, а также серьезного научного обеспечения.

В связи со стремительным развитием процессов инклюзии, взаимопроникновением социокультурных практик глобальной и локальной культур инклюзия признана принципом современной политики не только в сфере образования и здравоохранения – этот феномен следует учитывать во всех социокультурных сферах общественной жизни. При этом социальная инклюзия является более узким понятием в сравнении с социальной интеграцией. Инклюзия способствует укреплению чувства принадлежности индивида или группы к сообществу, ведущего к социальной интеграции, является подчиненным процессом по отношению к интеграции.

Молодежная политика направлена на регулирование процессов социализации, социальной интеграции и формирования идентичности молодого поколения. Для социально-демографической группы молодежи необходимо создавать особые условия, развивать адаптивные технологии социализации, социальной интеграции и идентификации. Включение различных групп молодежи в социальные процессы, их успешная интеграция в социальную практику сегодня являются ключевым фактором формирования социальной сплоченности, что особенно актуально в ситуации распространения постмодернистских ценностей эгоизма и индивидуализма.

Для повышения эффективности молодежной политики, по мнению экспертов (руководителей белорусских молодежных общественных организаций и служб, представителей органов законодательной и исполнительной власти Республики Беларусь, отвечающих за работу с молодежью), необходимо эмпирически обоснованное моделирование социальных технологий изучения и внедрения механизмов, формирующих позитивную мотивацию молодежи к осознанному, ответственному и социально значимому участию в различных сферах жизни общества. Данные проведенных исследований позволили определить структурные модельные компоненты и факторы, которые отражают возможные технологии активизации позитивной социальной интеграции молодежи и позволяют выявлять, изучать, объяснять, оценивать результаты функционирования ГМП и определять перспективы ее развития и механизмы управления ею в современных условиях.

В данном контексте под социальными технологиями подразумевается совокупность инструментов эффективного социального взаимодействия и управления, которые помогают отслеживать, измерять, интерпретировать, прогнозировать различные социальные процессы и отношения в сфере молодежной политики, в том числе показатели социальной интеграции молодежи и коллективной молодежной идентичности, удовлетворенности молодежи условиями жизни и т. д. Структура технологий включает методы оценки и механизмы реализации потенциала внутренних личных ресурсов и свойств молодежи и внешних ресурсов, определяющих условия ее жизнедеятельности и социальные возможности на определенных этапах жизни и в различных сферах. Эти технологии позволяют изучать и оценивать общественно-политическую, социально-экономическую и социокультурную ситуацию в молодежной среде, анализировать тенденции ее развития и прогнозировать динамику изменений для планирования и обоснования программ молодежной политики. В структуру социальных технологий также входят методы выявления противоречий в ходе реализации молодежной политики, в том числе в процессах взаимодействия и самореализации социальных субъектов, и механизмы разрешения выявленных противоречий, способы целенаправленного функционального воздействия на соответствующие объекты социального управления.

Структурными компонентами социальных технологий выступают методы оценки стратегий по регулированию и процесса реализации ГМП с учетом статусных особенностей учащейся и работающей/безработной молодежи и системы разнообразных факторов (внутренних и внешних; объективных и субъективных; социокультурных, эко-

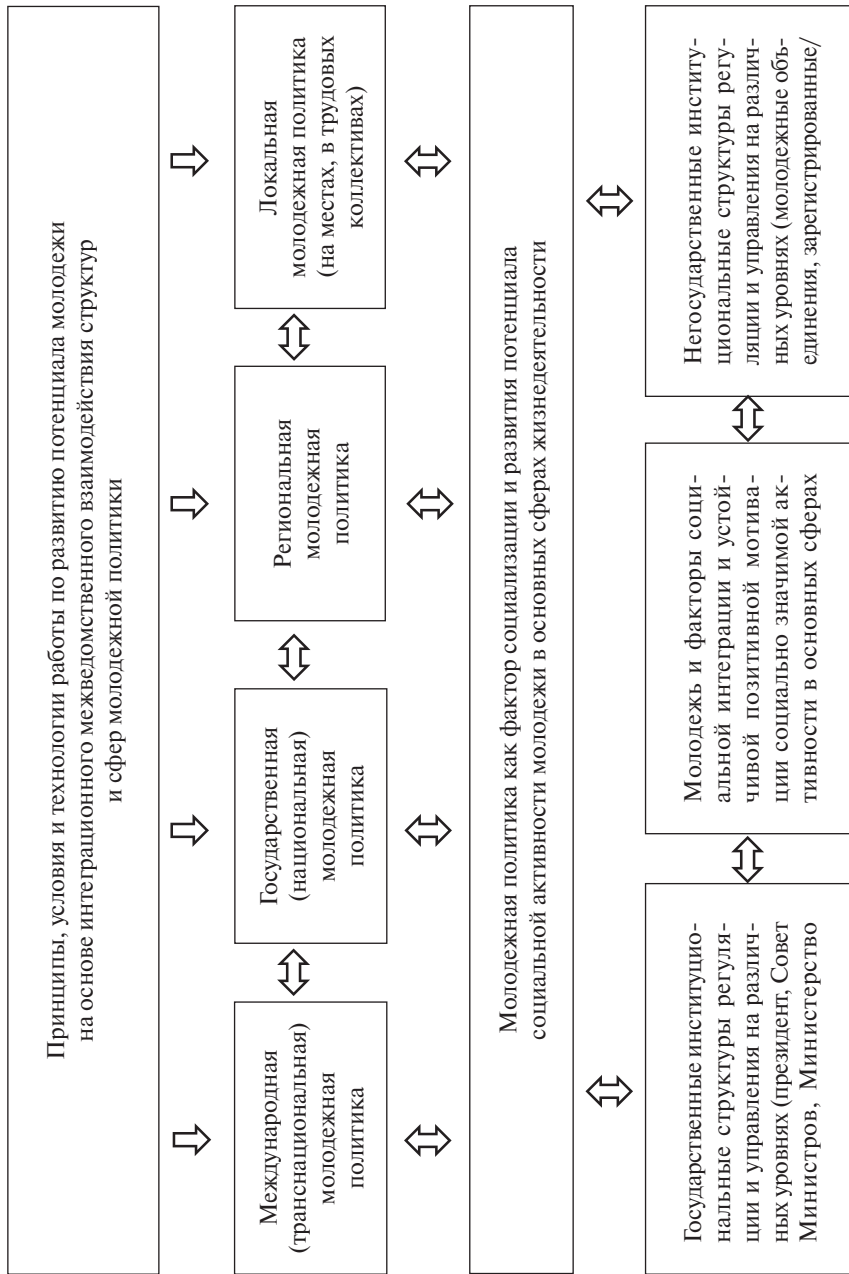
номических и политических; национальных, региональных, общегосударственных и международных) на микро- и макросубъективных и микро- и макрообъективных уровнях.

В рамках нашей методологии и с учетом экспертных мнений и оценок реализована попытка построения прогнозной научно-практической модели механизмов интеграционного взаимодействия государственных органов и молодежных объединений Беларуси в целях повышения социальной активности молодежи, прежде всего межведомственного взаимодействия различных структур, осуществляющих молодежную политику (рис. 2.1).

Структура модели взаимодействия отражает устойчивую взаимосвязь между компонентами, т. е. субъектами, побудительными силами, ценностями; видами, формами и способами социальной активности, а также обнаруживает социально-функциональные связи (спецификацию отношений). В совместной деятельности акторов ГМП проявляются процессуальные особенности и механизмы сбалансированности взаимодействия, характер и предмет связи. В конкретных видах отношений участников анализируемых процессов или на их определенных уровнях или этапах реализации могут быть задействованы лишь отдельные элементы внутренней структуры, но специфика их проявления обусловлена общей совокупностью. Содержание и характер составляющих структуру элементов, тип связи между ними варьируются в зависимости от целей, сферы их объективации и уровня ее развития, а также под влиянием субъективных факторов.

Это важно в связи с тем, что доля молодежи в возрасте 15–24 лет, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, например, в 2017 г. составила 7,3 %. В целом же уровень занятости населения в возрасте 15–30 лет в 2017 г. достиг 64,9 % от численности данной половозрастной группы, составляющей 1 833 910 человек [5, с. 12, 111].

Детальный анализ функциональных научно-практических характеристик отдельных модельных конструкторов интеграционного взаимодействия как мотиваторов гражданской позиции эмпирически обоснован в рамках названных выше научных исследований ЦСПИ БГУ, но не является предметом данной главы. Приоритетные инновационные направления развития молодежной политики Республики Беларусь, принципы и практические рекомендации по развитию социальных технологий интеграции молодежи выявлялись на основе анализа мнений учащейся и работающей молодежи и экспертов.

образования, местные исполнительные органы в соответствии с компетенцией, молодежные объединения зарегистрированные и включенные в реестры и пользующиеся государственной поддержкой) и их инфраструктура и ресурсное обеспечение (информационное, научное, финансовое, кадровое, нормативно-правовое)

молодежной политики (аксиомативные основы жизнедеятельности; условия и качество жизни; социальное благополучие, социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью; характер самоидентификации и уровень коллективной идентичности)

незарегистрированные и не включенные в реестры и не пользующиеся государственной поддержкой) и их инфраструктура и ресурсное обеспечение (информационное, научное, финансовое, кадровое, нормативно-правовое)

Республиканский комплексный социологический мониторинг эффективности реализации молодежной политики в основных сферах жизнедеятельности (практические методико-процедурные инструменты оперативного изучения проблем молодежи в динамике)

Рис. 2.1. Структурно-функциональная модель применения технологий социальной интеграции молодежи (на основе межведомственного взаимодействия структур и сфер молодежной политики)

Остановимся на актуализации проблемы включения в структуру социализационных технологий республиканского комплексного социологического мониторинга как особого информационного механизма представленной модели. Процессы формирования активной жизненной позиции молодежи и ее доверия к государственным институтам, эффективного включения в жизнь социума, проверки соответствия ее жизненных сценариев транслируемой молодежной политике нуждаются в детальном рассмотрении в режиме мониторинга. Эмпирические данные мониторинга позволят получить дополнительную оценку к определенным, в том числе статистическим, критериям эффективности реализации ГМП. Такая система критериев, показателей и оценок даст возможность не только анализировать ситуацию, но и прогнозировать ее развитие. Республиканский комплексный социологический мониторинг ситуации в молодежной среде должен стать частью системы управления ГМП – это действенное средство информационного сопровождения, анализа и оценки эффективности реализации социальных технологий работы с молодежью. Мониторинг как исследовательская стратегия связан прежде всего с оценкой эффективности реализации государственных молодежных программ, проектов и их составляющих с выявлением отклонений от их стратегии и внесением корректив в процесс разработки и осуществления исследуемых процессов. Мониторинг ГМП может стать дополнительным инструментом для оптимизации принятия управленческих решений, рационализации использования инновационных технологий в разрешении и регулировании социальных проблем в молодежной среде и т. д.

Внедрение республиканского мониторинга обеспечит периодичность сбора, анализа и использования социологической информации о важнейших характеристиках элементов структурно-функциональной модели исследуемой системы, параметров как внутренней, так и внешней среды, а также взаимосвязи всех ее составляющих. Интегрированная модель позволяет осуществить выбор социологической исследовательской стратегии (соответствующей макро- и микрообъективным, макро- и микросубъективным подходам) и методик их сочетания/комбинирования. Информация о динамике ситуации и доминирующих тенденциях в молодежной среде необходима для обоснованного прогнозирования возможных изменений, анализа и оценки ожидаемых результатов реализации ГМП, оперативной корректировки и выработки подходов к решению возникающих проблем и предложению мер по повышению ее эффективности.

Следующий аспект развития технологий идентификации и социальной интеграции белорусской молодежи связан с изменением структуры агентов социализации, изучением каналов и характера влияния новых глобализационных явлений на сознание, самоидентификацию, социальное поведение и сплоченность молодежи, на формирование ее адаптационных возможностей, что во многом определяет потенциал развития современных социальных процессов и отношений. Поэтому, рассматривая вопросы идентификации и социальной интеграции, следует отметить, что социальные технологии должны быть связаны, во-первых, с выявлением детерминант социокультурных угроз и вектора их направленности, во-вторых — с оптимизацией позитивных результатов культурной аккумуляции и т. д., в-третьих — с предотвращением, устранением или минимизацией аномии и других негативных социальных последствий культурного шока, националистического экстремизма, терроризма, разрушения культурного наследия и иных социокультурных рисков, опасностей и угроз, возникающих вследствие культурной глобализации.

Так, по оценкам экспертов, при формировании современной парадигмы работы с молодежью с акцентуацией проблем социальной инклюзии и коллективной идентичности требуется целенаправленный учет такого нового фактора объективной реальности, как социальные метатехнологии, используемые глобальной элитой для манипуляции сознанием, интересами и желаниями масс, прежде всего молодых людей. Целесообразно изучать характер влияния социальных медиа, развивающихся в процессе глобализации медиaprостранства, прогрессирующего развития виртуальных средств коммуникации и манипулятивных медиастратегий как агента вторичной социализации и их воздействия на молодежь — наиболее активного пользователя социальных сетей. Учитывая открытость и глобальный характер современного информационного пространства, полное исключение негативного воздействия социальных медиа не представляется возможным. Необходимо комплексное социологическое изучение специфики информационного воздействия социальных сетей на идентификацию и формирование мировоззренческих установок и личностных ориентаций молодежи Республики Беларусь с целью разработки практических технологий противодействия негативному информационному влиянию социальных медиа.

В качестве выводов выделим приоритетные направления развития современных технологий молодежной политики, принципы и рекомендации по совершенствованию работы с молодежью и развитию ее потенциала. Важнейшей научно-практической задачей в сфере реализа-

ции адаптивных технологий молодежной политики с учетом принципов социокультурной инклюзии и условий формирования устойчивой позитивной мотивации различных групп молодежи к ответственному и социально значимому участию в жизни страны является обеспечение гармонии внутренних личных и внешних ресурсов молодежи, полноценности социальных связей, определяющих ее социальные возможности для саморазвития, социализации и успешной интеграции в общество в каждой сфере и на каждом этапе жизнедеятельности.

Инновационные технологии молодежной политики на принципах социокультурной инклюзии должны моделироваться на основе научных данных и предусматривать связанную единой стратегией систему последовательных мероприятий, способов и средств социализации, социальной интеграции и формирования, поддержки и укрепления гражданской идентичности в условиях глобализации с учетом долгосрочного прогнозирования поколенческого изменения культурных тенденций в молодежной среде. Современные технологии социальной интеграции должны базироваться на признании государственно-частного партнерства, важности неформальных организаций, переходе от патернализма, нормативистского дискурса и идеологии сегрегации к принципу социальной инклюзии, реализации субъект-субъектной модели отношений государства и молодежи. Для их реализации требуется развитие инфраструктуры молодежной политики не только как управленческо-организационной компоненты и системы учреждений по работе с молодежью, но и как целевой составляющей инфраструктуры по социализации, социальной адаптации и интеграции разных групп молодежи в основных сферах жизни.

Для внедрения новых технологий необходимо совершенствовать механизмы взаимодействия профильных компонентов инфраструктуры молодежной политики и субъектов, курирующих молодежную политику, в том числе входящих в состав органов управления различных уровней, на принципах межсекторального/межведомственного/межотраслевого скоординированного сотрудничества по определенным направлениям работы (работа, семья, культура, образование, наука, политика, спорт и т. д.) на республиканском, региональном и местном уровнях (по вертикали и горизонтали, в городе и сельской местности и т. д.).

Молодежная политика требует анализа принципов, направлений и эффективных механизмов реализации в основных сферах жизни общества и интеграции на международном, национальном, региональном и местном уровнях. В современных условиях глобализации молодежная политика сможет стать эффективным фактором развития социальной

активности молодежи при условии анализа транснациональных тенденций в молодежной среде, в том числе опыта создания, реорганизации молодежных объединений различных уровней, изучения приоритетов молодежной политики, инициативных программ, проектов в отношении этой социальной группы. Современные технологии работы с молодежью должны учитывать разнообразие аспектов формирования всех видов позитивной общественно значимой социальной идентичности, социального доверия, активной гражданской позиции, расширения социального участия, равных возможностей молодежи для полноценного и активного участия во всех сферах жизни и принятии решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Принципы инклюзивной культуры в работе с молодежью: сравнительный анализ молодежной политики Российской Федерации и Республики Беларусь / редкол.: Н. Ловцова, Д. Ротман, А. Ручин, В. Ярская (науч. ред.). Саратов ; М. : СГТУ им. Ю. А. Гагарина, Вариант, 2016.

2. *Филинская Л. В., Морозова С. А.* Особенности миграционной мобильности как маркеры социальной интеграции молодежи современной Беларуси (с рабочего стола социолога) // Вестн. Харьк. нац. ун-та им. В. Н. Каразина. 2016. Вып. 35. С. 37–46.

3. *Филинская Л. В., Морозова С. А.* Идентификационные стратегии белорусской молодежи и инклюзивная культура: векторы и точки пересечения (социологические заметки) // Социология. 2016. № 2. С. 45–56.

4. *Филинская Л. В., Морозова С. А.* Идентификационные стратегии белорусской молодежи и инклюзивная культура: векторы и точки пересечения (социологические заметки) // Социолог. исслед. 2019. № 2. С. 49–57.

5. Дети и молодежь Республики Беларусь : стат. сб. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современная белорусская семья претерпевает значительные трансформации, двигаясь в направлении модернизации и демократизации. Сущность этих преобразований состоит в признании права человека на свободный выбор своего матримониального поведения и распространении брачно-семейных отношений, альтернативных традиционным формам брака и семьи. Отказ от традиционных семейных ценностей, характерный для молодежи, негативно сказывается на демографической ситуации Республики Беларусь.

Следствием распространения среди молодых людей «гражданских» браков, повышения возраста женихов и невест и возраста первородящих матерей, высокого процента разводов, установки молодежи на малодетность является сокращение численности и старение населения Беларуси, что представляет потенциальную угрозу для устойчивого развития государства и национальной безопасности страны.

В связи с обострившейся демографической ситуацией в стране, учитывая роль молодежи в воспроизводстве социально-демографической структуры общества, изучение семейных ценностей молодежи, их ориентаций на создание семьи, а также репродуктивных установок весьма актуально. Полученная информация поможет разработать систему мероприятий, способных повлиять на процесс изменения жизненных приоритетов, нравственных и семейных ценностей современных мо-

лодых людей таким образом, чтобы обеспечить демографическую безопасность страны.

Данная глава отражает результаты международных научно-исследовательских проектов (срок исполнения 2017–2018 гг.), участником которых являлся ЦСПИ БГУ. Результаты исследования репрезентированы в монографических изданиях. При написании главы также использовались итоги социологических исследований, проведенных ЦСПИ БГУ в годы, предшествующие анализируемому периоду, статистические данные, представленные Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в сборниках по проблемам семьи и демографии [1–4].

Необходимо отметить, что подавляющее большинство молодых людей (84,0 %), по данным международного проекта «Исследование европейских ценностей», волна-2018, считают семью очень важной для себя ценностью (табл. 3.1).

Таблица 3.1

**Распределение ответов на вопрос о месте семьи
в структуре базовых ценностей населения (%)**

Базовая ценность	Очень важно	Скорее важно	Скорее не важно	Совсем не важно
Семья	84,0	14,2	0,9	0,6
Работа	56,1	36,5	4,5	2,1
Друзья и знакомые	45,7	46,6	6,2	1,5
Досуг	38,3	50,4	10,4	0,9
Политика	7,4	27,3	43,6	20,8
Религия	12,8	30,3	30,0	26,4

Однако сам институт семьи и представления о том, какой должна быть семья, претерпевают существенные изменения в нормативно-ценностном сознании молодых белорусов, что и является предметом анализа данной главы.

Следует признать, что большая часть молодежи ориентирована на традиционный брак – совместную жизнь мужчины и женщины на основе официального заключения брака в органах ЗАГС. По результатам «Исследования европейских ценностей», волна-2018, при ответе на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что брак – это устаревший социальный институт?» 71,8 % молодых людей дали отрицательный ответ. Численность тех, кто согласился с суждением «брак – это устаревший социальный институт», составила 22,8 % среди молодых людей в возрасте 18–31 года (среди всего населения Беларуси согласились с данным суждением 14,2 % белорусов).

Брак в его традиционной форме, хотя и не отвергается большинством молодежи, но и не признается единственно должной формой брачных отношений между мужчиной и женщиной. В молодежной среде фиксируется расширение диапазона мнений относительно правомерности существования и других, отличных от традиционных моделей брака и семьи. В возрастной категории от 18 до 29 лет становится нормой фактический брак – совместное проживание юноши и девушки без официальной регистрации своих отношений. Большинство молодых людей рассматривают эту форму отношений как пробный вариант брачного союза. В связи с этим уместно обратиться к результатам масштабного исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов», проводимого в нашей стране в рамках международной программы «Поколения и гендер» (GGP), которую с 1990-х гг. проводят в 25 странах мира. Беларусь подключилась к проекту на третьей волне замеров в 2017 г.

На вопрос «Намерены ли Вы начать жить вместе и/или заключить брак?» большая часть молодежи от 18 до 39 лет дала ответ «Сначала жить вместе, потом заключить брак» (табл. 3.2).

Таблица 3.2

**Распределение ответов жителей Беларуси на вопрос
«Намерены ли Вы жить вместе и/или заключить брак?» (%)**

Вариант ответа	Возраст респондента в десятилетних интервалах			
	до 20	20–29	30–39	40–49
Только жить вместе	9,1	5,6	9,3	46,2
Сразу заключить брак	4,5	20,3	18,6	7,7
Сначала жить вместе, потом заключить брак	86,4	74,1	72,1	46,2

Совместную жизнь без юридического оформления своих отношений молодые люди, как правило, оправдывают наличием взаимных теплых чувств и желанием проверить их на прочность временем и бытом. По данным исследования «Формирование семьи...», доля белорусов, проживающих с партнером без официальной регистрации, составила 5,8 %. Среди данной категории опрошенных преобладали молодые люди в возрасте 20–39 лет [2, с. 22–27].

Что же, по мнению молодых людей, означает понятие «гражданский брак»? К сожалению, мы не располагаем данными более позднего периода и обращаемся к результатам научно-исследовательской работы

«Проведение исследования причин разводимости, тенденций изменения психологии внутрисемейного поведения», осуществленной ЦСПИ БГУ в 2008 г. по заказу Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, опубликованной в сборнике «Молодежь современной Беларуси: штрихи к портрету» [5, с. 13–14]. В данной главе используются данные опроса молодых людей (250 мужчин и 250 женщин) в возрасте от 18 до 29 лет, никогда не состоявших в официальном браке. Как оказалось, подавляющее большинство из них (91,0 % молодых женщин и 89,7 % молодых мужчин) под «гражданским» браком понимают продолжительное совместное проживание мужчины и женщины без юридического оформления своих отношений, 32,3 и 34,2 % соответственно – совместное ведение хозяйства, 22,8 и 19,0 % – совместный бюджет. Только 15,9 % женщин и 15,1 % мужчин связывают данное понятие с наличием общих детей, 4,8 и 6,2 % – с общей недвижимостью.

Как считают молодые люди, «гражданский» брак имеет как положительные, так и отрицательные стороны. В число позитивных сторон молодые люди включили предоставляемую таким браком возможность проверить свои чувства, лучше узнать друг друга, приспособиться друг к другу, приобрести начальный опыт семейной жизни (эту позицию разделили 20,1 % женщин и 17,1 % мужчин). По данным международного исследования «Формирование семьи...», более половины молодых людей Беларуси до 30 лет, пребывающих на момент опроса в официальном браке, прошли через этап «гражданского» брака [2, с. 24].

Однако для большей части молодых людей положительной стороной «гражданского» брака является отсутствие взаимных обязательств (21,2 % женщин и 21,9 % мужчин) и возможность легко, без юридических сложностей расстаться (соответственно 23,3 и 25,3 %). О разрыве отношений чаще задумываются респонденты, проживающие с партнером вне брака, чем состоящие в зарегистрированном браке [2, с. 41]. Каждый пятый представитель молодого поколения (22,8 % женщин и 17,8 % мужчин) не усмотрел в этой форме партнерских отношений каких-либо преимуществ.

К числу негативных моментов «гражданского» брака были отнесены: бесперспективность, отсутствие будущего у подобной формы брачного союза (44,4 % молодых женщин и 26,9 % молодых мужчин). Немногим более четверти молодых людей (27,5 % женщин и 26,0 % мужчин) отмечают его юридическую несостоятельность, т. е. нерегулируемые правом имущественные и финансовые отношения супругов, их взаимные права и обязанности. Только 3,2 % женщин (среди мужчин – 17,8 %) не усматривают в подобной форме брачных отношений никаких отрицательных сторон.

Исходя из результатов опроса молодых людей, можно прийти к заключению, что «гражданский» брак не является той формой брачного союза, которая успешно готовит будущих супругов к браку и семье и способствует ее укреплению. Можно предположить, что жизнь в «гражданском» браке без соответствующих взаимных обязательств (супружеских, родительских, материально-финансовых) может негативно повлиять на процесс взаимной адаптации молодых супругов в последующем законном браке и даже спровоцировать распад молодой семьи. Очевидным является и тот факт, что совместное проживание юноши и девушки без официального оформления своих отношений приводит к увеличению возраста женихов и невест, впервые вступающих в законный брак. Как видно из данных, представленных в табл. 3.3 [6, с. 65; 7, с. 271; 8, с. 51], увеличивается и возраст матери при рождении первого ребенка, на что в немалой степени влияет «гражданский» брак, отодвигая время рождения детей на потом, после вступления в официальный брак. Откладывание рождения первого ребенка на более поздний срок уменьшает шанс рождения второго и последующих детей и, соответственно, ведет к сокращению рождаемости в целом по стране.

Таблица 3.3

Средний возраст женихов и невест при вступлении в первый брак и средний возраст матери при рождении первого ребенка (лет)

Год	Средний возраст вступления в первый брак		Средний возраст матери при рождении первого ребенка
	мужчин	женщин	
1990	24,4	22,5	22,9
2005	25,7	23,5	23,9
2015	27,5	25,5	26,0
2016	27,8	25,6	26,3
2017	27,9	25,8	26,5
2018	28,1	26,0	26,7
2019	28,3	26,1	26,8

В сознании современной молодежи происходит снижение важности детей в жизни людей, что свидетельствует о разрушении семейных стереотипов, согласно которым основу семьи составляет брак между мужчиной и женщиной, главное предназначение которого – рождение и совместное воспитание детей. По данным «Исследования европейских ценностей», волна-2018, рождение и воспитание детей признают как долг по отношению к обществу немногим более трети моло-

дых людей (35,9 %), среди всего взрослого населения страны – более половины (51,1 %).

Традиционную точку зрения на предназначение женщины (женщина должна иметь детей, чтобы выполнить свое жизненное предназначение) в 2018 г. высказали 48,7 % молодых людей в возрасте 18–31 года (в 2008 г. – 61,0 %). Аналогичную позицию в отношении мужчин (мужчина должен иметь детей) в 2018 г. разделили 46,7 % молодых людей (в 2008 г. – 58,5 %).

Значительная доля молодых людей высказала противоположную точку зрения. На вопрос «Должна ли женщина иметь детей, чтобы выполнить свое предназначение?» 46,2 % представителей молодого поколения в 2018 г. дали ответ «необязательно» (в 2008 г. – 28,4 %). Примерно столько же отрицательных ответов (48,4 %) было получено в 2018 г. на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что у мужчины должны быть дети, чтобы он смог выполнить свое предназначение?» (в 2008 г. – 31,2 %).

Современная молодежь не воспринимает продолжение человеческого рода как обязательную гражданскую миссию мужчины и женщины. Как показывают данные табл. 3.4, число детей, родившихся у молодых женщин до 35 лет, ежегодно сокращается [8, с. 51].

Таблица 3.4

**Возрастные коэффициенты рождаемости
и суммарный коэффициент рождаемости**

Год	Число родившихся в среднем за год на 1000 женщин в возрасте до 35 лет				Суммарный коэффициент рождаемости
	моложе 20	20–24	25–29	30–34	
1990	43,6	175,6	97,7	45,0	1,913
2005	21,7	91,2	79,0	41,9	1,252
2015	18,1	89,4	115,4	82,5	1,724
2016	16,1	88,0	116,1	84,4	1,733
2017	13,4	78,2	100,7	76,3	1,541
2018	11,7	73,8	93,0	71,6	1,448
2019	10,8	68,4	89,0	68,6	1,382

Видимо, необходимость заботиться о детях вступает в противоречие с жизненными планами молодых людей, ориентированных на карьеру, самореализацию, материальное благополучие, и большинство молодых супружеских пар ограничиваются рождением одного ребенка или откладывают рождение детей на более поздний период своей жизни.

Признавая автономию людей в вопросах деторождения, молодые белорусы (18–31 год) допускают регулирование деторождения через искусственное прерывание беременности (аборт). В 2018 г. в «Исследовании европейских ценностей» на вопрос «Скажите, аборт всегда можно оправдать, никогда нельзя оправдать или когда как?» 27,0 % молодых людей ответили «никогда», 8,0 % – «всегда можно оправдать». По 10-балльной шкале (от «никогда нельзя оправдать» – 0 баллов до «всегда можно оправдать» – 10 баллов) немногим более трети молодых людей (36,6 %) остановили свой выбор в интервале от 4 до 7 баллов, что можно интерпретировать, как в одних случаях можно оправдать, в других – нельзя. Еще 12,7 % молодых людей склоняются в сторону неприятия абортов, определив свое отношение к данной процедуре в 2–3 балла, почти столько же (11,3 % юношей и девушек), напротив, сочли возможным оправдать аборты всегда, избрав 8–9 баллов. В табл. 3.5 приводятся данные, демонстрирующие динамику количества абортов среди белорусских женщин фертильного возраста (15–49 лет) и молодых женщин до 35 лет [6, с. 131; 8, с. 124; 9, с. 47].

Таблица 3.5

Динамика количества абортов среди белорусских женщин

Год	Количество абортов у женщин			
	всего, тыс.	на 100 родов	в возрасте до 35 лет, тыс.	в возрасте до 35 лет, %
2000	121,9	128,7	–	–
2011	32,0	29,5	25,3	79,1
2014	29,8	25,3	23,1	79,6
2015	29,2	24,7	22,6	77,4
2016	27,5	23,5	20,7	75,3
2017	25,2	24,8	18,6	73,8
2018	23,3	24,9	–	–
2019	21,3	24,4	–	–

Появление эффективных средств контрацепции, просветительская, информационно-пропагандистская деятельность учреждений здравоохранения, церкви, общественных организаций способствовали формированию неприятия абортов как средства репродуктивного планирования семьи в ценностном сознании населения. В результате на протяжении последних 20 лет фиксируется снижение и стабилизация случаев искусственного прерывания беременности, в том числе и среди молодых женщин до 35 лет (см. табл. 3.5).

В то же время нельзя не признать, что столь патриархальный способ регулирования рождаемости остается довольно распространенным среди молодых женщин, что негативно сказывается и на их здоровье, и в целом на демографической ситуации в стране. По имеющимся статистическим данным, в 2016 г. молодыми женщинами (до 35 лет) было рождено 102,5 тыс. детей и не было рождено вследствие искусственного прерывания беременности 20,7 тыс. детей. В 2017 г. в той же возрастной группе женщин (до 35 лет) на 88,0 тыс. рожденных детей приходилось 18,6 тыс. искусственно прерванных беременностей [8, с. 50].

В ходе проведенных исследований также изучалось отношение молодых людей и к другим современным формам матримониального поведения: рождению детей вне брака, гомосексуальным союзам, разводам.

В инструментарии международного «Исследования европейских ценностей», волна-2018, отсутствовал вопрос об отношении окружающих к женщине, пожелавшей иметь детей вне брака. По результатам исследований предыдущих волн, положительно воспринимали желание женщины иметь ребенка без стабильных отношений с мужчиной в 1990 г. – 46,6 % населения Беларуси, в 2000 г. – 60,6 %, в 2008 г. – 46,3 % [4, с. 24]. Признание за женщиной права на материнство вне брака подтверждается ростом числа детей, родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке. В 1990 г. их количество составляло 8,5 % от всех родившихся, в 2000 г. – 18,6 %, в 2005 г. таких детей было 24,2 % от всех родившихся. С 2008 г. наметилось снижение числа детей, родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, и в 2018 г. их количество снизилось до 13,0 % [6, с. 59]. Эта тенденция характерна и для молодых матерей. Тем не менее наиболее высокая доля рождения внебрачных детей отмечается у матерей в возрасте до 35 лет (табл. 3.6) [7, с. 267].

Таблица 3.6

**Количество детей, родившихся живыми у женщин,
не состоящих в зарегистрированном браке**

Год	Всего, тыс.	У матерей в возрасте до 35 лет, тыс.	У матерей в возрасте до 35 лет, %
1990	12,1	10,6	83,1
2005	21,9	20,0	91,1
2015	16,5	13,4	81,2
2016	15,6	12,6	80,8
2017	13,5	10,6	78,5
2018	12,2	9,3	76,2

Расширение диапазона лояльности со стороны молодежи к другим, отличным от традиционных норм проявлениям матримониального поведения демонстрируют ответы на вопрос «Скажите, всегда ли можно оправдать гомосексуализм, никогда нельзя оправдать или когда как?» («Исследование европейских ценностей», волна-2018). По 10-балльной шкале от «никогда нельзя оправдать» (0 баллов) до «всегда можно оправдать» (10 баллов) 47,2 % молодых людей склоняются к варианту «никогда нельзя оправдать». Тех, кто считает возможным всегда оправдать однополые союзы, значительно меньше – 9,5 %. Каждый пятый (20,8 %) остановил свой выбор на 5 и 6 баллах. Видимо, по их мнению, оправдание или неприятие данного явления зависит от конкретных обстоятельств.

Большая часть молодого населения Беларуси в 2018 г. высказала несогласие («полностью не согласен» – 43,3 %) или сомнение («скорее не согласен» – 22,8 %) по поводу того, что «гомосексуальные пары могут быть такими же хорошими родителями, как и любые другие пары». Однако либеральная идея поддержки гомосексуальных пар в их стремлении стать приемными отцами и матерями все же имеет заметное число сторонников в молодежной среде Беларуси. Каждый пятый (20,8 %) молодой белорус согласился («полностью согласен» + «скорее согласен») с утверждением, что «гомосексуальные пары могут быть такими же хорошими родителями, как и любые другие пары».

Серьезную социальную проблему представляет большое количество разводов среди молодых семей, а именно: падение престижа семьи, увеличение количества одиноких людей, неполных семей, социальных сирот, ухудшение демографической ситуации в целом. По результатам «Исследования европейских ценностей», волна-2018, 11,8 % молодых людей высказали категоричное «нет» разводу, 18,1 % юношей и девушек считают возможным всегда оправдать развод. По 10-балльной шкале большая часть молодых людей (40,3 %) остановила свой выбор на нейтральной позиции (от 4 до 7 баллов), что можно проинтерпретировать как «развод в одних случаях можно оправдать, в других – нет».

Причин для неудовлетворенности брачными отношениями много, особенно в первые годы совместной жизни молодых супругов. Различие привычек, нравственных ценностей, принципов воспитания, особенности характера требуют от молодоженов каждодневного труда по согласованию своего поведения с брачными ожиданиями друг друга, выработке единого решения множества семейных проблем. Не все молодые супруги способны справиться с большим объемом семейных обязанностей, не каждый из них готов ограничить свои личные потреб-

ности и свободы ради благополучия семьи. Семья превращается для них в источник недовольства и стрессов, единственным средством избавления от которых является развод.

К сожалению, молодые супруги довольно легко принимают решение о разводе. По результатам международного исследования 2017 г. «Формирование семьи...», 21,6 % молодых людей в возрасте до 20 лет и 11,2 % в возрасте 20–29 лет задумывались о разрыве отношений со своим партнером в последние 12 месяцев (табл. 3.7).

Таблица 3.7

**Распределение ответов на вопрос
«Задумывались ли Вы в течение последних 12 месяцев
о разрыве отношений с супругом (партнером)?» (%)**

Вариант ответа	Возраст респондента в десятилетних интервалах			
	до 20	20–29	30–39	40–49
Да	21,6	11,2	8,7	8,3
Нет	78,4	88,8	91,3	91,7

О нестабильности молодых семей свидетельствуют и статистические данные, отражающие число разводов среди молодых супругов в возрасте до 35 лет и стажем семейной жизни до 5 лет (табл. 3.8) [7, с. 221, 225, 229; 8, с. 58].

Таблица 3.8

**Количество разводов по возрасту бывших супругов
и стажу семейной жизни (тыс.)**

Год	Всего разводов	По продолжительности брака (до 5 лет)	По возрасту бывших супругов (до 35 лет)	
			мужчин	женщин
1990	35,0	12,8	19,7	21,8
2005	30,5	9,1	15,6	18,1
2015	33,0	12,2	15,8	18,9
2016	32,6	12,2	15,5	18,5
2017	32,0	11,7	15,2	18,1
2018	33,2	11,5	15,0	18,1
2019	34,5	—	—	—

Для выявления особенностей ценностно-нормативного регулирования поведения в сфере семейно-брачных отношений был проведен сравнительный анализ приоритетности семейных ценностей, являю-

щихся, по мнению молодых, залогом счастливой семейной жизни. Высказывая мнение о значимости тех или иных факторов, необходимых для счастливого брака, молодые жители Беларуси определяли рейтинг его различных характеристик и тем самым конструировали свой идеальный образ семьи, что позволяет определить установки молодых на ролевое поведение в семье, выявить возможные источники дестабилизации молодой семьи.

Из полученных результатов следует, что для большинства молодых мужчин и женщин главными составляющими счастливой семейной жизни выступают личностные отношения, а именно супружеская верность (87,8 %). Заметно меньшее число молодых людей обязательным условием семейного счастья назвали наличие детей (67,7 %).

Около половины молодых людей считает важным условием счастливой семейной жизни ее материальную составляющую: обеспеченность хорошим жильем (46,0 %) и высокий доход, достаточный для нормальной жизни (49,0 %); чуть меньше половины (43,3 %) – совместное ведение домашнего хозяйства.

Вместе с тем все более значимыми становятся такие факторы, как личная свобода, возможность проводить время с собственными друзьями или за собственным хобби/увлечением – на это в 2018 г. указали 39,2 % молодых жителей Беларуси.

В табл. 3.9 приведены данные «Исследования европейских ценностей», волна-2018, о доле молодежного населения, признающего те или иные условия счастливой семейной жизни очень важными.

Таблица 3.9

Условия, обязательные для счастливой семейной жизни (%)

Условие счастливой семейной жизни	Все население	Молодежь (18–31 лет)
Верность	78,7	87,8
Наличие детей	86,4	67,7
Обеспеченность хорошим жильем	54,0	46,0
Совместное ведение домашнего хозяйства	51,2	43,3
Высокий доход (достаточный уровень дохода)	51,4	49,0
Возможность проводить время с собственными друзьями или за собственным хобби/увлечением	35,1	39,2

Можно сказать, что в сознании современной белорусской молодежи счастливая семейная жизнь ассоциируется с удовлетворенностью супругов совместной жизнью, ощущением счастья, сохранением личной свободы, нежели с взаимными обязательствами, исполнением своего семейного и родительского долга. Ориентация молодых мужчин и женщин на эмоционально-психологическую составляющую брака, а также снижение значимости репродуктивной составляющей супружества ослабляют брачные связи.

Как видно из табл. 3.9, необходимым условием успешного брака 43,3 % молодых людей назвали совместное ведение домашнего хозяйства. Сегодня в условиях полной профессиональной занятости мужчин и женщин около половины молодых людей (47,1 %) выразили свое несогласие («полностью не согласен» + «скорее не согласен») с тезисом «Зарабатывать деньги – это мужское дело, а женское дело – заботиться о доме и семье». Примерно столько же молодых людей (50,8 %) являются приверженцами гендерного стереотипа, согласно которому женщина обустроивает дом и воспитывает детей, а мужчина обеспечивает семью материально («Исследование европейских ценностей», волна-2018 (табл. 3.10)).

Таблица 3.10

Распределение мнений молодежи о влиянии профессионального труда женщины на выполнение семейных обязанностей и воспитание детей (%)

Суждение	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Полностью не согласен
Если мать работает на оплачиваемой работе, это плохо для ее детей	7,4	15,7	44,2	30,6
Работа – это хорошо, но в действительности большинство женщин хотели бы заниматься домом и детьми	12,8	30,9	36,8	14,2
В целом, когда женщина работает полный рабочий день, семейная жизнь страдает	10,7	34,7	37,4	14,8
Зарабатывать деньги – это мужское дело, а женское дело – заботиться о доме и семье	19,9	30,9	32,6	14,5

Мнения молодых людей расходятся и по вопросу влияния профессионального труда женщины на семейную жизнь и воспитание детей. Респондентам было предложено выразить свое отношение к следующим ценностно-нормативным утверждениям: «ребенок в дошкольном возрасте страдает, если мать работает», «если мать работает на оплачиваемой работе, это плохо для ее детей», «в целом, когда женщина работает полный рабочий день, семейная жизнь страдает». Предполагалось, что согласие репрезентирует традиционные ценности, для которых характерны поляризация мужских и женских ролей: «мужчина-кормилец – женщина-домохозяйка». Напротив, несогласие с приведенным суждением свидетельствует о современных взглядах молодых людей на проблему «женщина – работа – семья».

Безусловно, профессиональная занятость женщины сокращает время, которое она может уделить семье и детям. Но, с другой стороны, количественные потери времени компенсируются повышением качества общения работающей матери со своими детьми. Профессиональная активность женщины способствует росту уровня ее знаний, общего кругозора, развитию ее личности в целом и тем самым увеличивает воспитательный потенциал, обогащает эмоционально-психологические и социальные контакты с детьми.

Очевидно, что гендерный стереотип, согласно которому женщина хочет заниматься только домом и семьей, постепенно уходит из сознания молодого поколения. Однако число сторонников патриархальных порядков в семье остается значительным – около половины всех респондентов. Бытовая эксплуатация женщин в случае несовпадения взглядов на участие супругов в домашнем хозяйстве приводит к разногласиям и конфликтам в молодой семье.

На основании проведенного анализа результатов социологических исследований и статистических данных, характеризующих изменения в сфере брачно-семейных отношений современных молодых людей, можно сделать следующие выводы.

В системе жизненных приоритетов молодежи семья занимает ведущее место: 84,0 % молодых людей признают семью очень важной ценностью в жизни человека. Успешный брак и счастливую семейную жизнь большая часть молодых людей представляют как юридически оформленный союз мужчины и женщины, в основе которого взаимная верность (87,8 %), наличие детей (67,7 %), гендерное равноправие в семье (участие мужа и жены в финансово-материальном обеспечении семьи – 47,1 %, совместное ведение домашнего хозяйства – 43,3 %).

В то же время в молодежной среде получили одобрение модели семьи, отличные от традиционной формы брачно-семейных отноше-

ний: 22,8 % молодых людей признают брак устаревшим социальным институтом, более 70,0 % предпочитают начать совместную жизнь без заключения брака в органах ЗАГС, 20,8 % согласны с утверждением, что «гомосексуальные пары могут быть такими же хорошими родителями, как и любые другие пары».

Среди молодых наблюдается ослабление значимости репродуктивной составляющей супружеских отношений: обязательным условием семейного счастья наличие детей назвали всего 67,7 % юношей и девушек, 46,2 % юношей и девушек не считают материнство свидетельством состоявшейся женщины, 48,4 % не признают отцовство показателем реализации мужчиной своего жизненного предназначения. Установка молодых людей на малодетность негативно сказывается на устойчивости брака и на социально-демографической ситуации в стране в целом.

Около трети молодых людей считают ценности индивидуальной жизни (личная свобода, профессиональная карьера, повышение образования, разнообразный личный досуг) первичными относительно ценностей брака и семьи (супружеские и родительские обязанности). Ограничение личностных прав и свобод ради выполнения семейных обязательств и родительского долга может стать поводом, достаточным для распада молодой семьи.

Несмотря на сближение позиций молодых мужчин и женщин относительно гендерного равноправия в распределении семейных обязанностей, около половины тех и других сохраняют традиционные взгляды на мужские и женские модели поведения в браке и семье. Несовпадение взглядов молодых супругов на распределение семейных обязанностей между мужем и женой, их ролевое поведение в семье может привести к серьезным разногласиям и разрыву отношений.

Социологическая информация о динамике и тенденциях изменения нормативно-ценностных приоритетов и поведенческих установок молодого населения Беларуси, в том числе в связи с социально-экономической и политической ситуацией в стране, должна лежать в основе разработки практических социальных технологий, способствующих совершенствованию и оптимизации функционирования института молодой семьи в нашей стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение / ред. Д. Г. Ротман, Т. Эмери; Проект «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь».

Минск : Белсэкс, 2018. Т. I : Методология и опыт проведения исследований «Поколения и гендер».

2. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение / ред. О. Терещенко, Т. Кучера; Проект «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь». Минск : Белсэкс, 2018. Т. II : Анализ результатов исследования «Поколения и гендер».

3. Особенности становления и развития белорусского государства: социологический анализ / под общ. ред. А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2018.

4. Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2019.

5. *Воднева А. К.* Семейные ценности молодежи: гендерный аспект // Молодежь современной Беларуси: штрихи к портрету / Д. М. Булышко [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко [и др.]. Минск : БГУ, 2012.

6. Статистический ежегодник Республики Беларусь. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019.

7. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019.

8. Статистический ежегодник Республики Беларусь. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020.

9. Женщины и мужчины Республики Беларусь. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018.

МИГРАЦИОННЫЙ ВЫЗОВ: ИНТЕГРАЦИЯ КОНФЛИКТУЮЩИХ И КОНКУРИРУЮЩИХ ЦЕННОСТЕЙ

В 1960-х гг. Европа столкнулась с миграционным вызовом в связи с большим потоком беженцев, прибывавшим на ее территорию. Основными факторами тогда были распад колониального мира и заражение революционными настроениями, особенно распространившимися среди молодого поколения. Процесс обретения независимости африканскими странами начался в 1951 г. (Ливия) и закончился в 1980 г. (Зимбабве), на арабском Востоке изменения начались раньше (1943 г., Ливан). Из событий, происходивших в то время в самой Европе, можно упомянуть восстание в 1956 г. в Венгрии и май 1968 г. во Франции, начавшиеся со студенческих выступлений и закончившиеся беспорядками и применением силы с обеих сторон. Отдельные теоретики называют период, последовавший за 1968 г., по силе воздействия на последующее развитие цивилизации мировой культурной революцией.

Спустя полвека некоторые из этих факторов сохраняют свое значение и продолжают определять миграционную ситуацию в Европе сегодня. Значимым обстоятельством является сохранение зоны нестабильности на арабском Востоке и в Африке. Помимо движений за независимость, которые привели к выходу Эритреи из состава Эфиопии в 1993 г. и Южного Судана из Судана в 2011 г., в регионе не прекращаются гражданские войны (наиболее значимые вооруженные конфлик-

ты начались в 2004 г. в Йемене и в 2011 г. в Сирии и продолжают до настоящего времени), волны акций протеста и переворотов (например, охватившая в 2011 г. Тунис, Египет, Ливию и другие страны). Гуманитарная миграция остается одной из наиболее важных составляющих потоков, направляющихся в европейские государства. Новыми условиями становятся климатические изменения и появление «климатических мигрантов», что связано с глобальным потеплением и смещением зоны рискованного земледелия, интенсификацией природных стихийных бедствий, поднятием уровня мирового океана, изменениями в экологических условиях и доступе к природным ресурсам [1; 2]. Распространение пандемий также может в будущем оказать влияние на перемещение населения между странами и континентами. Глобальное экономическое неравенство (как межстрановое, так и внутри самих европейских обществ), как бы его ни оценивали эксперты — как постепенно сокращающееся или увеличивающееся со временем, — играет роль в усилении миграционных процессов.

Как и в 1960-е гг., присутствует такое условие изменений, как появление новых технологий, связанных с другим технологическим укладом, и новых социальных медиа. С одной стороны, они содействуют созданию транснациональных сообществ¹, как сверху — транснациональных корпораций и глобального управления, так и снизу, в том числе мигрантских сообществ². С помощью этих технологий распространяется не только образ экономического процветания стран первого мира, но и знание о путях и возможностях миграции, культурный капитал, необходимый для большей мобильности [3]. С другой стороны, социальные отношения становятся все более сложными и гибкими, что увеличивает риски для общественной солидарности.

¹ Термин «транснациональный» относится к взаимопересекающимся связям негосударственных агентов, формирующимся поверх границ национальных государств (*Faist T. Transnationalisation : its conceptual and empirical relevance // Migration in a Globalised World: New Research Issues and Prospects. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2010. P. 79–105.*

² Появился термин «трансмигранты», относящийся к индивидам, поддерживающим множественные связи (экономические, политические, религиозные, семейные и т. д.) поверх границ таким образом, что их идентификация происходит в сетях, простирающихся поверх нескольких национальных государств (*Monsutti A. The contribution of migration studies and transnationalism to the anthropological debate: a critical perspective // Migration in a Globalised World: New Research Issues and Prospects. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2010. P. 107–125.*

Все эти факторы обуславливают возникновение новых миграционных потоков, разных по интенсивности и характеристикам. Если расширение ЕС и Шенгенские соглашения повлияли на увеличение внутренней миграции, в основном трудовой, то обстановка в странах Ближнего и Среднего Востока, Африки сделала преобладающей вынужденную миграцию из стран данного региона. По данным Евростата (2019 г.), чаще всего обращаются за предоставлением убежища в ЕС граждане следующих стран: Сирия (74,4 тыс. обратившихся впервые, в 2015 г. – 362,8 тыс.), Афганистан (52,5 тыс., в 2015 г. – 178,2 тыс.), Венесуэла (44,8 тыс.), Колумбия (31,8 тыс.), Ирак (26,8 тыс., в 2015 г. – 121,5 тыс.), Турция (23,0 тыс.), Пакистан (22,7 тыс., в 2015 г. – 46,4 тыс.). Всего обратились впервые за статусом беженца 612,685 тыс. человек (в 2015 г. наблюдались пиковые значения – 1 255 600)¹.

Демографическая ситуация в государствах – членах ЕС характеризуется низким уровнем рождаемости и увеличением среднего возраста населения. Медианный возраст в ЕС по состоянию на 1 января 2019 г. равнялся 43,7 года (37,7 года в Ирландии и на Кипре и 46,7 – в Италии)². В Республике Беларусь по состоянию на начало 2019 г. значение данного показателя равнялось 40,1 года³. Изменение возрастной структуры воздействует на всю социетальную систему и является вызовом для различных сфер, включая рынок труда, потребительский рынок, обеспечение социальной защиты и др. Кроме демографических причин привлечения мигрантов в европейские страны, немаловажное значение имеют и экономические факторы: приток рабочей силы необходим как для секторов, в которых распространен низкооплачиваемый физический труд, так и для высокотехнологичных и наукоемких отраслей (табл. 4.1).

¹ Citizenships of first-time asylum applicants (non-EU-27 citizens), EU-27, 2018 and 2019 (thousands) [Electronic resource]. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:Citizenships_of_first-time_asylum_applicants_\(non-EU-27_citizens\),_EU-27,_2018_and_2019_\(thousands\).png](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:Citizenships_of_first-time_asylum_applicants_(non-EU-27_citizens),_EU-27,_2018_and_2019_(thousands).png) (date of access: 31.08.2020); Asylum statistics: tables and figures – 2015 [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/8/86/Asylum_statistics_YB_April_2016.xlsx (date of access: 19.10.2016).

² Population structure and ageing [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Population_structure_and_ageing (date of access: 31.08.2020).

³ Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2019 г. и среднегодовая численность населения за 2018 г. : статист. бюллетень. Минск : Нац. статист. ком. Респ. Беларусь, 2019. С. 70.

Таблица 4.1

**Мнение об иммигрантах, т. е. о людях из других стран,
которые приезжают жить сюда: какое влияние эти люди оказывают
на развитие страны?**

Страна	Очень плохое	Довольно плохое	В чем-то хорошее, в чем-то плохое	Довольно хорошее	Очень хорошее
Албания	3,4	5,6	26,5	38,2	26,3
Азербайджан	7,7	12,1	46,5	26,7	7,0
Австрия	10,3	24,0	40,3	22,1	3,3
Армения	4,2	11,6	39,2	32,2	12,7
Болгария	14,0	22,3	53,6	8,4	1,7
Беларусь	3,1	12,9	64,8	15,8	3,5
Хорватия	8,1	24,5	52,7	13,2	1,6
Чехия	27,6	29,7	35,3	5,8	1,6
Дания	7,6	22,0	46,6	20,1	3,8
Эстония	6,1	20,9	55,4	15,5	2,1
Финляндия	5,3	14,6	44,9	30,5	4,7
Франция	8,5	17,1	47,0	21,4	5,9
Грузия	8,4	14,1	50,9	17,9	8,7
Германия	8,2	25,3	40,3	21,6	4,6
Венгрия	26,8	27,4	38,4	5,9	1,5
Исландия	2,3	6,0	32,1	40,5	19,1
Италия	10,3	24,1	41,0	20,8	3,8
Литва	5,7	19,6	54,1	19,0	1,6
Нидерланды	6,3	23,1	55,6	12,9	2,1
Норвегия	1,4	9,5	40,4	39,6	9,0
Польша	8,4	17,4	47,7	22,8	3,6
Румыния	7,5	14,3	52,4	19,3	6,5
Россия	9,3	21,5	54,2	12,7	2,3
Сербия	8,1	16,5	58,0	13,3	4,0
Словакия	14,4	25,9	40,7	18,1	0,9
Словения	3,5	11,0	60,0	22,2	3,3
Испания	2,2	11,0	39,4	39,9	7,6
Швеция	7,4	23,8	28,7	31,7	8,4
Швейцария	2,8	11,0	44,0	32,5	9,7
Велико-британия	3,8	11,2	35,5	34,8	14,7

Примечание. Для анализа используются данные последней волны «Исследования европейских ценностей» (EVS (2019): *European Values Study 2017: Integrated Dataset (EVS 2017)*. GESIS Data Archive, Cologne. ZA7500 Data File Version 2.0.0, doi:10.4232/1.13314). База данных подвергалась процедуре взвешивания в соответствии с данными национальной статистики (*calibration weights*).

Смягчение шкалы посредством внесения пункта «В чем-то хорошее, в чем-то плохое» приводит к тому, что от 26,5 (Албания) до 64,8 % (Беларусь) населения отказываются от однозначного ответа. Чехию и Венгрию можно отметить как государства, где влияние мигрантов около половины населения оценивает как скорее отрицательное (в том числе более четверти – как очень плохое), а Албанию и Исландию – как страны, где влияние мигрантов около 60 % населения оценивают как скорее положительное (в том числе 26,3 и 19,1 % – как очень хорошее).

Открытость европейского сообщества миграционным потокам поддерживается не только реальными, но и нормативными факторами. «Хартия основных прав Европейского союза» (*Charter of Fundamental Rights of the European Union*) объявляет, что Евросоюз сохраняет и развивает общие ценности, заложенные в его основу, – неделимые, универсальные ценности человеческого достоинства, свободы, равенства и сплоченности, уважая культурное, религиозное и лингвистическое разнообразие народов Европы, национальные идентичности стран-участников. Идея объединения в разнообразии (*united in diversity* – лат. *in varietate concordia*) стала официальным девизом ЕС. Например, Х.-Г. Гадамер писал, что мы должны научиться проигрывать, научиться тому, что мы можем быть неправы, что означает умение жить с другими, уважать их отличие от нас. В этом отношении Европа, по его мнению, находится в привилегированной позиции, поскольку исторически представляет собой соседство различных культур, языков, религий и конфессий. Только «переоткрытие» другого (не познание, а узнавание) способно привести к подлинной общности (*communality*) [4].

В данном документе также говорится о том, что любая дискриминация на основании пола, расы, этнического или социального происхождения, генетических черт, языка, религии или верований, политических или других мнений, членства в национальных меньшинствах, собственности, рождения, ограничения возможностей, возраста или сексуальной ориентации недопустима. ЕС гарантирует право на убежище и защиту в случае выдворения, высылки или экстрадиции¹.

Европейские страны становятся все более гетерогенными, даже те из них, которые ранее характеризовались большей гомогенностью (например, Скандинавские и Прибалтийские). Статистика стран ЕС по миграции показывает, что доля неграждан (рожденных за пределами страны, *non-nationals*) среди местного населения в 18 государствах из 27 превысила отметку в 10 % (Италия – 10,4; Греция и Дания – 12,2;

¹ Charter of Fundamental Rights of the European Union [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012P/TXT&from=EN> (date of access: 27.10.2016).

Франция – 12,5; Латвия – 12,6; Словения – 12,7; Хорватия – 12,9; Нидерланды – 13,3; Испания – 13,9; Эстония – 14,9), в отдельных странах приближается к 20 % (Бельгия и Ирландия – 17,2; Германия – 17,9; Швеция – 19,1; Австрия – 19,4; Мальта – 20,2; Кипр – 21,2), а в Люксембурге достигла значения 47,3 %¹ (но здесь среди неграждан преобладают имеющие паспорт другого государства – члена ЕС).

Существует предположение, что для доли иммигрантов можно считать некоторое критическое значение, до достижения которого общество будет сохранять свою устойчивость, а после него место интеграции займет сегрегация². Впервые использованные для проверки данной гипотезы математические модели включали данные о структуре сообщества в пределах непосредственного соседства³, позже масштабы увеличились до населения отдельных городов и страны в целом⁴. Согласно полученным результатам, когда количество представителей этнического или расового меньшинства превышает порог чувствительности (толерантный лимит – *tolerance threshold*, который обозначается как «переломный момент» (*tipping point*)), местное население начинает покидать место жительства, что может закончиться возникновением подобия гетто на данной территории⁵. Иными словами, смешанные сообщества, в которых члены обладают некоторыми предпочтениями соседства с определенными группами (отличающимися в том числе

¹Non-national population by group of citizenship, 1 January 2019 [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:Non-national_population_by_group_of_citizenship_1_January_2019.png (date of access: 31.08.2020).

²Это значение может определяться как максимальное, в котором возможно устойчивое равновесие, либо как наблюдающееся в нескольких точках.

³*Schelling T. C.* Dynamic Models of Segregation // *J. of Mathematical Sociology*. 1971. Vol. 1, № 2. P. 143–186 ; *Card D., Mas A. and Rothstein J.* Tipping and the dynamics of segregation // *Quarterly j. of economics*. 2008. Vol. 123, № 1. P. 177–218 ; *Clark W. A. V.* Residential preferences and neighborhood racial segregation: A test of the Schelling segregation model // *Demography*. 1991. Vol. 28, № 1. P. 1–19 ; *Andersson L., Hammarstedt M., Neuman E.* Residential mobility, tipping behaviour and ethnic segregation: evidence from Sweden [Electronic resource]. URL: http://www.su.se/polopoly_fs/1.84183.1334065088!/menu/standard/file/Andersson_HammarstedtNeumanv10.pdf (date of access: 31.08.2020).

⁴Однако на уровне страны критические значения не удалось идентифицировать (*Easterly W.* Empirics of strategic interdependence: The case of the racial tipping point // *The B. E. j. of macroeconomics*. 2009. Vol. 9, Iss. 1 (Contributions). Art. 25).

⁵Некоторые из теоретических моделей двусторонни, т. е. предусматривают вариант, при котором покидать район проживания станут представители меньшинств.

по экономическим, поведенческим, семейным и другим признакам), внутренне нестабильны [5]. Моделирование, осуществленное для отдельных стран, показывает, что величины критических значений различны для различных сообществ, а также что со временем они увеличиваются. В литературе распространено мнение, что группы иммигрантов становятся заметными уже при доле, равной 10 %¹ (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Восприятие соседства с «иными» группами (%)

Страна	Не хотели бы видеть своими соседями: иммигрантов / иностранных рабочих	Не хотели бы видеть своими соседями: людей другой расы	Не хотели бы видеть своими соседями: мусульман ²
Албания	7,6	7,9	0,6
Азербайджан	31,7	27,5	20,3
Австрия	18,3	8,2	67,4
Армения	31,6	27,2	22,3
Болгария	55,8	38,5	22,6
Беларусь	33,1	20,0	17,0
Хорватия	20,9	11,9	56,7
Чехия	59,5	32,2	13,3
Дания	9,8	3,7	30,0
Эстония	28,2	16,5	24,4
Финляндия	14,4	6,9	9,1
Франция	10,1	4,1	35,0
Грузия	30,8	32,8	16,2
Германия	7,0	5,4	39,1
Венгрия	49,3	28,8	12,1
Исландия	5,7	2,0	20,4
Италия	18,5	12,4	65,9
Литва	34,8	24,1	17,5
Нидерланды	16,5	6,5	8,3

¹ В приведенных выше данных о миграции в ЕС объединены доли неграждан, имеющих паспорт других государств – членов ЕС и третьих стран. В расчетах критических величин применяется выделение групп другой расовой принадлежности или же имеющих происхождение из западных государств.

² Эта переменная была опциональной (используемой по усмотрению) в странах с мусульманским большинством среди населения.

Страна	Не хотели бы видеть своими соседями: иммигрантов / иностранных рабочих	Не хотели бы видеть своими соседями: людей другой расы	Не хотели бы видеть своими соседями: мусульман
Норвегия	5,1	2,6	35,7
Польша	20,6	7,8	33,6
Румыния	32,7	22,3	20,0
Россия	32,3	13,4	21,3
Сербия	24,3	17,5	55,2
Словакия	44,4	28,0	28,7
Словения	22,1	22,9	19,5
Испания	13,6	12,8	7,6
Швеция	3,4	1,2	14,2
Швейцария	4,5	3,8	5,3
Велико-британия	6,4	2,1	0,6

Примечание. В таких странах, как Словакия, Венгрия, Болгария и Чехия, от 44,4 до 59,5 % населения не хотели бы жить по соседству с иммигрантами или иностранными рабочими. Беларусь попала в группу стран, где это мнение разделяет около трети населения (вместе с Литвой, Россией, Румынией). Неприятие людей с другим цветом кожи выражено слабее (чаще проявляется в перечисленных выше странах Центральной и Южной Европы, а также государствах Кавказского региона и охватывает от 27,5 до 38,5 % населения). Негативное восприятие мусульман выразили более половины жителей Сербии и Хорватии (что объясняется этническими войнами на их территории) и более 60 % населения Италии и Австрии. Следует отметить, что значимая часть населения некоторых стран также отметила нежелательность такого соседства (Дании, Польши, Франции, Норвегии и Германии – от 30,0 до 39,1 %). Менее всего какие-либо предубеждения высказывали представители Швейцарии и Великобритании (для ряда государств с очень низкими показателями по другим переменным вопрос о мусульманах стал индикативным – значения по данному пункту превышали 10 %).

Представления о гражданстве как о социальной включенности, т. е. обеспечении системой управления обществом достойного существования для всех, переживают кризис в настоящее время. Критики утверждают, что социальные права не способствуют, а препятствуют национальной интеграции, создавая «ловушки бедности и культуру зависимости, которые усугубляют маргинализацию» [6, с. 416]. Современное государство сравнивают с предприятием (или говорят о сращивании

бюрократического аппарата и крупного бизнеса), которое повышает прибыль за счет сокращения бюджетных расходов на социальную сферу и уменьшения доходов населения. Концепция «всеобщего благосостояния» демонтируется, законодательство переписывается, социальная поддержка уменьшается (под разными наименованиями — «монетизации льгот», «адресной помощи», «оптимизации» и т. д.). Образование и медицина коммерциализируются, так что в будущем ожидается возникновение биологического и интеллектуального неравенства, которое практически невозможно будет преодолеть [7, с. 219]. Трудовые отношения разрушаются: переход к контрактной системе лишает работников возможности отстаивать свои права, безработица и низкие пособия переводят протестный потенциал в стратегии выживания. При этом между государством и населением больше не осталось каких-либо посредников, которые бы защищали интересы последних (в том числе исчезает и гражданское общество): «это, по сути, напоминает процесс первоначального накопления, процесс повторной пролетаризации масс» [8, с. 314].

С развитием промышленных технологий исчезает то, что раньше называли «рабочим классом»¹. О поиске нового исторического субъекта социальных изменений заговорили еще в середине прошлого века. Г. Маркузе в 1960-х гг. писал о том, что происходит перемещение оппозиции от организованного труда и интегрированного большинства к воинствующим меньшинствам, в связи с чем радикальная политика будущего будет концентрироваться прежде всего среди молодой интеллигенции среднего класса, населения гетто, для которых «освобождение» является жизненной, биологической необходимостью [9]. Переход к постсовременности сопровождается появлением новых социальных групп. В первой половине XX в. статусные иерархии, основанные на предписанных характеристиках (раса, пол, этничность, религиозная или классовая принадлежность), изгонялись из политической жизни ради идеала равенства. Группы, которые стали требовать признания сегодня, возвращают эти иерархии к жизни, несмотря на то что некоторые из них возникают в результате «свободного выбора» (например, определения своего гендера или сексуальных предпочтений). Новые левые движения представлены расовыми группами, феминистками, ЛГБТ-сообществом, экоактивистами, людьми с ограниченными возможностями и т. д., чьи политические требования пока ограниченно касаются перераспределения собственности и власти (чаще всего они

¹ В странах первого мира процесс деиндустриализации также связан с переносом производств в страны третьего мира.

требуют дифференцированных прав только для себя). Мигранты могут быть встроены в этот ряд, в них видят нового социального агента, способного к самоорганизации. Для левых идеологов пересечение и разрушение границ (в прямом и переносном смысле) — эффективная форма классовой борьбы против современности, совершаемая мультитудой¹.

Противоположная точка зрения предполагает, что социальная атомизация и крайняя индивидуализация, характерная для сегодняшнего времени, непроизводительны². Ханна Арендт писала о том, что мировая всеохватывающая цивилизация постоянно создает лишних людей (экономически лишних и социально неукорененных), порождая лиц без государства, вынуждая миллионы жить в бесчеловечных условиях. Крушение либо отсутствие системы социальной или политической стратификации, усиленное такими факторами, как перемещение и разнородность населения, безработица и инфляция, превращает население «в одну громадную, неорганизованную, бесструктурную массу» [10, с. 419]. Опасность, по ее мнению, состоит в том, что все это воспроизводит условия для тотального господства и соблазн тоталитарных решений, «который будет возобновляться всякий раз, когда покажется невозможным смягчить политические и социальные проблемы или ослабить экономические страдания способом, достойным человека» [10, с. 596].

Произошла инверсия: если ранее массы были интернационально настроены, а верхние слои общества были националистическими, то теперь элиты космополитичны, а массы — нет [11, с. 78]. Сложно контролируемый и очень большой приток мигрантов вызывает своего рода защитную реакцию, пронативистскую, даже в случае, когда речь идет о потенциальных угрозах: терроризма, увеличения преступности, конкуренции за экономические ресурсы.

Подобные опасения высказывает консервативное большинство населения, а не революционное меньшинство, как это было почти полве-

¹ Вводя понятие мультитуды и противопоставляя его понятию народа, используемому, например, в концепциях Гоббса, Руссо и Гегеля, А. Негри пишет, что это целое, состоящее из сингулярностей, позволяющее субъектам говорить самим за себя. Мультитуда образует «производительное общество», т. е. социальную кооперацию для производства (в противоположность измеримому в соответствии с законом стоимости труду), обозначая таким образом попытку найти нерыночные, неизмеримые основания существования (*Negri A. Approximations: Towards an Ontological Definition of the Multitude* [Electronic resource]. URL: <https://www.nadir.org/nadir/initiativ/agnp/space/multitude.htm> (date of access: 31.08.2020).

² При этом в одинаковой мере апатичными и несоциальными, утратившими гражданские качества можно назвать как беднейшие слои населения, так и наиболее обеспеченные.

ка назад. Поскольку распространение получает стремление сохранить существующее положение дел, а не изменить его, чему не было исторических прецедентов, сегодняшние события оцениваются как «революция 1968 года наоборот» [12].

С другой стороны, новое активное меньшинство добилось некоторых преимуществ в борьбе за свое видение мира. Термин «позитивная дискриминация» описывает связанные с интеграционной политикой явления, когда отдельные группы приобретают некоторые выгоды из-за расовых, этнических, гендерных и других характеристик. Политика аффирмативных действий, первоначально вводимая как компенсация за дискриминацию и временная мера, в итоге превратилась в наделение определенных индивидов преимуществами, которыми не обладает остальное население: квоты на рынке труда, в системах образования и управления в соответствии с демографической структурой того или иного региона, преференции при получении доступа к должности, собственности и т. д. Это не только нарушает принцип правового равенства индивидов, но и создает в обществе новую сегрегацию, так как к меньшинству присоединяются ради улучшения положения и жизненных шансов, а расистские высказывания начинают применяться уже в отношении большинства (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Распределение мнений об иммигрантах (индексные баллы)

Страна	Иммигранты отнимают рабочие места у граждан страны	Иммигранты обостряют проблемы с преступностью	Иммигранты являются бременем для системы социального обеспечения страны
Албания	4,219	3,714	4,281
Азербайджан	5,833	5,155	4,802
Австрия	5,170	7,263	7,518
Армения	5,365	4,688	5,169
Болгария	5,845	7,811	8,291
Беларусь	6,364	6,109	6,230
Хорватия	4,810	6,241	7,075
Чехия	6,601	8,092	8,164
Дания	4,459	7,046	7,042
Эстония	5,085	6,421	7,341
Финляндия	4,258	6,572	6,242
Франция	4,782	5,305	6,194
Грузия	5,745	5,142	4,833

Страна	Иммигранты отнимают рабочие места у граждан страны	Иммигранты обостряют проблемы с преступностью	Иммигранты являются бременем для системы социального обеспечения страны
Германия	3,730	6,673	6,887
Венгрия	6,809	7,998	8,341
Исландия	3,733	5,414	4,531
Италия	5,809	7,355	6,772
Литва	6,164	6,365	7,194
Нидерланды	5,314	6,613	6,519
Норвегия	3,836	6,663	6,684
Польша	5,600	6,222	6,642
Румыния	6,092	6,009	6,186
Россия	7,171	7,280	6,972
Сербия	6,341	6,575	6,975
Словакия	6,810	7,234	7,620
Словения	5,167	5,629	6,865
Испания	5,020	5,251	4,882
Швеция	3,271	6,322	5,848
Швейцария	4,777	6,282	6,575
Велико-британия	4,663	5,157	5,788

Примечание. Индекс изменяется по шкале от 1 до 10, где 10 – приведенное утверждение, а 1 – противоположное ему. Данные показывают, что наиболее распространены опасения в связи с рынком труда в России (оценка около 7), наименее – в Швеции, Исландии, Германии и Норвегии (оценка попала в интервал от 3 до 4). Угрозы роста преступности и ослабления системы соцзащиты оценивает на 7,811–8,341 баллов население Чехии, Венгрии и Болгарии, большинство остальных стран оценили их на 5–6 баллов. Для Беларуси все три возможные проблемы скорее тревожны (оценка чуть более 6).

Осуществляя критику доминаторной модели культуры (патриархальной, сциентистской и т. д.), различные движения утверждали, что любая система, ставящая один пол, одну религию, одну расу выше остальных, порождает общество, в котором люди не обладают индивидуальной ответственностью, что делает их пассивными и неспособными содействовать изменениям¹. Такое общество получило определение созави-

¹ См., напр., Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. М. : Класс, 2002.

симого. Созависимость — одна из форм отношений, основанных на неравенстве, конкуренции и деструктивных действиях, разделяющих две группы, из которых одна не может выживать без другой, но эта другая лишена возможности самостоятельно управлять своей жизнью. Она присутствует во всех социальных институтах, и миграция может рассматриваться как ее отдельное проявление. В то же время стремление избавиться от доминирования сегодня принимает формы разрушения норм и солидарности в обществе, кризиса семьи, науки и т. д.

Таким образом, мы наблюдаем одновременно две разнонаправленные реакции на современность: как справа (представленные популистскими, националистическими партиями), так и слева (например, движение *Black lives matter*, феминизм и т. д.). Пока сложно оценить, являются ли две революционные волны различными сторонами одного процесса либо противоборством различных сценариев будущего.

Одной из движущих сил революции 1968 г. была контркультура, включавшая и политические установки — антивоенные движения, выступления против распространения ядерного оружия, борьба за права женщин, граждан африканского происхождения и др. Среди идеологов контркультуры были «новые левые», например Г. Маркузе, который в своем *An Essay on Liberation* (1969) [9] писал о политической практике методического освобождения и отказа от Истеблишмента, нацеленной на радикальную переоценку ценностей и создание новых форм неэксплуататорского мира. Согласно Г. Маркузе, классовая структура общества контролирует и формирует потребности, необходимые для своего сохранения и воспроизведения «добровольного» сервитуда (порабощения, зависимости) существования индивидов. Система доминирования стала сущностью человека, и поэтому отказ от нее означает отказ от себя, а это крайне болезненная процедура. Таким образом, необходимое освобождение от фальшивой идентификации и «органической» адаптации к «убийственному» (*terrible*) обществу будет происходить против воли и интересов большинства людей¹. Г. Маркузе для обозначения данного процесса применяет термин «субверсия», который в настоящее время используется политологическими теориями при описании способов ведения войны против государства (в виде не только незаконного мятежа, но и размывания веры в *status quo*)².

¹ Это протест против «демократического», хорошо функционирующего, преуспевающего, прибыльно действующего общества, имеющего агрессивные ценности, ханжеские этику и мораль, кощунственную (*blasphemous*) религию (когда все, что провозглашается важным, лицемерно нарушается).

² В некоторых странах за осуществление такой деятельности предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы на длительный срок.

Одним из итогов культурной революции стал сдвиг в ориентации цивилизации, заключающийся в запрете на ограничения независимости индивидов. Вместо субверсии ценностей стал размываться, с расширением границ их применимости, нормативный порядок в целом (рис. 4.1).

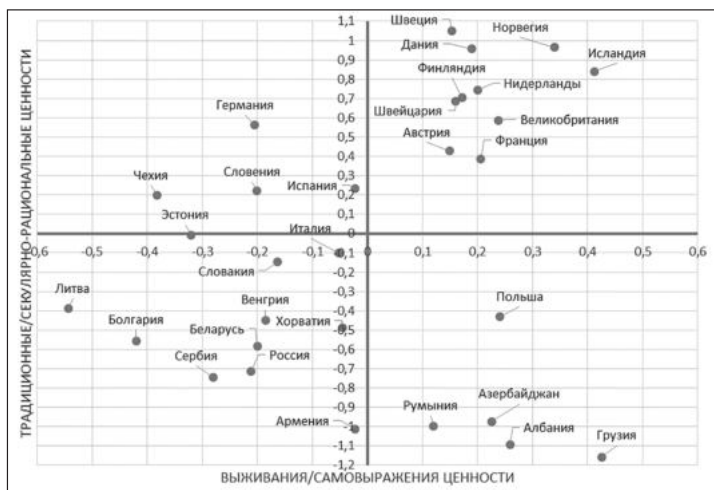

Рис. 4.1. Культурная карта Европы в 2017–2018 гг.

Культурная карта иллюстрирует расположение стран относительно двух измерений, связанных с отношением людей к власти, социальным институтам и ценностной регуляции и описывающих индустриальный и постиндустриальный тип общества¹. Вертикальная ось фиксирует различия между обществами по распространенности секулярно-рациональных либо традиционных ценностей (зона отрицательных значений). Горизонтальная ось — ось ценностей самовыражения и выживания (зона отрицательных значений). Движение в сторону верхнего правого угла отражает смягчение внешнего нормативного порядка, освобождения

¹ Измерения выделены в результате факторного анализа на основе десяти переменных (по пять на каждое), выступающих индикаторами межкультурных различий. Нагрузки на каждый фактор были агрегированы на национальном уровне за счет вычисления среднего показателя по каждой стране. Соответствующую модель предложили Р. Инглхарт и К. Вельцель: они использовали данные, полученные в четырех волнах социологических опросов в рамках международного проекта «Исследование мировых ценностей», осуществляемого более чем в 80 странах мира. В их исследовании на долю двух измерений приходилось более 70 % общего объема межстрановой дисперсии (Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. New York : Cambridge Univ. Press, 2005).

ющего пространство для самопроизвольных ценностей, создаваемых отдельными индивидами (ситуацию, когда чужое не несет в себе никакой угрозы). В верхнем правом квадранте в соответствии с результатами исследования, проведенного в 2017–2018 гг., оказались такие страны, как Франция, Великобритания, Нидерланды, Австрия, Швейцария, а также Скандинавские государства. Беларусь находится в группе стран, которые характеризуются через ценности выживания и сохранения традиций. В первый и четвертый квадранты попали государства со смешанным набором приоритетов.

Социальные потрясения середины прошлого века также связаны с внутрисистемным поиском инструментов, которые могли бы реформатировать современное общество. Он основывался на обращении к способам решения конфликтов ценностей, выработанным на протяжении европейской истории и продолжающим разрабатываться сейчас. Такими способами стали, например, секуляризация, универсализация, гражданская идентичность, аккомодация и толерантность (не следует забывать, что, устранив одни противоречия, они неизбежно вызовут новые).

Применительно к культуре были разработаны понятия либеральной нейтральности (*liberal neutrality*) и благожелательного пренебрежения (*benign neglect*). Согласно первому государство не выделяет из различных концепций достойной жизни какую-либо одну за ее внутренние достоинства, однако может поддерживать какие-либо язык, культуру или религию по иным причинам. Согласно последнему либеральное государство относится к культуре и этнокультурному разнообразию так же, как к религии, — это то, чего люди свободны придерживаться в частной жизни, но что не является заботой государства, т. е. официальные религия и культура, обладающие привилегированным статусом по отношению к другим альтернативам, невозможны [6, с. 435–436]. Эти меры, как считается, позволяют либеральному государству быть «нейтральным» по отношению к национальным или этническим группам, их воспроизводству и образу жизни (или «слепым» к таким характеристикам индивидов, как цвет кожи, религиозная принадлежность и т. д.).

Критика полагает, что нейтральность культуры недостижима. В открытом обществе продолжают существовать механизмы эксклюзии. Одним из них можно считать сам либерализм. Тот, кто не разделяет его ценности (равенство прав, верховенство закона, толерантность, секуляризм, автономия индивида), исключается из сообщества. В случае мигрантов это описывается как порочный круг: не будучи европейцами, они не могут обладать либеральными ценностями, но они не могут на-

чать разделять эти ценности, поскольку легальный въезд в Европу для них закрыт (большая часть из них прибывает нелегально, демонстрируя, таким образом, неуважение к описанным ценностям) [13].

В литературе принято различать сообщества, основанные на гражданстве и территориальном принципе (инклюзивные), и сообщества, объединяемые на основе происхождения и культуры (эксклюзивные). Гражданство, понимаемое в традиционном смысле как основанное на происхождении, языке, истории и т. д., размывается, с одной стороны, из-за глобализации и массовой миграции, с другой – в связи с распространением универсальных прав человека. Предполагается, что постнациональные общества интегрированы, поскольку их граждане обладают общим чувством принадлежности, которое может быть только политическим, базирующимся на разделяемых обязательствах и общности интересов по отношению к политическому целому [14] (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Распределение ответов на вопрос «Насколько важно для того, чтобы быть настоящим гражданином страны...?» (индекс. баллы)

Страна	Быть рожденным в стране	Иметь предков – выходцев из страны	Считать культуру страны своей культурой	Уважать политические законы и институты страны	Уметь разговаривать на государственном языке
Албания	2,874	3,566	3,581	3,167	3,537
Азербайджан	3,106	3,309	3,542	3,413	3,543
Австрия	2,616	2,315	3,360	3,623	3,631
Армения	2,953	3,059	3,371	3,292	3,394
Болгария	3,440	3,484	3,732	3,568	3,659
Беларусь	2,890	2,719	3,322	3,335	2,978
Хорватия	2,825	2,853	3,312	3,314	3,339
Чехия	3,021	2,964	3,515	3,585	3,484
Дания	2,502	2,345	3,234	3,738	3,537
Эстония	2,624	2,636	3,514	3,402	3,564
Финляндия	2,835	2,491	3,360	3,823	3,286
Франция	2,546	2,412	3,424	3,774	3,629

Страна	Быть рожденным в стране	Иметь предков – выходцев из страны	Считать культуру страны своей культурой	Уважать политические законы и институты страны	Уметь разговаривать на государственном языке
Грузия	3,181	3,325	3,687	3,358	3,654
Германия	2,444	2,104	2,895	3,685	3,696
Венгрия	3,007	3,207	3,639	3,506	3,745
Исландия	2,565	2,279	3,354	3,438	3,612
Италия	3,087	2,705	3,552	3,618	3,570
Литва	3,063	3,165	3,290	3,205	3,410
Нидерланды	2,483	2,062	3,281	3,587	3,689
Норвегия	2,479	2,204	3,328	3,797	3,669
Польша	3,129	3,323	3,501	3,366	3,478
Румыния	3,344	3,298	3,522	3,510	3,640
Россия	3,251	3,033	3,441	3,400	3,574
Сербия	2,979	3,160	3,417	3,202	3,353
Словакия	3,149	3,027	3,435	3,563	3,616
Словения	2,726	2,559	3,244	3,634	3,743
Испания	2,892	2,535	3,336	3,411	3,448
Швеция	1,956	1,776	2,975	3,775	3,473
Швейцария	2,554	2,166	3,263	3,659	3,647
Велико-британия	2,790	2,429	3,285	3,578	3,583

Примечание. Изменяется от 1 до 4, где 1 – «совсем не важно», а 4 – «очень важно». Результаты показывают, что происхождение (собственное или предшественников по восходящей линии – средние оценки по базе данных 2,844 и 2,750: минимальные в Швеции и максимальные в Болгарии) в большинстве случаев оказывается менее важным, чем способность разделять культурные ценности (3,390: минимальная в Германии, максимальная в Болгарии), уважение законов принимающей стороны (3,511: минимальная в Албании, максимальная в Финляндии) и знание языка (3,539: минимальная в Беларуси, максимальные в Венгрии и Словении). Какие основания интеграции необходимо применять – культурные или политические, – вопрос, который дискутируется очень давно.

Такая политическая интеграция может пониматься как согласие по процедурным правилам. Иллюстрацией могут служить работы Джона Роулза¹, которым были сформулированы принципы свободы и дифференциации: равные права на максимально широкую систему основных свобод и доступность любых позиций в обществе, опирающиеся на критерий максимина (максимального улучшения положения наименее обеспеченных). Если на национальном уровне выбор институтов должен осуществляться под «вуалью неведения» социальных обстоятельств тех, кто выбирает, то на мировом уровне, как Дж. Роулз полагает, выбор должен осуществляться представителями народов независимо от размера их территорий, количества природных ресурсов, силы государств.

В то же время процедурные правила лишают смысла механизмы участия, такие как выборы и создание партий. Как пишет У. Кимлика, агрегирующая голосоцентричная модель не обладает легитимностью именно потому, что у проигравшей стороны нет возможности убедить других, ее просто численно превосходят [6, с. 371]. Для достижения компромисса необходима «гражданская добродетель», публичное использование разума для критики различных сторон общественной жизни, что предполагает возвращение к концепциям, восходящим к Аристотелю или Канту, которые видели в принадлежности к общности моральные основания, а не пассивное принятие прав. Но именно этого пытались избежать, вводя универсальные безличные механизмы разрешения противоречий. В современном обществе политическая сфера деградирует, мы наблюдаем скорее дестабилизацию и широкое протестное движение, чем политическую борьбу за принципы организации социальной жизни.

Постоянное переопределение того, что такое социальные связи, удерживающие людей вместе, является нормальной составляющей жизни общества. Однако вызов миграции заключается в том, что сегодня получает все большее распространение идея, что не отдельные группы должны пересмотреть собственные отличия, чтобы вписаться в культуру общества, а господствующие принципы должны быть пересмотрены, чтобы принять эти группы².

Для описания интеграции мигрантов часто обращаются к схеме социальной адаптации, использующей понятия ассимиляции и аккомодации

¹ Rawls J. Justice as Fairness // The Philosophical Review. 1958. Vol. 67, № 2. P. 164–194 ; *Idem*. A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts : Harvard Univ. Press, 1971 ; *Idem*. Political Liberalism. New York : Columbia Univ. Press, 1993 ; *Idem*. Law of Peoples. Cambridge, Massachusetts : Harvard Univ. Press, 1999.

² Taylor Ch. Democratic exclusion (and its remedies?) [Electronic resource]. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2002-02-21-taylor-en.html> (date of access: 31.08.2020).

ции. При этом ссылаются на работы Р. Э. Парка¹, который предложил четыре типа взаимодействия, поддерживающие социальные дистанции и независимость индивидов. Аккомодация и ассимиляция представляют собой изменения в социальном порядке (первая в организации отношений, вторая – в установках), которые позволяют уменьшить конфликты и конкуренцию, при этом более инклюзивное общество – то, в котором группы прошли аккомодацию, но не полностью ассимилированы². В общих основных принципах иммиграционной политики Евросоюза интеграция определена как «динамический, двусторонний процесс взаимной аккомодации иммигрантов и жителей стран – членов ЕС»³.

Таким образом, можно выделить несколько моделей интеграции обществ, основанных на допущениях в отношении идентичности его членов, в зависимости от того, сопровождаются ли притязания на личностные изменения запросом на модификацию общества (рис. 4.2).

	Изменить идентичность	Сохранить идентичность*
Сохранить общество	Ассимиляция	Сегрегация
Изменить общество	Оппозиция	Аккомодация

* Первый и четвертый квадранты подразумевают инклюзию, второй и третий – эксклюзию.

Рис. 4.2. Модели интеграции общества

Для описания процессов сближения и расхождения ценностей предпринимаются исследования убеждений иммигрантов в сравнении с населением стран происхождения и приема. Одно из таких исследований было выполнено Рональдом Инглхартом и Пиппой Норрис⁴ (на примере исламских и западных государств). Оно концентрировалось вокруг тех установок, которые были приобретены в ходе первичной социализации и, следовательно, более глубоко укоренены в структуре личности и менее подвержены изменениям. К ним относятся религиозные ценности, этнические идентичности, представления о гендерных ролях

¹ Park R. E., Burgess E. W. Introduction to the Science of Sociology. Chicago ; Illinois : Univ. of Chicago Press, 1921.

² Не следует забывать, что возможны и негативные формы аккомодаций, такие как расовые предрассудки, доминирование и т. д., которые затем закрепляются в виде культуры, технологий, социальной памяти и морали.

³ Common Basic Principles For Immigrant Integration Policy in the EU [Electronic resource]. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/?action=media.download&uuid=29C7FD4E-BA62-D4EA-18A8C8B34E873190> (date of access: 31.08.2020).

⁴ Norris P., Inglehart R. F. Muslim Integration into Western Cultures: Between Origins and Destinations // Political Studies. 2012. Vol. 60, № 2. P. 228–251.

и сексуальных нормах. Политические (поддержка демократии) и экономические (свободный рынок) ценности формируются позже и могут меняться на протяжении жизни индивида. Гипотеза заключалась в том, что культурный разрыв, если он существует, должен проходить преимущественно по линии первой группы ценностей.

Используя данные «Исследования мировых ценностей», авторы показали, что убеждения мигрантов из исламских государств располагаются где-то посередине. Корреляция со странами происхождения сохраняется даже через два-три поколения, особенно по отношению к религиозным установкам, и поэтому не следует ожидать, что культурные различия между ними и западным обществом могут исчезнуть в ближайшие 20–25 лет. В то же время промежуточный характер ценностей, по мнению исследователей, позволяет утверждать, что мигранты постепенно впитывают новую культуру (как это и должно происходить в соответствии с ассимиляционной теорией). Проживание в исламском обществе оказывает большее воздействие на убеждения, чем самоидентификация в качестве мусульманина. Мигранты – *self-selecting group*¹, и поэтому у них присутствуют мотивы, которые направляют их в сторону адаптации к новому обществу и культуре (рис. 4.3).

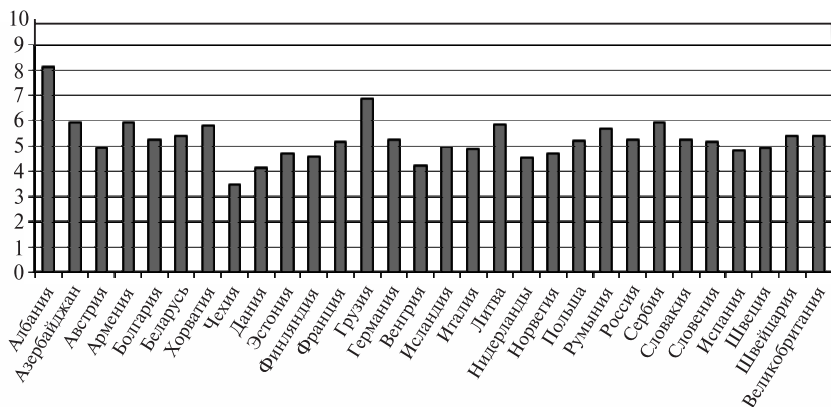

Рис. 4.3. Мнение о сохранении иммигрантами своих традиций (индексные баллы)

Примечание. Индекс изменяется от 1 до 10, где 1 – «лучше, если иммигранты не сохраняют свои особые обычаи и традиции», а 10 – «лучше, если иммигранты сохраняют свои особые обычаи и традиции». Значение индекса для большинства

¹ Они не только отличаются большей стойкостью и амбициозностью, но и обладают ценностями, сравнимыми с ценностями страны назначения. В случае вынужденной миграции это выражение применимо с ограничениями.

стран находится в интервале, представляющем середину шкалы, — от 4,163 (Азербайджан) до 5,916 (Швеция) (5,419 — для Беларуси). За ассимиляцию иммигрантов выступают жители Чехии (индекс равен 3,486). За возможность существования мультикультурной нации высказались жители Грузии (6,858) и Албании (8,107).

Наибольший негативный эффект, который может оказать миграция, — разрушение культуры и интеграции общества, например из-за вторжения ценностей, несовместимых с европейскими, и их замещения (колонизация или исламизация Европы). В то же время существует и другая точка зрения, согласно которой симптомы культурного упадка в западных обществах очевидны, но мигранты — последние люди, которые могут быть обвинены в этом. Настоящие источники разрушения западной культуры находятся в ней самой: Ф. Фукуяма называет разрушительную природу капитализма, новые технологии, секуляризацию, сексуальную революцию, феминизм, легитимацию и восхваление альтернативных образов жизни¹. Эти ценности в большей степени свойственны элитам западных обществ, в то время как протестно реагирует на распад традиционных норм местное, а не мигрантское население.

Не осталось практически ни одной традиционной ценности, от которой бы не отказалось западное общество, и Ф. Фукуяма иронично замечает, что следует скорее беспокоиться, что мигранты будут испорчены привычками принимающей страны, чем наоборот. В таком контексте консерватизм или даже фундаментализм представляют собой усилия по сохранению и восстановлению целостности личности, попытки участия в жизни современного общества. Поддержание идентичности на основе религиозности, этничности или культуры вызвано социальной эксклюзивией, маргинализацией определенных групп из-за барьеров, с которыми они сталкиваются при интеграции в социум² (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Выражение доверия и недоверия представителям «иных» групп (%)

Страна	Насколько доверяете людям другой религии/веры?*	Насколько доверяете людям другой национальности?*
Албания	52,9	60,0
Азербайджан	71,6	71,3

¹ Fukuyama F. Immigrants and Family Values // Commentary. 1993. Vol. 95 (5). P. 26–32.

² См., например, *Tapia de S. Towards a Migration Management Strategy: Challenges for Countries of Origin* (Council of Europe – CDMG, 2006) [Electronic resource]. URL: http://www.coe.int/t/dg3/migration/archives/Documentation/Migration%20management/CDMG_2006_11e%20Final%20Report%20_MG-RE_en.pdf (date of access: 31.08.2020).

Страна	Насколько доверяете людям другой религии/веры?*	Насколько доверяете людям другой национальности?*
Австрия	42,5	40,7
Армения	68,0	51,0
Болгария	54,8	56,7
Беларусь	55,6	55,8
Хорватия	35,3	32,7
Чехия	50,4	55,1
Дания	18,0	13,5
Эстония	38,8	31,9
Финляндия	22,1	20,2
Франция	28,7	26,7
Грузия	60,3	53,9
Германия	41,5	40,1
Венгрия	38,9	45,6
Исландия	13,3	10,1
Италия	46,2	46,7
Литва	65,9	61,2
Нидерланды	19,4	18,4
Норвегия	16,6	14,7
Польша	53,4	49,2
Румыния	70,8	74,3
Россия	59,5	58,6
Сербия	62,3	62,7
Словакия	47,0	59,6
Словения	60,7	59,3
Испания	34,8	31,9
Швеция	11,8	7,5
Швейцария	24,6	20,4
Велико-британия	17,3	16,0

* Сумма ответивших «скорее не доверяю» и «полностью не доверяю».

Меньше всего тех, кто не испытывает доверия к представителям другой веры или национальности, среди населения Скандинавских стран (Швеция, Исландия, Норвегия, Дания) и Великобритании (от 7,5 до 18,0 %). В то же время в Румынии и Азербайджане более 70 % жителей скептически относятся к людям, от них отличающимся; в Литве, Сер-

бии, Словении и России таких около 60 % (в Беларуси 55,6 – 55,8 %). Р. Патнем писал о том, что разнообразие и иммиграция запускают не механизм деления по линии свой/чужой, а развитие аномии и изоляции, т. е. доверие между людьми уменьшается с ростом этнокультурного разнообразия, но, возможно, только в краткосрочной перспективе, и в дальнейшем этот недостаток будет преодолен [15].

Столкновение универсальных принципов и культурных традиций порождает коллизии, которые очень трудно разрешить. Может быть приведен широкий ряд примеров: права на собственное тело и запрет убийства (споры вокруг законов об абортах в нескольких странах), право на самовыражение и запрет ношения предписанной религией одежды, свобода личности и безопасность общества, свобода слова и толерантность (споры о карикатурах, опубликованных датскими и французскими изданиями) и т. д.

Встреча двух цивилизаций, если она происходит в случае миграции, – это встреча секулярного и постмодерного Запада с религиозным и традиционным Востоком. Если бы Запад остался христианским, вероятность избежать асинхроничности и находиться в состоянии диалога могла бы быть выше. Религиозные требования представляют слишком жесткий моральный порядок, в который Европа уже не может себя поместить (поскольку он стал восприниматься как насилие над личностью, ограничение свободы самовыражения индивида), а также фанатичную привязанность к своим ценностям. «В европейском случае Другой – тот, кто не принимает гегемонии постсекулярной («постхристианской») культуры. Другие – те, кто имеет дерзость настаивать на присутствии ислама в публичной сфере» [11, с. 80] (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Оценки важности таких характеристик, как быть христианином и религиозным человеком

Страна	Принадлежность к христианству важна для того, чтобы считать кого-либо европейцем (индекс. баллы)	Назвали себя нерелигиозным человеком/атеистом (%)
Албания	1,741	17,1/2,5
Азербайджан	2,153	8,2/0,9
Австрия	2,070	33,5/5,8
Армения	2,593	4,8/2,2
Болгария	3,030	31,6/4,1

Страна	Принадлежность к христианству важна для того, чтобы считать кого-либо европейцем (индекс. баллы)	Назвали себя нерелигиозным человеком/атеистом (%)
Беларусь	2,469	55,5/8,7
Хорватия	2,535	10,0/5,8
Чехия	2,255	50,2/13,8
Дания	1,855	31,3/9,8
Эстония	1,975	56,2/8,4
Финляндия	2,007	40,7/9,1
Франция	1,690	34,6/22,3
Грузия	2,795	3,9/0,7
Германия	1,966	35,0/11,4
Венгрия	2,773	36,4/6,3
Исландия	1,913	32,0/12,0
Италия	2,505	15,8/6,6
Литва	2,802	13,0/2,3
Нидерланды	1,613	45,4/10,9
Норвегия	1,783	53,6/8,8
Польша	2,398	10,7/3,4
Румыния	3,165	14,0/0,8
Россия	2,447	16,4/6,9
Сербия	2,771	14,4/5,2
Словакия	2,718	22,5/5,7
Словения	2,124	17,0/14,2
Испания	2,032	36,7/14,7
Швеция	1,559	53,2/18,6
Швейцария	1,901	41,2/10,4
Велико-британия	1,894	50,2/12,7

Примечание. Для того чтобы считать человека европейцем, принадлежность к христианской конфессии оказалась наименее значимой по сравнению с остальными предложенными качествами (иметь предков-европейцев, родиться в Европе, считать европейскую культуру своей культурой). Индекс изменяется от 1 до 4, где 1 – «совсем не важно», а 4 – «очень важно». В большинстве стран оценка попала в интервал от 2 до 3 (от «скорее не важно» до «скорее важно»), в двух государствах – Болгарии и Румынии – немногим превысила

3 балла, наименьшая наблюдается в Швеции – 1,559. В выборке присутствуют страны, где большинство населения считает себя религиозным (Албания, Азербайджан, Хорватия, Грузия, Литва, Польша, Румыния, Сербия – везде более 80 %). Число называющих себя нерелигиозными или не слишком религиозными превышает первую группу в Беларуси, Чехии, Эстонии, Нидерландах, Норвегии, Швеции и Великобритании (от 45,4 до 56,2 %). В восьми государствах доля атеистов составляет более 10 % (Чехия, Германия, Нидерланды, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания), во Франции – 22,3 %).

Последнее обстоятельство: то, что настаивание на собственных ценностях не признается Западом как качество собственной политической культуры, говорит о том, что Запад готов отказаться от них во имя чего-то другого. Именно в этом смысле некоторые аналитики говорят об опасности исламизации Европы, о том, что при встрече релятивистской европейской культуры с самоуверенной культурой ислама скорее уступит и изменится первая из них¹. Иллюстрацией к данному тезису могут служить истории о том, как отменяли установку рождественских елей в европейских городах, а также колебания по поводу возможности ношения женской мусульманской одежды в публичном повседневном пространстве.

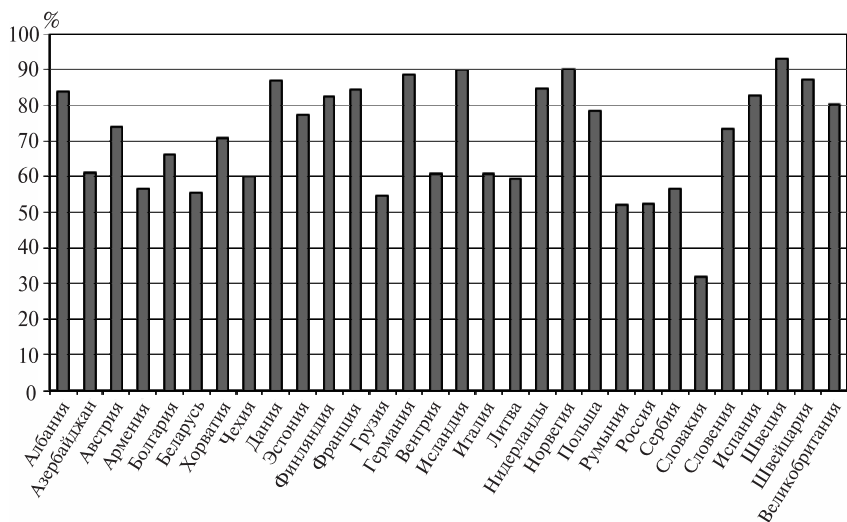

Рис. 4.4. Терпимость и уважение к другим людям как качества, которые нужно воспитывать в детях

¹ Caldwell C. Reflections on the Revolution in Europe: Immigration, Islam and the West. New York : Doubleday, 2009.

Толерантность и терпимость должны быть выше других ценностей. В «Исследовании европейских ценностей» для определения качеств, развитие которых у детей можно поощрять дома, предлагалось выбрать до пяти наиболее желательных из списка (всего 11 характеристик) (рис. 4.4). В 12 странах из 30 толерантность попала в перечень наиболее желательных качеств у более чем 80 % населения (в Норвегии и Швеции ее назвали более 90 % жителей). Наиболее редко данную характеристику упоминали в Словакии (31,8 %). В Румынии, России, Грузии, Беларуси, Армении, Сербии ее назвали чуть более половины опрошенных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Piguet E., Pécoud A., Guchteneire de P.* Migration and climate change : An overview // *Refugee Survey Quarterly*. 2011. Vol. 30, № 3. P. 1–23.
2. Food security and food production systems / J. Porter [et al.] // *Climate Change 2014: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Part A: Global and Sectoral Aspects. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge, 2014. P. 485–533.
3. *Castles S.* Twenty-First-Century Migration as a Challenge to Sociology // *J. of Ethnic and Migration Studies*. 2007. Vol. 33, № 3. P. 351–371.
4. *Gadamer H.-G.* The Diversity of Europe: Inheritance and Future // *Hans-Georg Gadamer on Education, Poetry and History: Applied Hermeneutics*. Albany, NY, 1992. P. 221–236.
5. *Card D., Mas A., Rothstein J.* Are Mixed Neighborhoods Always Unstable? Two-sided and One-sided Tipping [Electronic resource]. URL: <http://davidcard.berkeley.edu/papers/wmixed%20neighborhoods.pdf> (date of access: 31.08.2020).
6. *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение. М., 2010.
7. *Харари Ю. Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2018.
8. *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004.
9. *Marcuse H.* An Essay on Liberation. Boston, 1969.
10. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.
11. *Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014.
12. *Krastev I.* Europe's Democracy Paradox // *The American Interest*. 2012. Vol. VII, № 4. P. 41–47.
13. *Lister M.* Introduction: Europeanization and migration: challenging the values of citizenship in Europe? // *Citizenship Studies*. 2008. Vol. 12, № 6. P. 527–532.
14. *Bhikhu P.* What is multiculturalism? [Electronic resource]. URL: <https://www.india-seminar.com/1999/484/484%20parekh.htm> (date of access: 31.08.2020).
15. *Putnam R.* E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century (The 2006 Johan Skytte Prize Lecture) // *Scandinavian Political Studies*. 2007. Vol. 30, № 2. P. 137–174.

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНЕ

Вопросы экологии и защиты окружающей среды всегда находились в фокусе внимания в нашей стране. Беларусь зарекомендовала себя надежным участником глобальных процессов, направленных на обеспечение экологической безопасности во всем мире, и осуществляет в данной сфере активное международное сотрудничество. Именно это позволило Республике Беларусь занять достаточно высокое 44-е место (из 180 возможных) в глобальном рейтинге экологической эффективности, опубликованном Йельским университетом (США) [1]. Следует отметить тот факт, что наша страна при этом опередила большинство постсоветских государств. Так, например, Российская Федерация в данном рейтинге находится на 52-м месте, Эстония – на 48-м, Казахстан – на 101-м, а Украина – на 109-м.

Несомненно, экологические проблемы являются одним из наиболее актуальных вызовов, стоящих перед всем мировым сообществом. Противодействие загрязнению водных объектов и земельных ресурсов; утилизация промышленных отходов; регулирование деятельности, приводящей к климатическим изменениям; мониторинг качества атмосферного воздуха и состояния озонового слоя; сохранение ландшафтного и биологического разнообразия; мониторинг радиационной обстановки – вот лишь часть экологических проблем, приобретающих с ходом времени все большую актуальность.

С 1991 г. финансирование международных экологических исследовательских проектов в нашей стране осуществлялось в рамках реализации программы технической помощи Европейского союза Содружеству Независимых Государств (ТАСИС). С 1997 г. в данных отношениях ста-

ло активно участвовать Координационное бюро программы ТАСИС ЕС (КБ ТАСИС), которое было создано 12 августа 1997 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь на основании Меморандума о взаимопонимании, подписанного правительством Республики Беларусь и Комиссией европейских сообществ. Среди основных направлений в реализации данных проектов следует выделить изучение процессов, связанных с изменением климата, разработкой возобновляемых источников энергии, а также экологически ответственное управление лесами и лесопользование.

С 2006 г. ЕС стал реализовывать свои экологические проекты в Республике Беларусь через Программу развития ООН (ПРООН) — организацию в системе ООН, чья деятельность нацелена на оказание безвозмездной помощи государствам — членам в области развития.

В последующие годы в рамках развития экологических проектов в нашей стране осуществлялось активное взаимодействие между зарегистрированными экологическими общественными организациями и различными государственными учреждениями. Здесь в первую очередь следует отметить Международный государственный экологический университет имени А. Д. Сахарова (сейчас — Международный государственный экологический институт им. А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета) и Республиканский экологический центр детей и юношества (сейчас — Республиканский центр экологии и краеведения). В рамках данного сотрудничества особо выделим программу «Молодежные экоманды в Беларуси: заботимся о сохранении климата», реализованную в 2009 г.

Вместе с тем нельзя не сказать, что по-прежнему наблюдаются попытки использования экологической тематики в качестве спекулятивного информационного повода для дестабилизации социума. Это не только наносит ущерб обществу, но и в значительной степени затрудняет практическое решение вопросов, связанных с защитой окружающей среды. Происходит политизация данных проблем, что приводит к их искажению. При этом на первый план выходят те аспекты, которые в наибольшей мере пригодны в качестве инструментов дестабилизации общества, а реальные причины и обстоятельства остаются вне фокуса общественного внимания.

Различные экологические аспекты уже не раз использовались для попыток дестабилизации социальной обстановки в нашей стране. Можно вспомнить в качестве примера ряд информационных кампаний, проводившихся еще в период распада СССР. Так, например, именно тогда настойчиво продвигались идеи о том, что активная мелиорация и осу-

шение болот, которые осуществлялись при советской власти, нанесли непоправимый ущерб экологии тех мест. В то же время реальной задачей данных кампаний был подрыв авторитета существующей власти, а не забота о состоянии окружающей среды. Показательно, что после того как Советский Союз прекратил свое существование, тема мелиорации практически полностью исчезла из поля общественного обсуждения.

Однако наиболее ярким примером использования экологической тематики для дестабилизации социальной обстановки явилась авария на Чернобыльской АЭС. Помимо информации о реальной угрозе, которую представляли последствия чернобыльской экологической катастрофы, при этом активно распространялись всевозможные слухи и домыслы, часто не имевшие под собой достаточных оснований. Причины такого положения дел заключались главным образом в отсутствии подробной и точной информации в официальных источниках. Это, в свою очередь, порождало недоверие к ним.

Последствия чернобыльской аварии до сих пор проявляют себя не только в экологической, но и в информационной сфере. Предпринимаются попытки использования самой тематики развития ядерных технологий в качестве информационного повода для дестабилизации социальной обстановки в нашей стране.

Следует также отметить, что специфика функционирования современного информационного пространства состоит в том, что любой информационный вакуум оперативно заполняется не только стихийно возникающими слухами, но и намеренной дезинформацией, так называемыми фейками, которые могут практически мгновенно распространяться заинтересованной стороной преимущественно в интернете (в том числе через социальные сети и программы-мессенджеры).

Таким образом, вопросы, связанные с аварией на Чернобыльской АЭС, по-прежнему остаются одной из главных экологических и социальных проблем для Республики Беларусь. Нередко при этом негативный опыт Чернобыля переносится на всю сферу атомных технологий, порождая в массовом сознании ряд мифов и предубеждений. В качестве характерного примера такого мифа можно отметить расхожее мнение о том, что ядерные технологии, которые используются при получении электроэнергии, якобы являются экологически более «грязными» по сравнению с традиционными источниками энергии (уголь, газ, нефть). Распространенность данного мифа в массовом сознании может приводить к прямо противоположному эффекту – вместо решения существующих проблем будет происходить только ухудшение экологической обстановки.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в массовом сознании обозначились два аспекта восприятия проблем развития отечественной атомной энергетики:

1) непонимание необходимости развития альтернативных источников электроэнергии для обеспечения независимости экономики и общества;

2) стереотип опасности строительства АЭС на территории республики.

Наличие эффективных и экологически чистых источников энергии является одним из основных факторов развития современного социума, обеспечивающих его стабильность и независимость. Нынешнее производство немислимо без использования топливно-энергетических ресурсов. Более того, эффективность энергетических источников уже давно имеет не только экономическую значимость – это важная политическая компонента. Позиция государства на международной политической арене в значительной мере определяется наличием у него стабильных топливно-энергетических ресурсов и способностью их защитить.

Актуальной тенденцией в ряде развитых стран является стремление к достижению широкого использования атомной энергии. Реализация этого намерения имеет сложности, связанные со страхами и стереотипами негативного восприятия населением политики развития атомной энергетики и ядерных технологий. Государственная политика формирования общественного мнения в поддержку использования атомной энергетики в мирных целях во многом обуславливает возможность осуществления этих процессов.

Республика Беларусь заинтересована в стабильности и независимости, и сейчас предельно важно, чтобы социальные проблемы, связанные с развитием отечественной атомной энергетики, не стали факторами социальной напряженности.

Это создает необходимость внимательного изучения вопросов информационного сопровождения процессов, связанных с развитием в нашей стране ядерных технологий, а также их влияния на общественное мнение.

За 25-летний период существования ЦСПИ БГУ осуществил множество исследований, посвященных изучению проблем развития атомной энергетики в нашей стране и, в частности, строительству и запуску в эксплуатацию АЭС в Островецком районе. Большинство этих исследований осуществлялось в мониторинговом режиме. Их результаты позволяют проанализировать как изменения общественного мнения по поводу перспектив развития в Беларуси ядерных технологий, так

и информационное сопровождение данных процессов. Все это дает возможность выявить потенциальные информационные поводы, используемые заинтересованными силами для дестабилизации социальной обстановки в нашей стране.

Наиболее ярким примером таких действий являются регулярные претензии некоторых литовских политиков и чиновников к Белорусской атомной электростанции. Формальным поводом для этих претензий являются сомнения в надежности и безопасности работы Белорусской АЭС. Литовская сторона напрямую говорит о высокой вероятности возникновения аварии на ней, при этом проводятся явные параллели с трагическими событиями на Чернобыльской АЭС. Совершенно очевидно, что авторы подобных заявлений стараются использовать в своих целях стереотипы, оставшиеся в массовом сознании еще со времен чернобыльской трагедии. Кроме того, литовская сторона нередко организует PR-акции, в ходе которых пытается создать дополнительные информационные поводы, призванные привлечь внимание к данному вопросу. Так, в середине 2019 г. литовские чиновники неоднократно заявляли о намерении закупить для населения 4 млн таблеток с йодом якобы на случай возникновения аварии на Островецкой АЭС. Уже в настоящее время эти таблетки раздаются жителям Литвы в ходе специальных разъяснительных мероприятий. Предполагается, что таблетки будут храниться у населения долгое время. При этом данные медикаменты фактически выступают в качестве своего рода флаеров-напоминаний о возможной экологической угрозе со стороны Островецкой АЭС. Таким способом достигается большая продолжительность информационного воздействия и многократно повышается его эффективность. Кроме того, в ходе данной PR-акции также активно продвигается информация о том, что на закупку таблеток с йодом правительство Литвы было вынуждено потратить 900 тыс. евро из государственного бюджета. Это позволяет в дополнение к экологическим использовать также и экономические аргументы.

Для более системного рассмотрения процессов, связанных с информационным воздействием, которое литовская сторона пытается оказать на развитие в Беларуси ядерных технологий и строительство АЭС, обратимся к результатам, полученным в ходе контент-анализа материалов СМИ. Данный контент-анализ осуществляется в мониторинговом режиме с 2011 г. в рамках реализации проекта по изучению общественного мнения жителей Беларуси, а также особенностей информационного сопровождения строительства Белорусской АЭС.

Разработанная методика предполагает, что анализу должны подлежать как материалы печатных изданий, опубликованные в белорус-

ской государственной прессе, так и статьи, размещенные на крупнейших белорусских новостных сайтах. Подобный подход позволяет сравнить эти два информационных потока. Данное сравнение дает возможность изучить механизмы и направленность информационного воздействия, осуществляемого через эти каналы распространения массовой информации.

При выборе конкретных печатных изданий были соблюдены следующие условия:

1) отобранные печатные издания должны обладать наибольшим охватом белорусской аудитории, что определяется в соответствии с результатами ежегодного мониторинга информационного поля Республики Беларусь, осуществляемого ЦСПИ БГУ;

2) газеты, подлежащие контент-анализу, должны осуществлять информационную политику, отражающую официальную позицию белорусских властей; отбор именно этих изданий позволит в случае необходимости скорректировать их информационную политику.

В наибольшей степени этим условиям соответствуют газеты «СБ. Беларусь сегодня» и «Рэспубліка».

При выборе конкретных белорусских новостных сайтов были соблюдены следующие условия:

1) отобранные белорусские новостные сайты должны обладать наибольшим охватом белорусской аудитории, что определяется в соответствии с результатами ежегодного мониторинга информационного поля Республики Беларусь, осуществляемого ЦСПИ БГУ;

2) популярность отобранных сайтов необходимо было дополнительно верифицировать на основании независимых данных, предоставляемых международной компанией *Amazon* [2].

В ходе мониторинга используется сплошная выборка – анализируются все выпуски всех перечисленных печатных изданий и весь архив новостных разделов сайтов за указанные периоды времени. Тип выборки материалов – целенаправленная, методом основного массива: изучению подвергаются только те части совокупности, в которых сосредоточено большинство единиц наблюдения.

Единицы анализа – категории, согласно которым описывается каждый материал.

Следует упомянуть, что в 2019 г. количество информационных материалов, связанных с тематикой исследования, существенно возросло (214 в 2016 г., 229 в 2017 г., 188 в 2018 г. и 330 в 2019 г.). Основной рост – более чем в 9 раз – произошел за счет публикаций в газете «Рэспубліка» (в 2018 г. их было всего 15).

Следующим параметром, характеризующим интенсивность информационного воздействия, стал размер информационных материалов, который определялся по количеству знаков (включая пробелы). С 2017 г. все необходимые для анализа материалы стали доступны в электронном виде. Это позволило произвести подсчет количества знаков в материале полностью автоматическими средствами, в частности при помощи специальной функции Microsoft Word (рис. 5.1).

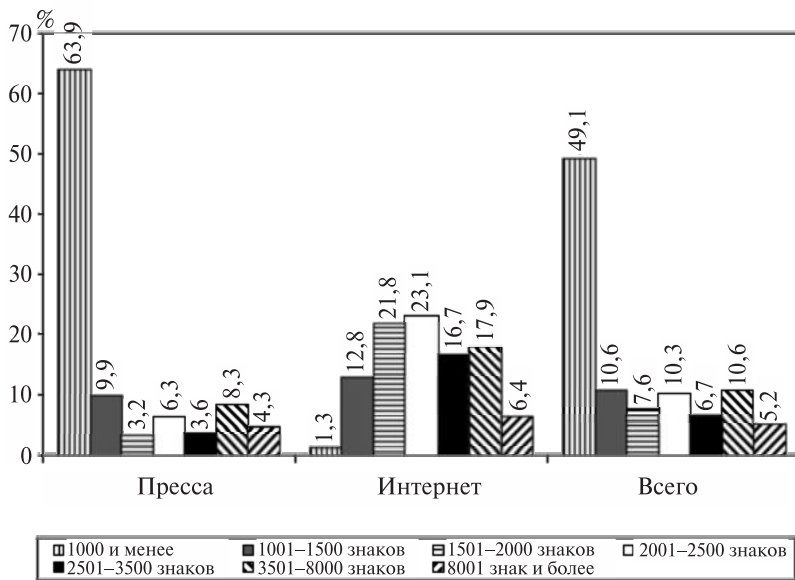

Рис. 5.1. Размер материалов, посвященных строящейся Белорусской АЭС, в 2019 г.

Как видно из данных, представленных на рис. 5.1, в рамках замера 2019 г. наиболее распространенными являются статьи размером менее 1000 знаков. Они составляют почти половину (49,1 %) от общего массива и 63,9 % от всех публикаций в прессе. Отметим, что в эту категорию попали все материалы, опубликованные в газете «Рэспубліка». Таким образом, стратегию этого издания можно определить как обилие небольших заметок. При анализе второго печатного издания, попавшего в выборку, — газеты «СБ. Беларусь сегодня» — в эту группу попало только 20,9 % всех публикаций.

Разбивка интернет-публикаций по данному параметру ближе к нормальному распределению. При этом в ней выделяется группа материа-

лов объемом от 1501 до 2500 знаков (44,9 %). Таким образом, совокупность материалов, публикуемых интернет-ресурсами, является более сбалансированной по размеру. Это способствует привлечению аудитории – каждый потенциальный читатель сможет найти интересующую его информацию в наиболее подходящем для него формате.

Анализ содержания материалов позволяет зафиксировать ряд наблюдений, важных для понимания особенностей информационного сопровождения строительства АЭС.

При рассмотрении характера материала принято выделять три условные категории:

1) материал событийного характера предполагает рассказ об определенном событии или группе событий. Как правило, это новостной репортаж;

2) аналитический материал посвящен анализу некоей сложившейся ситуации. Нередко в таких материалах делается акцент на имеющихся аргументах в поддержку той или иной точки зрения, а также даются прогнозы дальнейшего развития анализируемой ситуации;

3) при смешанном варианте рассказ о событии в равной степени соседствует с анализом ситуации.

На рис. 5.2 показаны данные, отражающие представленность каждой из этих трех категорий в анализируемых материалах.

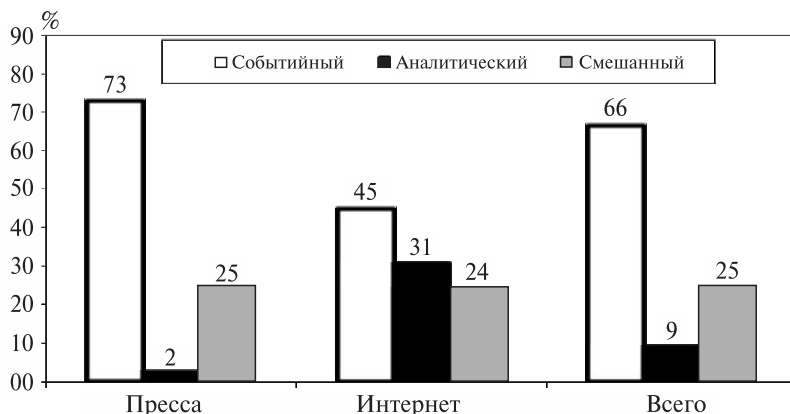

Рис. 5.2. Характер материалов, посвященных строящейся Белорусской АЭС

Как видим, и в прессе, и в интернете за весь анализируемый период доминировали материалы событийного характера. Однако в печатных публикациях их почти на 30 % больше, чем в интернете. Как и по

предыдущему показателю, здесь интернет-публикации выглядят более сбалансированными. Около 1/3 всех онлайн-материалов носят аналитический характер. При этом в прессе аналитических материалов почти нет (2,4 %), что явно не идет на пользу этим СМИ.

Материалы смешанного характера присутствуют в обоих видах СМИ в равной доле (около 24,5 %).

Кроме того, следует подчеркнуть и различие в размерах публикуемых статей: для освещения событий, как правило, достаточно публикации небольшого объема, в то время как специфика аналитических материалов обуславливает необходимость подготовки достаточно объемных статей, в которых в полной мере будет раскрыта тема, которой посвящена публикация. Данный дисбаланс может быть исправлен посредством как включения в материалы газет аналитических материалов среднего и крупного размера, так и использования сайта газеты для публикации новостных материалов.

Отметим и положительную динамику в деятельности белорусских печатных изданий: в сравнении с исследованием 2016 г. большинство публикаций присутствует в электронном виде на сайтах изданий. Сам сайт также служит агрегатором новостных сообщений, позволяя оперативно реагировать на изменения в информационном поле.

Проанализируем спектр тем, которые были затронуты в публикациях. Для этого обратимся к рис. 5.3.

Из данных, представленных на рис. 5.3, видно, что чаще всего затрагиваются темы строительства, предстоящей эксплуатации АЭС, а также вопросы экологии и обеспечения безопасности (27,0, 35,8 и 30,9 % соответственно). Причем в интернете вопросам эксплуатации уделяется гораздо больше внимания, чем в государственной прессе (57,7 и 20,9 % соответственно). Исходя из этого, можно рекомендовать при формировании государственной информационной политики уделять больше внимания тому, как будет функционировать Островецкая АЭС после завершения ее строительства и какие преимущества это даст нашей стране.

Отметим, что в 2017 г. экологическим вопросам было посвящено только 9,3 % всех изученных публикаций, а в 2018 г. — 36,9 %. Таким образом, за два года наблюдается существенный рост доли публикаций, затрагивающих эту тему.

Взаимоотношению с иностранными государствами (за исключением Литвы) посвящено 18,2 % всех публикаций, что незначительно отличается от результатов предыдущего замера (в 2018 г. этот показатель составил 16 %).

Рис. 5.3. Темы, затронутые в 2019 г. в материалах СМИ, посвященных Белорусской АЭС

Таким образом, с 2016 г. в информационном пространстве Республики Беларусь наметились тенденции по заметному увеличению доли материалов, связанных с претензиями представителей Литвы по по-

воду строительства и последующей эксплуатации Островецкой АЭС. Всего вопросы взаимоотношения с Литвой затрагивались в 17,9 % всех публикаций. В ходе замера 2018 г. этот показатель составлял 18,7 %, а в 2017 г. – 25,3 % от всех проанализированных статей. Таким образом, можно констатировать стабилизацию актуальности данной темы.

Необходимо, однако, обратить внимание на существенную разбежку между прессой и интернетом при освещении вопросов взаимодействия с Литвой. Здесь наблюдается четырехкратный разрыв (интернет – 42,3, пресса – только 10,3 %). В ходе замера 2018 г. эта разбежка также была выявлена (интернет – 34,5, пресса – только 12,1 %). Таким образом, в государственной прессе количество материалов, посвященных литовскому вопросу, сократилось, а в интернете, наоборот, возросло.

Таким образом, при формировании информационной политики государственных СМИ вопросам взаимодействия с Литвой следует уделять больше внимания. Как показывает практика, информационные поводы подобного рода могут быть использованы для последующей организации геополитического давления на нашу страну. Поэтому, учитывая особую важность данного обстоятельства, руководством исследования было принято решение с замера 2017 г. осуществлять более детальный анализ этих аспектов, для чего они были выделены в отдельный блок. Результаты представлены на рис. 5.4.

Рис. 5.4. Аспекты взаимоотношений с Литвой, затронутые в материалах СМИ, посвященных БелАЭС, в 2019 г.

Очевидно, что в данном разделе монографии доминирующее положение занимает тематика безопасности БелАЭС (в 2019 г. – 53,4, в 2018 г. – 68,6 %). Это единственная тематика, по которой не наблюдается существенного разрыва между государственными печатными СМИ (57,7 %) и интернет-изданиями (50,0 %). При этом только в 19 % (в 2018 г. – 28,6 %) всех материалов присутствуют заявления белорусской стороны по поводу строительства Белорусской АЭС в ответ на претензии, высказанные со стороны Литвы. Таким образом, можно говорить о том, что значительная часть претензий, высказанных литовской стороной в информационном пространстве, остается без ответа со стороны белорусских официальных властей. Это, безусловно, требует внесения некоторых корректировок в формирование официальной информационной политики в освещении данных вопросов.

Преобладание числа материалов, посвященных безопасности БелАЭС, вытекает из высокой частоты заявлений литовской стороны о наличии проблем в этой области. Также связана с этим и тематика геополитического влияния БелАЭС на Литовскую Республику и Прибалтийский регион (12,1 %). Наличие такой тематики в данном сегменте массива и достаточно большое количество публикаций на эту тему являются доказательством попыток перевести белорусско-литовский спор по поводу строительства Белорусской АЭС в геополитическую плоскость.

Как свидетельствуют результаты контент-анализа, 18,8 % интернет-публикаций, посвященных литовскому вопросу, затрагивают тему геополитического влияния БелАЭС, а в материалах белорусской государственной прессы она отсутствует вовсе. Отсутствие противодействия подобного рода информации оказывает негативное влияние на общественное мнение.

Также большая доля публикаций, связанных с темой блокирования белорусского энергетического экспорта на рынок ЕС (19,0 %), указывает на актуальность экономической составляющей спора для литовской стороны. Причем по сравнению с замером 2018 г. доля этих публикаций несколько возросла (примерно на 2 %).

Следующим важнейшим параметром, характеризующим информационные сообщения, является форма аргументации, к которой прибегают авторы материалов. Аргументация может быть фактологической, когда доказательства и убеждение читателя базируются на определенных фактах; эмоционально-образной, при которой основой риторики автора является акцент на образах и связанных с ними эмоциях; смешанной, которая предполагает как использование фактов, так и апелляцию к эмоциям читателей.

На рис. 5.5 отражены преобладающие в проанализированных материалах формы аргументации.

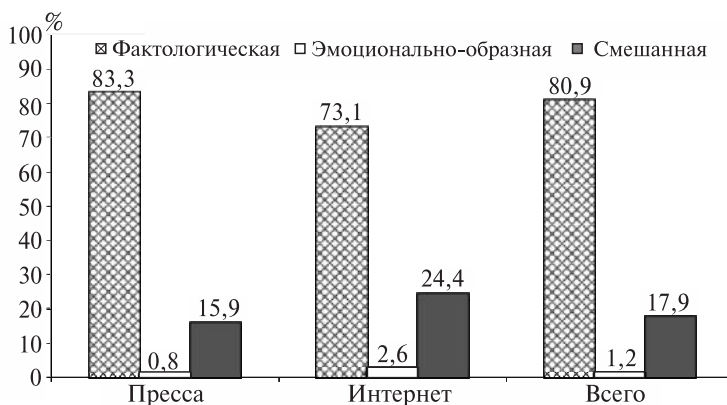

Рис. 5.5. Форма аргументации, присутствующая в материалах о БелАЭС в 2019 г.

Как можно увидеть из рис. 5.5, в публикациях 2019 г. преобладает фактологическая форма аргументации. Она встречается в 80,9 % всех статей. Эмоционально-образная аргументация была обнаружена в 2,6 % интернет-публикаций и только в 0,8 % статей в прессе. Материалы смешанного характера среди всех публикаций составляют 17,9 %. Такая же доля (17,6 %) была выявлена и годом ранее. При анализе данных, представленных на рис. 5.5, не наблюдается принципиальной разницы между официальной прессой и интернет-публикациями. В то же время материалы, опубликованные в интернете, отличаются несколько большей эмоциональностью, стремлением подать материал в менее формальном ключе, излагают информацию на привычном для обычного читателя языке. Это выгодно отличает данные публикации и позволяет им оказывать большее влияние на аудиторию, достигая до нее.

Исходя из вышесказанного, именно смешанная форма аргументации видится наиболее подходящей для обеспечения информационного сопровождения строительства Островецкой АЭС. Смешение различных типов аргументации позволяет воздействовать на эмоции читателя, формируя определенную позицию и подкрепляя ее затем фактами.

Привлечение экспертов при подготовке материала является одним из путей повышения убедительности и обоснования его объективности. Подавляющее большинство (77,6 %) проанализированных публикаций сопровождается экспертной оценкой. Сравнение данных, полученных при анализе печатных материалов (77,0 %) и интернет-публикаций (79,5 %), не выявляет между ними каких-либо существенных различий по этому параметру.

Рис. 5.6. Эксперты, мнения которых присутствуют в публикациях по теме БелАЭС в 2019 г.

На рис. 5.6 представлено распределение сфер деятельности, к которым принадлежат эксперты, чье мнение было использовано в публикациях.

Как видно из рис. 5.6, в качестве экспертов в 2019 г. чаще всего выступали представители власти республиканского уровня (47,1 %, в 2018 г. – 51,2 %, в 2017 г. – 49,1 %), специалисты по атомной энергетике (22,4 %, в 2018 г. – 24,1 %, в 2017 г. – 2,9 %), а также зарубежные чиновники (19,2 %, в 2018 г. – 26,5 %, в 2017 г. – 26,0 %). Отметим, что по сравнению с предыдущим замером доля данных групп незначительно сократилась. Большое содержание материалов с присутствием зарубежных чиновников в качестве экспертов объясняется прежде всего конфликтом с Литовской Республикой. Отметим также, что в интернет-публикациях мнения этих экспертов присутствуют значительно чаще, чем в материалах прессы (50 и 9,3 % соответственно). Это согласуется с приведенными выше данными относительно тематического наполнения онлайн- и газетных публикаций по литовскому вопросу (см. рис. 5.3 и 5.4).

Наличие среди основных экспертов специалистов по атомной энергетике является естественным и ожидаемым. Отметим лишь, что в государственной прессе несколько чаще предоставляется площадка данной группе экспертов (23,3 %), чем в онлайн-изданиях (19,4 %). Однако в 2019 г. данный разрыв был существенно больше (29,1 и 11,1 % соответственно).

Интерес к мнениям представителей центральной власти в публикациях, посвященных теме строительства Островецкой АЭС, в контексте активного информационного воздействия со стороны Литовской Республики видится уместным. Однако необходимо более активно привлекать в качестве экспертов представителей других сфер. В частности, крайне низка доля материалов, содержащих мнение экспертов в области экологии, обеспечения безопасности, экономики и политологии. Задействование этих специалистов позволит придать публикациям большую убедительность.

Рассмотрим, какое отношение к строительству Белорусской АЭС высказали все опрошенные эксперты. Для этого обратимся к рис. 5.7.

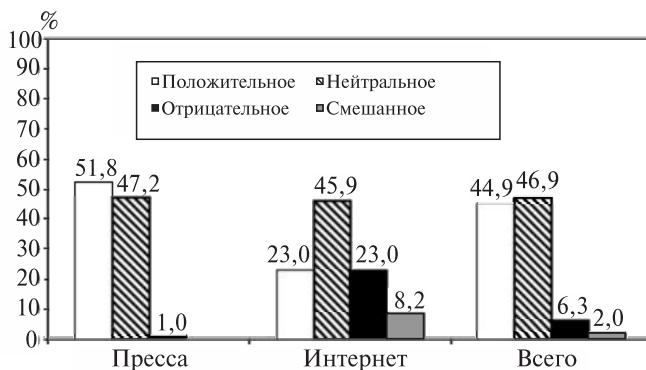

Рис. 5.7. Отношение экспертов к строительству БелАЭС

Как видно из рис. 5.7, немногим менее половины всех экспертов (44,9 %) высказали положительное отношение к строительству Белорусской АЭС, еще столько же (46,9 %) придерживаются нейтральной позиции. Однако здесь различие между прессой и интернет-изданиями является наиболее существенным. В материалах печати доминируют строго положительные (51,8 %) и нейтральные (47,2 %) экспертные оценки, а оценки отрицательного характера составляют только 1 %. В то же время среди материалов новостных сайтов самую большую группу (45,9 %) составили те эксперты, которые придерживаются нейтральных позиций, а положительные и отрицательные оценки представлены в равной степени (23 %). Следует отметить и то, что в большинстве случаев отрицательные оценки, представленные в интернет-публикациях, принадлежат литовским чиновникам и политикам. По результатам замера 2018 г. эта группа составила 21,7 %, а в 2017 г. – 22 %, что говорит о ее стабильности.

Для придания материалам убедительности помимо экспертных мнений следует использовать ссылки на мнения простых граждан. Однако, как показывают многолетние результаты контент-анализа, доля таких публикаций традиционно крайне низка и не превышает 2–3 %. Следует, впрочем, отметить, что в 2019 г. по этому показателю наблюдался существенный рост – мнение населения было представлено уже в 9,1 % всех публикаций (пресса – 8,3 %, интернет – 11,1 %). Это являлось признаком того, что при подготовке материалов, посвященных Белорусской АЭС, стали учитываться интересы целевой аудитории. Однако по результатам волны-2019 контент-анализа мнение населения было представлено только в 2,4 % публикаций (пресса – 2,4 %, интернет – 2,6 %). Таким образом, рост 2018 г. не изменил ситуацию в области информационного сопровождения строительства Белорусской АЭС и оказался эпизодическим явлением.

Результирующим показателем, отражающим направленность всего материала, является общее отношение, высказанное в материале по поводу строительства Белорусской АЭС. Данные по этому показателю представлены на рис. 5.8.

При замере использовалась пятипозиционная шкала следующего вида:

- строго положительное отношение – во всем материале присутствуют только одобрительные характеристики, авторы и герои материалов всецело поддерживают строительство АЭС в Беларуси;

- преимущественно положительное отношение – общий тон материала является положительным, однако в нем говорится и о возможных единичных трудностях или недостатках либо же часть материала подается без каких-либо оценок;

- нейтральное отношение – как авторы материала, так и его герои ограничиваются изложением фактов, не давая им каких-либо оценок;
- преимущественно отрицательное отношение – авторы либо герои материала, отмечая наличие отдельных положительных моментов, в целом негативно характеризуют строительство АЭС;
- строго отрицательное отношение – во всем материале используются только негативные комментарии по поводу строительства АЭС на территории Островецкого района;
- в равной степени представлены как положительные, так и отрицательные аргументы – в материале присутствуют положительные и отрицательные мнения о строительстве БелАЭС, что свойственно полемическим материалам.

Рис. 5.8. Общее отношение к строительству БелАЭС, высказанное в материале

Как можно увидеть из рис. 5.8, по всему массиву оценки положительного характера составляют 49 %. Еще 45 % материалов носили нейтральный характер. Отрицательные материалы насчитывают менее 5 %.

При этом в печатных СМИ отрицательные оценки практически отсутствуют, а в интернете их существенно больше (около 20,5 %). Впрочем, следует отметить, что к категории отрицательных публикация могла быть отнесена не из-за позиции автора статьи, а по причине высказанного в ней мнения, например при освещении претензий литовской стороны. Таким образом, и здесь в интернет-материалах заметно более критическое отношение по поводу строительства Белорусской АЭС.

Результаты проведенного исследования позволяют составить следующие рекомендации по информационному сопровождению строительства Белорусской АЭС.

В рамках данного исследования было выяснено, что в настоящий момент среди подлежащих анализу публикаций преобладает фактологическая форма аргументации. Однако традиционно наиболее эффективной является аргументация смешанного типа. Данный вид аргументации видится наиболее подходящим для обеспечения информационного сопровождения строительства Островецкой АЭС. Использование различных типов аргументации позволяет воздействовать на эмоции читателя, формируя определенную позицию и подкрепляя ее затем фактами.

На момент проведения данного исследования (2019 г.) освещение строительства Белорусской АЭС носило преимущественно положительный характер. При этом в печатных изданиях эта тема подавалась более позитивно, чем в электронных СМИ. Заметим, что размер газетных публикаций в среднем существенно меньше размера материалов электронных СМИ. Впрочем, данное различие обусловлено главным образом изменением редакционной политики газеты «Рэспубліка» – в 2019 г. в этом издании значительно (более чем в 9 раз) увеличилось количество коротких заметок. Также подчеркнем, что в силу специфики формата печатные публикации уступают в оперативности отражения информационных поводов и остаются ограничены своей аудиторией. С целью расширения аудитории возможно публиковать материалы среднего и крупного размера (от 2001 знака) событийного и аналитического характера как в самих газетах, так и на их сайтах. В таких публикациях следует использовать смешанный тип аргументации.

Необходимым видится увеличение количества публикаций, затрагивающих тему прекращения эксплуатации Игналинской АЭС и строительства Висагинской АЭС. Это необходимо в целях противодействия информационному давлению со стороны Литовской Республики.

При освещении строительства Белорусской АЭС следует более активно привлекать экспертов в области экологии, обеспечения безопасности, экономики и политологии.

Уместной видится интеграция зарубежного опыта в информационное сопровождение строительства и функционирования БелАЭС. В частности, важным средством формирования как общественного мнения, так и мнения отдельных граждан могут выступать обзорные экскурсии по некоторым частям АЭС после окончания основных строительных и технических работ.

Проблемная ситуация показывает, что необходимо предпринять адекватные меры, чтобы население и мировая общественность понимали: решение о строительстве Белорусской АЭС продиктовано не политическими амбициями, а необходимостью обеспечить энергетическую безопасность страны в условиях истощения мировых запасов газа и нефти, перебоев с поставками и возрастающих цен на энергоресурсы. Населению должны быть разъяснены главные аргументы государственной политики в пользу этого: экономическая целесообразность, наличие в республике подходящих территорий для размещения атомной электростанции, отсутствие технических препятствий для включения станции в энергосистему страны.

С учетом особенностей современного развития информационного общества, а также технологий распространения данных требуется максимальный профессионализм и прозрачность в освещении тех вопросов, которые потенциально могут использоваться в качестве информационного повода для дестабилизации социальной обстановки. Предлагаемая информация должна исключать возможность ее двойной трактовки или использования с деструктивными целями в другом контексте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Environmental Performance Index (EPI) [Electronic resource]. URL: <https://epi.envirocenter.yale.edu/2018/report/category/hlt> (date of access: 29.08.2019).
2. The top 500 sites on the web [Electronic resource]. URL: <http://www.alexa.com/topsites/countries/BY> (date of access: 28.09.2019).

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В современных условиях существования национального информационного поля медиаконвергенция как форма воспроизводства и потребления информационного контента приобретает характер принципиально нового парадигмального вектора развития медиасферы. Стирание структурных границ в типологии СМИ приводит к фактическому размыванию границ между профессиональным журналистом и сетевым блогером, жидкокристаллическим телевизором и смартфоном, прямой телевизионной трансляцией и технологией *SmoothStreaming* на видеохостинге *Youtube*. Медиаконвергентное состояние информационного поля меняет роль традиционных СМИ (телевидение, печатные СМИ, радио) в воспроизводстве массовой информации и воздействии на аудиторию. Редуцируя понятие «медиаконвергенция», М. Кастельс говорит о мультимедиа – это условный «волшебный ящик, который мог бы стоять в нашей гостиной и по нашей команде открывать глобальное окно безграничных возможностей интерактивной связи в видео-, аудио- и текстовом форматах» [1, с. 220]. В научно-теоретическом контексте наиболее оптимальной дефиницией «мультимедиа» представляется определение, сформулированное А. В. Россошанским. По мнению исследователя, мультимедийный текст «представляет собой комплекс информации разных типов, своеобразный информационный ресурс, включающий в себя и статическую визуальную (текст, графику), и динамическую информацию разных типов (речь, музыку, видеофрагменты, анимацию), и компьютерное программное и аппаратное обеспече-

ние, с помощью которого становится возможной работа с информацией разных типов» [2, с. 172]. Медиаконвергентный процесс в данном случае формирует мультимедийное функционирование источников воспроизводства массовой информации по принципу мобильной редакции, которая фактически унифицирует и объединяет различные ранее способы создания информационного контента.

Ранее содержание воспроизводимого информационного контента и территориальный охват распространения информации играли определяющую роль в вопросе востребованности традиционных СМИ. Информационный контент, частота распространения и доступность технических средств получения информации (например, наличие телевизора или иного устройства) во многом обуславливали популярность конкретных СМИ. В данном случае содержательная составляющая информационных материалов задавала направление коммуникации по отношению к аудитории по принципу информация – распространение – потребление.

Медиаконвергентное состояние информационного поля привело к тому, что журналисты и профессиональные работники медиасферы перестали быть основными источниками воспроизводства массовой информации. В настоящее время абсолютно любой пользователь сетевого пространства может не только выступать реципиентом исходящего информационного контента, но и сам быть в роли источника воспроизводства и распространения информации. Учитывая многообразие современной массовой информации, формируемой как традиционными источниками, так и самой аудиторией, имеющуюся возможность мгновенного ознакомления с любым контентом, размещенным в открытом доступе сетевого пространства, наличие обратной связи между производителем и потребителем информации (пользовательские комментарии, визуальные инструменты сетевого одобрения в социальных медиа), можно заключить, что современное информационное поле характеризуется большим переизбытком имеющегося медиаконтента. Потребитель информации находится под перманентным воздействием неупорядоченных бесконечных информационных потоков. При этом ввиду огромных масштабов перманентного информационного воздействия потребитель медиаконтента физически не способен в полном объеме анализировать, воспринимать и фильтровать потоки массовой информации. Описывая указанную тенденцию, Е. Поведская применяет термин «информационная интоксикация», отмечая, что значительное «количество материала делает иногда невозможным его нормальное использование» [3, с. 77].

Проще говоря, в настоящее время информации стало слишком много, при этом мозг и общие физические особенности его восприятия у человека остались примерно такими же, как и десять, двадцать, пятьдесят лет назад. Технологии воспроизводства и распространения информационного контента постоянно претерпевают содержательные и структурные изменения, в то время как перцептивные психоэмоциональные особенности потребителя информации остаются неизменными. В связи с этим в настоящее время на первое место выходит не само содержание информации, как это было ранее, а аспекты ее восприятия в массовом сознании. Логичным результатом описанного процесса выступает трансформация практик медиапотребления национальной аудиторией.

В указанных условиях немаловажное значение приобретает клиповое сознание как форма восприятия и адаптации индивида к неупорядоченным масштабным информационным потокам. Как отмечает Э. Тоффлер, «на личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под наших старых идей и обстреливают нас разорванными и лишенными смысла “клипами”, мгновенными кадрами... по сути, мы живем в “клип-культуре”» [4, с. 271]. Само по себе восприятие информации, простота рефлексии и понимания сути информационного контента становятся определяющими в вопросе изучения востребованности структурных сегментов информационного поля (телевидение, печатные СМИ, радио, интернет-ресурсы, социальные медиа). Если раньше определяющей категорией востребованности того или иного источника массовой информации было ее содержание, то в настоящее время именно простота восприятия становится основополагающим индикатором популярности конкретных сегментов информационного поля, в частности сетевых ресурсов как источника, наиболее адаптивного к реалиям клипового восприятия информации¹.

В социологической теории аспекты восприятия информации как индикатора востребованности традиционных средств массовой информации нашли отражение в работе М. Маклюэна. М. Маклюэн обратил внимание на перцептивные условия распространения информации, приводя в качестве примера результаты эксперимента в Торонто, в котором «четырем случайно набранным группам университетских студентов давалась одновременно одна и та же информация о структуре дописанных языков» [5, с. 355]. В соответствии с заданием проводимого экспе-

¹ *Посталовский А. В.* Современные тенденции функционирования национального информационного поля Республики Беларусь // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2020. № 1. С. 112.

римента каждая группа студентов получала информацию по абсолютно разным коммуникативным каналам: телевидение, радиовещание, текст и устная лекция. «Каждая группа, — пишет М. Маклюэн, — получала материал в течение получаса. Затем каждую попросили ответить на одну и ту же серию контрольных вопросов. Для экспериментаторов стало большим сюрпризом, что студенты, получившие информацию по телевидению или радио, справились с контрольной работой лучше, чем получившие информацию через лекцию или печать, а телевизионная группа намного превзошла группу радиослушателей» [5, с. 355]. В данном случае экспериментальным образом подчеркивалось, что непосредственно информационный контент в плане востребованности и понимания отходит на второй план, уступая место простоте восприятия информации.

Смещение акцентов с содержания на простоту восприятия во многом способствовало возрастанию спроса потребителей информации на сетевые ресурсы. Пространство сетевого гипертекста в наибольшей степени было адаптировано к клиповому сознанию как форме восприятия информационного контента. Линейное усвоение печатного текста (чтение слева направо) и аналитическая рефлексия стали заметно уступать ситуативному ознакомлению с визуальным контентом на сенсорном экране смартфона, хаотичному передвижению по тематическим хештегам и гиперссылкам в сетевом пространстве. Как отмечает М. И. Кузнецов, «визуальная репрезентация Сети в виде гипертекста также делает очевидным такое существенное свойство, как нелокализуемость <...>. Даже в случае более чем скромного по объему гипертекста количество всех, в том числе и перекрестных, ссылок его элементов друг на друга настолько велико, что никогда не может быть сосчитано <...>. В этом случае мы получаем заведомо искаженную (потому что вырванную из контекста ее непрерывно меняющихся взаимосвязей), но чрезвычайно отчетливую по причине ее статичности (прямо какая-то моментальная фотография) картину того или иного фрагмента реальности» [6, с. 119]. Ситуативно-хаотичное движение в гипертекстовом пространстве потребителя информации способствует лишь фрагментарному ознакомлению с содержанием, результатом которого становится клиповая рефлексия над информационным контентом и искаженное восприятие социального факта.

Значительные объемы информации, распространяемые в сетевом пространстве, с одной стороны, максимально упрощены в содержательном плане и максимально просты для восприятия; с другой стороны, клиповое сознание в значительной степени нивелировало возможности критического анализа массовой информации, вследствие чего в настоящее время классическое медиапространство представляет собой

поле клипов, по Э. Тоффлеру, — набор ярких образов и часто дублирующих друг друга кратких сообщений. Клиповое наполнение информационного поля формирует феномен стереотипизации сознания — еще одну форму адаптации индивида к объемным неупорядоченным потокам массовой информации. «Масса сообщений, — пишет Е. В. Петрова, — бесконечным потоком вливается в сознание человека, вызывая в нем чувство сопричастности тем или иным явлениям, принадлежности к определенной общности» [6, с. 268]. В указанных обстоятельствах, как и в случае с клиповым сознанием, непосредственно само содержание информации отходит на вторые-третьи роли, поскольку основополагающим элементом является чувство сопричастности и включенности в происходящее. Перед потребителем информации стоит проблема, какую сторону нужно занять и к какому кругу сопричастных необходимо присоединиться, а не само аналитическое восприятие текста. Множественность информационных потоков обуславливает установку на занятие определенной («ведь так думает абсолютное большинство таких же, как я») позиции в отношении информационной интерпретации происходящих событий, создавая благодатную почву для воздействия технологий манипулирования общественным мнением. Указанная тенденция, а именно трансформация практик медиапотребления, формируется во многом благодаря стереотипизации сознания как формы адаптации аудитории к объемным неупорядоченным потокам информации. Результатом данной трансформации является повышение востребованности сетевого пространства и интернета в целом у белорусской аудитории СМИ.

Описанные выше особенности функционирования информационного поля, простота восприятия и адаптированная версия удобоваримого информационного контента существенным образом видоизменили повседневные практики воспроизводства массовой информации. Простота восприятия в данном случае отодвигает на второй план содержание и аналитику, что в значительной мере оказало влияние в том числе и на специфику подачи материалов профессиональными журналистами. Как отмечает А. А. Градюшко, журналистам в настоящее время «приходится думать об упрощении подачи материала, о придании ему такой структуры, которую пользователю легко усвоить, держа в руке устройство с небольшим экраном» [7, с. 73]. Описанная тенденция нашла отражение в следующей методике воспроизводства информационного контента при условии клипового сознания аудитории: «Фотографии размещаются на всю ширину колонки. Текст разбивается на смысловые блоки. Читатель способен сохранять концентрацию внимания сравнительно недолго. В среднем это 1000–1300 знаков, или три не-

больших абзаца. Длина самого абзаца часто не превышает 5–7 строк. Выделяются цитаты, врезки. <...> Видеоматериалы сопровождаются титрами, так как не каждый читатель будет включать аудиосопровождение (находясь, например, среди других людей). Длительность видео не превышает двух минут» [7, с. 74]. Характеризуя общую тенденцию развития современных СМИ, Е. А. Малеина выделяет следующие стратегии информационной политики средств массовой информации в сетевом пространстве: «публикация кратких информационных заметок в лентах новостей; увеличение количества визуальной информации; тяготение к телевизионному формату; сочетание всех видов информации на одной странице (публикация текста, сопровождаемая картинкой и звуковым файлом)» [8, с. 368]. Повседневные практики искусственного упрощения информационного контента в полной мере коррелируют с формами адаптации аудитории СМИ к массовым информационным потокам, выступая объективной реакцией источников воспроизводства и распространения информации на клиповое сознание и стереотипизацию мышления.

Рассмотрев общие тенденции современного развития информационного поля в контексте социологической теории, необходимо обратиться к эмпирическим результатам медиаизмерений национальной аудитории в условиях востребованности основных источников массовой информации. Социологическое исследование особенностей функционирования национального информационного поля проводилось ЦСПИ БГУ по заданию Министерства информации Республики Беларусь в рамках НИР «Разработка комплекса технологий и инструментов оперативного реагирования на формирующиеся вызовы и угрозы в медиaprостранстве Республики Беларусь».

Информационное поле в данном случае — это динамика изменения медиапотребления аудитории, формируемая, с одной стороны, развитием технологий и инструментов распространения информации, с другой стороны — особенностями восприятия и реакции на событийную информацию. Данное понятие является амбивалентной теоретической категорией, поскольку в равной степени учитываются как медийные предпочтения, регулируемые спросом на конкретные источники информации, так и аспекты восприятия как формы усвоения информационного контента. В период востребованности традиционных СМИ, в частности печатных изданий, потребитель информации, знакомясь с текстом публикации, усваивал информацию слева направо, читая по указанному алгоритму. В настоящее время формирующееся клиповое сознание аудитории способствует изменению традиционного линейного восприятия текста, вместо которого приходит ориентация на гиперссылки,

тематические хештеги и прочие формы визуального распространения и продвижения информационного контента в сетевом пространстве.

В таких условиях информационное воздействие как результат деятельности субъектов национального информационного поля (телевидение, радио, печатные СМИ, интернет-ресурсы, социальные медиа) представляется формой влияния на сознание индивида, осуществляемого с применением ресурса СМИ с последующим дополнением уже сформировавшихся оценок, мнений, убеждений, реакций. Информационное воздействие не является просто деятельностью по трансляции событийно-новостного контента, это еще и результат индивидуально-восприятия, который структурирован в личностном сознании вследствие активного потребления массовой информации¹.

Структуру информационного поля составляет динамика информационного воздействия пяти основных сегментов, среди которых как традиционные СМИ (телевидение, радио, печатные СМИ), так и интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы), включая средства сетевой медиакommunikации. Наиболее востребованными каналами получения информации по общественно-политической тематике являются телевидение (50,2 %) и интернет-ресурсы (сайты, новостные порталы) (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Распределение ответов на вопрос «К каким источникам Вы обычно обращаетесь, если хотите получить информацию по проблемам...?» (%)

Источник информации	Политики	Экономики	Культурной жизни	Экологии
К газетам	17,9	16,6	15,9	13,8
К радио	5,3	4,5	7,5	4,6
К телевидению	50,2	49,4	47,3	44,9
К интернету (сайты, новостные порталы)	48,1	49,2	45,5	48,2
К интернету (социальные сети)	9,2	8,4	16,4	11,9

Указанная тенденция говорит о доминировании аудиовизуальных СМИ и сетевого новостного контента. Схематично расстановка приоритетов аудитории в белорусском информационном поле представлена на рис. 6.1.

¹ *Посталовский А. В.* Национальное информационное поле в контексте вызовов и угроз современного мира: социологическое измерение. Минск : РИВШ, 2019. С. 26–28.

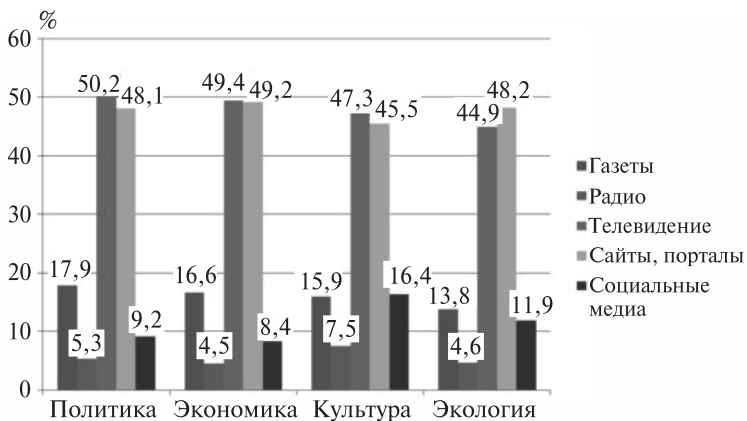

Рис. 6.1. Приоритеты белорусской аудитории СМИ в выборе основных источников получения общественно-политической информации в 2019 г.

В вопросах политики и культуры наиболее популярным каналом получения информации выступает телевидение, в вопросах экологии – интернет (сайты, новостные порталы). В отношении экономических вопросов в плане расстановки приоритетов аудитории достигнуто равенство между телевизионным и сетевым сегментом информационного поля – впервые за многолетний период медиаизмерений (2003–2019). Телевидение и сетевой сегмент национального информационного поля – наиболее простые и доступные в плане восприятия информационные ресурсы, которые продолжают доказывать свою востребованность в условиях адаптации аудитории к объемным информационным потокам.

Согласно данным массового опроса населения 2019 г., структуру национального информационного поля (рис. 6.2) определяют фактически два равнозначных по степени информационного влияния на аудиторию сегмента – телевидение и интернет (сайты, новостные порталы). Позиции печатных СМИ значительно ниже, тем не менее газеты по-прежнему используются аудиторией как источники получения массовой информации. Показатели радио (5,3 %) являются самыми низкими за весь период проведения социологических исследований белорусского информационного поля (по заданию Министерства информации Республики Беларусь).

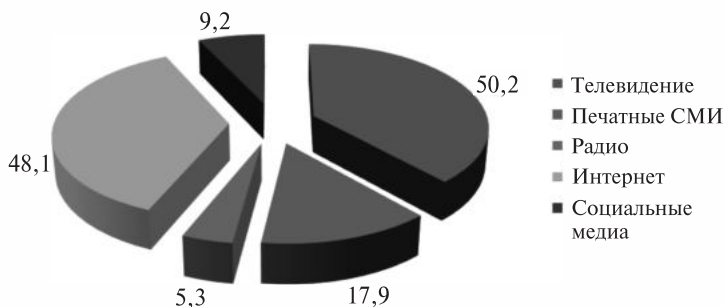

Рис. 6.2. Доля основных источников получения информации по общественно-политической тематике в 2019 г. (%)

В табл. 6.2 представлено распределение ответов респондентов в разрезе возрастных групп. Печатные СМИ в наибольшей степени востребованы среди аудитории в возрасте 60 и старше. Аналогичная тенденция сохраняется и в телевизионном сегменте информационного поля. Молодежь использует указанный источник информации (22,2 %), при этом востребованность телевидения среди аудитории в возрасте 60 лет и старше составляет 75,1 %.

Таблица 6.2

Распределение ответов на вопрос «К каким источникам Вы обычно обращаетесь, если хотите получить информацию по проблемам...?» в разрезе возрастных групп (%)

Источник информации	18–29	30–44	45–59	60 и старше
К газетам	5,7	8,3	19,7	36,8
К радио	1,7	3,2	6,1	9,9
К телевидению	22,2	43,1	57,6	75,1
К интернету (сайты, новостные порталы)	74,8	64,8	42,8	12,6
К интернету (социальные сети)	21,7	9,1	6,1	1,2

В связи с этим можно сделать вывод о том, что телевидение продолжает занимать лидирующие позиции в отечественном информационном поле во многом благодаря высокой востребованности телевизионного контента среди представителей среднего и старшего поколений. В отношении интернета наблюдается прямо противоположная

тенденция, где общие показатели востребованности формируются во многом за счет молодежи.

Полученные эмпирические результаты в полной мере отражают состояние пространства клипов, по Э. Тоффлеру, и общие процессы оптимизации информационного контента в сторону упрощения и обеспечения простоты восприятия. Формирующаяся тенденция оказала существенное влияние и на журналистские практики воспроизводства массовой информации. Простота восприятия материалов современных медиа выступает новым парадигмальным направлением подготовки и распространения информационного контента, уступая место аналитической и критической рефлексии в отношении массовой информации.

В настоящее время в телевизионном сегменте национального информационного поля прослеживается тенденция количественного уменьшения телеаудитории. Некоторые количественные потери аудитории связаны, на наш взгляд, с общей тенденцией частичного снижения интереса к телевидению как источнику получения информации в связи с активным развитием интернета и, в частности, средств сетевой медиакommunikации. Представленные сегменты информационного поля в отдельных случаях ввиду своей специфики способны заменить традиционное телевидение посредством сохранения эффекта присутствия в визуализируемом кадре (использование онлайн-видеохостингов). Долгое время телевидение как вид СМИ, представляющее собой визуальное отражение происходящих событий на телеэкранах, было фактически монопольным на медийном рынке информационных услуг и основным сегментом национального информационного поля. Однако быстрое развитие интернет-технологий, а также средств мобильной связи и коммуникации привели к тому, что функции телевидения по передаче движущегося изображения и звука начали выполнять смартфоны, планшетные компьютеры и т. п. Поэтому часть потребителей информационного контента предпочла традиционному телевидению онлайн-просмотр телесюжетов в интернете.

Наиболее популярными и востребованными на территории Республики Беларусь являются традиционно белорусские и белорусско-российские телеканалы (ОНТ, «НТВ-Беларусь», «РТР-Беларусь», «Беларусь 1»), а также межгосударственная телерадиокомпания «Мир». В немаловажной степени этому способствует доступность данных телеканалов массовой аудитории ввиду включения их в состав первого бесплатного цифрового телевизионного мультиплекса, степень распространения телевещания которого составляет почти 100 % на территории Беларуси. Значимым аспектом в вопросе популярности телеви-

дения у аудитории национального информационного поля представляется окончательный переход от аналогового телевизионного вещания к цифровому с 15 мая 2015 г. Цифровое телевидение сделало доступным просмотр телепередач в хорошем качестве, в то время как аналоговый формат не всегда позволял это делать из-за погодных условий и зависимости от технической специфики установки телевизионной антенны.

Как уже отмечалось выше, для телевизионного сегмента национального информационного поля характерна тенденция по снижению объема телеаудитории, в частности среди ведущих (наиболее популярных) телеканалов. А. В. Данильченко связывает некоторые количественные потери телеаудитории с многообразием и постоянно увеличивающимся количеством новых телевизионных каналов, которые растягивают между собой аудиторию¹. В данном случае необходимо отметить такой процесс, как сегментизация телеаудитории: происходит увеличение спроса потребителей телевизионной продукции на узкоспециальные и тематические каналы в соответствии с их предпочтениями, вследствие чего с каждым годом количество упоминаемых респондентами телеканалов увеличивается. Если говорить о национальном сегменте телевизионного пространства, то тенденция сегментизации телеаудитории отчетливо прослеживается на примере ребрендинга телеканала БТ. В результате образовалось 6 отдельных телеканалов, контент которых дифференцируется в соответствии с тематическим содержанием сетки вещания.

Если говорить о Республике Беларусь в целом, то на ее территории можно выделить четыре наиболее популярных телевизионных канала, высокая доля аудитории которых в общем информационном поле фиксируется в течение многих лет. Это такие телеканалы, как ОНТ – 62,7 %, «НТВ-Беларусь» – 47,7 %, «Россия» («РТР-Беларусь») – 44,3 % и «Беларусь 1» (Первый национальный канал Белорусского телевидения) – 35,0 %. По сравнению с 2016 г. необходимо отметить некоторое увеличение показателей аудитории ведущей тройки телевизионного сегмента национального информационного поля (телеканалы ОНТ, «НТВ-Беларусь», «РТР-Беларусь»).

В 2017 г. аудитория телеканала ТНТ составила 20,9 %, что несколько выше показателей 2016 г., в то время как для всех ведущих телеканалов характерно падение зрительского интереса. Преимущественно юмо-

¹ Данильченко А. В., Якушенко К. В., Потребин А. В. Информационный рынок и единое информационное пространство: мировой контекст и белорусский опыт. Минск : БГУ, 2015. С. 263.

ристическая и развлекательная тематика информационного контента телеканала способствовала увеличению показателей телеаудитории.

Телеканал ОНТ на протяжении всех лет исследований информационного поля Республики Беларусь традиционно имеет самую большую аудиторию. На наш взгляд, это связано с тем, что, будучи официально белорусским телеканалом по месту своего нахождения, в сетке вещания ОНТ заимствовал контент российского Первого канала, что сыграло немаловажную роль в притоке телеаудитории. Фактически с самого момента своего основания в 2002 г. ОНТ в представлении потребителей информационного контента оставался именно российским телевизионным продуктом, к которому так привык зритель. Кроме того, само название телеканала ОНТ созвучно с ОРТ (Общественное российское телевидение – предыдущее официальное название Первого канала), что также способствовало формированию изначально большой аудитории.

Вместе с тем отметим, что для канала ОНТ в период с 2004 по 2016 г. характерно постепенное количественное снижение телевизионной аудитории по сравнению с показателями, относящимся к первым годам функционирования Общенационального телевидения в качестве самостоятельного телеканала. Наиболее высокий процентный показатель был зафиксирован в 2004 г. (88,5 %), далее аудитория телеканала постепенно сокращалась до 31,8 % (2016 г. – наименьшие показатели популярности канала). В 2017 г. ОНТ увеличил свою аудиторию на 6 %.

Второе место по популярности среди населения стабильно занимает канал НТВ («НТВ-Беларусь») (50,0 %). Так же как и ОНТ, НТВ в 2017 г. увеличил свою востребованность среди телеаудитории. Далее следует телеканал РТР («РТР-Беларусь»), который ощутимо усилил свои позиции в телевизионном сегменте информационного поля по сравнению с 2016 г. Рост телеаудитории канала в 2019 г. составил 10,5 %¹.

В настоящее время канал «Беларусь 1», у которого хотя и несколько снизились количественные показатели телеаудитории, тем не менее занял четвертое место в рейтинге телевизионных каналов национального информационного поля и второе место среди белорусских национальных каналов (в данном случае необходимо учитывать, что в сетке вещания тройки лидеров присутствуют значительные объемы заимствованного контента, в то время как «Беларусь 1» – исключительно национальный телебренд).

До 2008 г. у телеканала «Беларусь 2» (ранее – ЛАД) можно было наблюдать увеличение телеаудитории (с 24,2 % в 2006 г. до 37,5 % в 2008 г.).

¹ *Посталовский А. В.* Национальное информационное поле ... С. 76.

В 2017 г. телеканалу удалось несколько увеличить показатели своей аудитории по сравнению с 2016 г.

Отметим, что в 2011 г. Белтелерадиокомпанией был проведен ребрендинг телевизионных каналов БТ и ЛАД по примеру ВГТРК. С конца 2011 г. телеканалы называются «Беларусь 1» и «Беларусь 2» соответственно. Также были сформированы телеканалы «Беларусь 3», «Беларусь 4», «Беларусь 5» и «Беларусь 24». Отметим, что телеканал «Беларусь 1» (ранее БТ) в последние пять лет неизменно терял свою аудиторию. Снижение показателей, на наш взгляд, частично было обусловлено и тем, что происходит сегментизация – условное расслоение телеаудитории по тематическим каналам в соответствии с ее предпочтениями. Аудитория ведущих телеканалов будет перманентно снижаться, в то время как новые телеканалы будут завоевывать свою нишу в информационном пространстве.

Несмотря на стабильно высокий уровень развития интернета, мобильных и коммуникационных технологий, которые так или иначе дублируют функции ТВ, телевидение, на наш взгляд, будет продолжать занимать высокие позиции в отечественном информационном пространстве. Отечественная аудитория ТВ в целом очень консервативна, и сильного оттока респондентов, которые предпочитают ТВ, в другие сферы информационного пространства в ближайшее время не будет¹.

Вместе с тем необходимо отметить, что сегментизация телевизионного рынка обуславливает перманентное снижение количественных показателей аудитории ведущих телеканалов в пользу тематических и узкоспециальных каналов. Происходит рассеивание аудитории национальной телевизионной среды и образование новых телеканалов. Также необходимо отметить процессы медиаконвергенции структурных сегментов информационного поля, в рамках которых происходит стирание условных границ между сетевыми ресурсами и традиционными СМИ. Переход на цифровое вещание, равно как и образование потокового мультимедиа подтверждают выявленные в рамках социологического мониторинга тенденции функционирования национального информационного поля.

Газета (печатные СМИ) выступает одним из основных институтов в системе массовой информации, который принято относить к традиционным СМИ. Материалы газет содержат факты, их оценку, авторскую интерпретацию, характеристику процессов и тенденций развития совре-

¹ *Посталовский А. В.* Сегментизация телевизионного пространства в условиях медиаконвергенции национального информационного поля // *Вестн. Брѣсц. ун-та. Сер. 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія.* 2017. № 2. С. 145.

менной действительности¹. Современному печатному изданию сложно конкурировать с онлайн-ресурсами, в связи с чем мы можем наблюдать кризисное состояние рынка печатных СМИ, который функционирует фактически по тем же параметрам, что и десятилетия назад.

Печатное издание – традиционное средство массовой информации, которое теряет свою востребованность ввиду интенций научно-технического прогресса. Кризисное явление функционирования печатных СМИ можно сравнить с ушедшим в историю аналоговым телевизионным вещанием, которое было полностью заменено на цифровое. Как показывают результаты многолетнего социологического мониторинга, с каждым годом все больше жителей Республики Беларусь отказывается от линейного восприятия печатного текста (чтения газет). Многие ведущие авторитетные печатные издания имеют интернет-версии своих печатных аналогов и максимально включены в сетевое пространство. Теперь газету вовсе не обязательно покупать в киоске «Союзпечати», так как с ее содержанием можно ознакомиться и в сети Интернет.

Кроме того, в силу технических особенностей обнародования материала (работа корректоров, верстка, тиражирование) газета существенно уступает интернету, который имеет возможность транслировать и доносить информацию мгновенно, пока печатное издание будет готово в соответствии с графиком выхода номера в печать. В свете запроса аудитории на быстрое получение информационного контента печатные СМИ априори находятся в невыгодном для себя положении, так как к моменту выхода в свет печатного издания потребитель информации уже будет в курсе интересующих его событий. В данном случае печатное издание, на наш взгляд, должно сосредоточиться не на трансляции на своих страницах новостного контента, а на интерпретации событий и объяснительной аналитике, позволяющей читателю понимать суть происходящего. Если в оперативности донесения и распространения информации печатные издания будут проигрывать, то качественная объяснительная аналитика, которой не всегда хватает в сети Интернет, даст возможность газетам оставаться конкурентоспособными на рынке информационных услуг. Создание авторских колумнистических статей, на наш взгляд, должно стать приоритетным направлением работы редакций ведущих печатных изданий.

¹ Особенности функционирования информационного поля Республики Беларусь в современных условиях (социологический мониторинг) : отчет о научно-исследовательской работе (заключительный) / БГУ ; науч. рук. Д. Г. Ротман. Минск, 2014. С. 26.

Также необходимо отметить эффект местечковости в функционировании рынка печатных изданий — запрос аудитории на информацию о конкретном регионе, в котором она проживает. В работе О. Н. Иващенко подчеркивается, что «социально значимыми здесь считаются те события, о которых, выражаясь языком читателей, “все говорят”» [9, с. 11]. К данным событиям, по мнению ученой, необходимо отнести «новости, знание которых в целом никак не изменит повседневной жизни читателя, однако поможет ему чувствовать себя осведомленным обо всем, что происходит за пределами того микросоциума, в котором он вращается». Если телевидение предлагает потребителю визуальный эффект присутствия, то печатные СМИ, в частности региональные печатные издания, пишут исключительно о проблемах и специфике конкретного территориального пространства, в рамках которого необходимо отметить высокий уровень коммуникативных связей между потребителями массовой информации и непосредственно самой газетой. Традиционно в печатном сегменте национального информационного поля играли ведущую роль республиканские печатные издания («СБ. Беларусь сегодня», «Аргументы и факты в Беларуси», «Комсомольская правда в Беларуси»), однако собирательный показатель районной газеты (сумма количественных показателей районных печатных СМИ) является доминирующим — 20,3 % составляет аудитория современной белорусской районной газеты. Аудитория печатных СМИ может не читать республиканские печатные издания, при этом регулярно обращается к региональным газетам, которые публикуют материалы, актуальные исключительно для конкретного региона.

Данная гипотеза эмпирически подтверждается тем, что наиболее востребованной информацией у аудитории печатных СМИ, согласно данным опроса 2017 г., является «информация по проблемам региона», в котором живет читатель, — 25,4 %. Соответственно, читателю интересна та среда, которая окружает его лично, либо та повседневность, в которой он живет. Данный фактор представляется основополагающим в вопросе интереса к региональным печатным изданиям в условиях кризисного состояния печатных СМИ. С одной стороны, печатные издания должны уходить в регионы, фокусируясь на конкретных проблемах определенной местности, с другой — им необходимо переходить на формат объяснительной аналитики (экспертного знания), отказавшись от трансляции новостного контента. В плане распространения массовой информации печатные СМИ уступают интернету по всем параметрам. Однако интернет не во всех случаях готов оперативно предоставить качественный аналитический материал с разъяснением происходящего, в связи с чем у печатных изданий теоретически еще сохраня-

ется ниша, которая позволит им быть конкурентоспособными на рынке медийных услуг.

Наиболее популярными на территории Республики Беларусь по-прежнему являются белорусские печатные издания и российские печатные бренды. Подобная тенденция сохраняется уже на протяжении многих лет, подтверждением этому служат данные, представленные в табл. 6.3.

Таблица 6.3

**Распределение ответов на вопрос
«Какие газеты Вы читаете обычно?» (%)**

Издание	2016 г.	2017 г.
СБ. Беларусь сегодня	14,6	13,5
КП в Беларуси	16,6	12,9
АиФ в Беларуси	9,5	8,1
Не читаю газеты	45,3	54,7
Районная газета	21,9	20,3

Примечание. В таблице приведены издания с показателями не менее 1 % (всего респонденты назвали 73 газеты).

Как свидетельствуют данные, представленные в табл. 6.3, действительно популярными в Республике Беларусь можно назвать только три издания, высокая доля которых в общем информационном поле держится уже больше десяти лет. Это такие газеты, как «СБ. Беларусь сегодня» (13,5 %), «Комсомольская правда в Беларуси» (12,6 %), «Аргументы и факты в Беларуси» (8,1 %). Для указанных изданий характерна сформировавшаяся аудитория, традиционно использующая их в качестве источника получения информации. 2017 год характеризуется для изданий снижением показателей по сравнению с 2016 годом и возвращением условного лидерства изданию «СБ. Беларусь сегодня». Тенденция по снижению показателей аудитории печатных изданий частично объясняется тем, что почти на 10 % увеличилось количество респондентов, которые в принципе не читают газеты.

В настоящее время «СБ. Беларусь сегодня» и «Комсомольская правда в Беларуси» являются самыми популярными печатными изданиями на территории Беларуси. Если в телевизионном сегменте национального информационного поля можно наблюдать тенденцию по рассеиванию аудитории, то в печатном сегменте складывается прямо противоположная ситуация, когда сохраняется доминирование устоявшихся брендов газетного рынка. Центральные газеты укрупняются посредством слияния со своими тематическо-содержательными аналогами, обра-

зую печатные медиахолдинги, которые фактически монополизировали пространство печатного слова в национальном информационном поле.

Как показывает анализ полученных в результате массового опроса данных, популярность радиовещания значительно ниже телевидения, прессы и интернета в целом. По данным опроса 2017 г., не слушают радио вообще 66,2 % жителей республики. Кризисное состояние радио как источника получения информации ставит под сомнение его рассмотрение в качестве обособленного сегмента информационного поля. Сегодня это скорее технический канал транслирования информации, нежели структурная часть национального информационного поля, степень влияния которой снижается с каждым годом. Несмотря на то что прослушивание радио не требует от человека такого отвлечения внимания, как просмотр телевизионных передач, или аккумуляции интеллектуальных усилий, как чтение газет, постоянно слушают радио только 17,7 % опрошенных. Еще 7,9 % слушают радио несколько раз в неделю и 3,6 % — примерно раз в неделю. Эпизодически, т. е. 2–3 раза в месяц, слушают радиопередачи 2,1 % населения и 2,5 % — один раз в месяц.

Количество радиослушателей заметно снизилось за последние годы. Необходимо отметить, что с 2003 по 2007 г. количество радиослушателей неуклонно снижалось. В 2008 г. по сравнению с 2007 г. отмечена стабилизация этого показателя, в 2009 г. зафиксировано увеличение количества слушателей радио на 5,6 %. Начиная с 2010 г. аудитория радио постепенно сокращается. Необходимо отметить, что радио в информационном поле Беларуси является традиционным СМИ, которым не пользуется почти 70 % населения Беларуси. Относительно невысокая популярность радиовещания как источника получения общественно-политической информации отчасти объясняется тем, что радиостанции FM-диапазона транслируют в основном музыкальные, развлекательные и информационные, новостные передачи.

Наибольшей популярностью у населения пользуются музыкальные, развлекательные передачи (30,0 %), информационные и новостные передачи (20,6 %). Историко-культурные передачи занимают внимание 5,2 % жителей страны, информационно-аналитические — 3,7 %, спортивные передачи — 2,2 %. Следует отметить, что далеко не все радиостанции предлагают своим слушателям такой широкий спектр программ — от музыкальных до литературных. Концепции вещания радиостанций FM-диапазона ориентированы в большей степени на музыкально-развлекательную и информационно-новостную тематику как наиболее востребованные, если судить по данным массового опроса 2017 г.

В табл. 6.4 представлены данные, которые характеризуют количественные показатели аудиторий радиостанций Беларуси, а также динамику их изменения на протяжении последних десяти лет. Отметим, что в таблице представлены радиостанции, аудитория которых составила по состоянию на 2017 г. не менее 3 % населения республики. Всего респонденты назвали 59 радиостанций.

Таблица 6.4

**Распределение ответов на вопрос
«Какие из радиостанций Вы обычно слушаете?» (%)**

Радиостанция	2016 г.	2017 г.
«Радиус FM»	5,8	7,7
«Радио Рокс-М»	8,5	5,2
«Першы нацыянальны канал Беларускага радыё»	6,5	4,6
«Русское радио»	3,1	3,4
«Новое радио»	4,9	2,8
Не слушаю радио	60,1	66,2

Можно выделить пять радиостанций, пользующихся наибольшей популярностью на территории Республики Беларусь. Это такие радиостанции, как «Радиус FM» (7,7 %) «Радио Рокс-М» (5,2 %), «Першы нацыянальны канал Беларускага радыё» (4,6 %), «Русское радио» (3,4 %), «Новое радио» (2,8 %). Отметим, что ни одна из упомянутых выше радиостанций не имеет показателей аудитории хотя бы в 10 %, что свидетельствует о низком информационном влиянии радиостанций на население Беларуси.

За последние семь лет радио значительно уступило свои позиции сети Интернет: желающие получить информацию по вопросам политики, экономики, культурной жизни, экологии стали чаще обращаться к интернет-источникам. Отметим также, что сама специфика радио фактически исключает возможность визуальной коммуникации, потребитель информационного продукта воспринимает информацию исключительно на слух. Как отмечает Э. Р. Мельников, «...радио, в отличие от других СМИ, в наибольшей степени воздействует на воображение человека» [10, с. 195]. Воздействие на воображение существенным образом определяет формирование ассоциативных образов и усиливает психоэмоциональные реакции на транслируемую радиостанцией информацию. В 1930–1950 гг. радиовещание выступало важнейшим инструментом информационного воздействия на массовую аудиторию,

однако с появлением телевидения и развитием электронных ИКТ его востребованность начала снижаться.

Следует отметить, что пик интереса к радиопередачам приходился на 2004–2006 гг., в этот период наибольшее число людей обращалось к радио для получения информации по проблемам политики, экономики, культурной жизни. В настоящее время менее чем десятая часть населения обращается к радио для прослушивания передач на темы политики, экономики и экологии, а 14,8 % слушают передачи, освещающие проблемы культурной жизни (см. табл. 6.2).

Таким образом, можно утверждать, что по сравнению с телевидением, печатными СМИ, интернетом радиовещание занимает весьма скромное положение в информационном поле Республики Беларусь. Возможность восприятия информации исключительно на слух в условиях развития современных информационных технологий не способствует росту популярности радиовещания. Преимущественно развлекательный, музыкальный и новостной характер предлагаемых радиостанциями программ сужает круг потенциальных радиослушателей. В целом можно говорить, что радио как структурный субъект национального информационного поля полностью утрачивает свое значение, превращаясь в технический инструмент трансляции звуковой информации, спрос на который ограничивается преимущественно автолюбителями.

Интернет-ресурсы, согласно многолетним социологическим исследованиям, выступают наиболее динамично развивающимся сегментом отечественного информационного поля. Если в 2003 г. влияние интернета было фактически нулевым, то в настоящее время это один из наиболее востребованных каналов получения и распространения информации по важнейшим проблемам в стране и в мире.

Немаловажным фактором, способствующим росту популярности интернета, является также его уникальная техническая составляющая, позволяющая дублировать, а порой даже заменять традиционные печатные СМИ, телевидение, радио. Развитие института видеохостинга позволяет осуществлять телевизионное вещание, в том числе и в прямой трансляции, через сеть Интернет. В частности, технологии *Stream-TV* являются передовыми разработками в области организации прямых трансляций с места события. Режиссер онлайн-трансляции организует сетевую площадку воспроизводства телевизионного изображения, передающегося от стримеров (операторов на местах), причем у зрителя в данном случае есть возможность наблюдать за воспроизводимым социальным действием в режиме реального времени одновременно с нескольких камер.

В научной среде даже возникает дискуссия относительно того, стоит ли считать интернет полноценным средством массовой информации. Как отмечает Э. Гиденс, «с распространением таких технологий, как распознавание голоса, широкополосная связь, веб-кастинг и кабельные соединения, интернет грозит стереть различия между традиционными формами средств массовой информации и стать единственным средством доставки информации, развлечений, рекламы и торговли для массовой аудитории» [11, с. 397]. В данном случае интернет воспринимается как канал распространения информационного контента, но не как средство воспроизводства массовой информации.

С. В. Володенков утверждает, что «в отношении интернета сегодня более уместно говорить не столько о медиареальности, сколько о коммуникативной реальности в силу особенностей выстраивания информационно-коммуникативного взаимодействия между пользователями» [12, с. 65]. Пространство гипертекста и семантическая абстракция как основные системные принципы функционирования интернета, с одной стороны, могут стать предметом актуальной научной дискуссии по проблеме функционирования интернета в качестве источника информации и полноценного сегмента национального информационного поля; с другой стороны, в пространственно-объектной онлайн-сфере, уходящей в бесконечность, функционируют конкретные сетевые ресурсы (в частности, интернет-сайты, новостные порталы), которые образуют виртуальное информационное поле посредством мгновенной трансляции событийно-новостного контента. Поэтому, на наш взгляд, необходимо позиционировать интернет в качестве источника информации и полноценного структурного сегмента национального информационного поля.

Как отмечает М. И. Кузнецов, «...интернет, бесспорно являющийся на сегодня кульминационной фазой не только полуторавекового, начиная с телеграфа, пути развития электрическо-электронных технологий коммуникации, но и, возможно, гораздо более длительного, начинающегося с изобретения алфавитного письма пути развития технологий человеческого общения, является ключом к решению многих актуальных проблем современности именно потому, что самым наглядным образом демонстрирует то приоритетное положение, которое занимает коммуникативный опыт в жизни современного человека» [6, с. 88]. Возникновение сетевого гипертекста значительно расширило последствия распространения телевизионного сигнала и ознаменовало новую стадию развития средств массовой информации. Помимо феномена включен-

ности зрителя в конституированное телевизионными СМИ пространство у аудитории появился инструмент формирования индивидуальных коммуникативных практик. Причем каналы коммуникации налаживаются как внутри самой аудитории, так и непосредственно с источниками воспроизводства массовой информации. Коммуникативные социальные практики вкупе с возможностью мгновенного распространения информации обусловили популярность интернет-ресурсов среди отечественной аудитории национального информационного поля.

Как уже отмечалось выше, многие авторитетные печатные СМИ имеют также интернет-версии своих бумажных аналогов, электронный архив (базу данных) выпусков своих изданий, размещенных на специализированных сайтах. Чтобы получить информацию из печатного СМИ, потенциальному читателю вовсе не обязательно получать экземпляр газеты. Кроме того, совершенствование и развитие мобильного интернета, доступность таких средств связи и коммуникации, как смартфон, планшет, также обусловили высокую популярность интернета как источника получения информации в любом месте в любое время. В социальных сетях, блогах и иных ресурсах медиакоммуникативной направленности пользователь имеет возможность размещать, публиковать и транслировать любой информационный продукт, что является еще одним формально-логическим объяснением популярности интернета среди населения (табл. 6.5).

Таблица 6.5

Частота использования сети Интернет как источника получения информации населением Республики Беларусь (%)

Частота использования	2016 г.	2017 г.
Практически ежедневно	49,0	51,3
Несколько раз в неделю	13,2	10,6
Примерно раз в неделю (4–5 раз в месяц)	4,1	4,0
2–3 раза в месяц	2,0	1,4
Еще реже, никогда	29,3	31,0

Не использует интернет в качестве источника массовой информации, согласно данным табл. 6.5, 31 % населения, в то время как численность активных пользователей составляет 61,9 %.

Посмотрим теперь, какую информацию жители Беларуси предпочитают получать из интернета. Наиболее популярные для белорусов следующие тематические блоки: а) информация развлекательного харак-

тера – 40,3 %; б) события международной политики – 27,0 %; в) новости внутренней политики – 25,7 %; г) здоровье, здоровый образ жизни – 27,8 %; д) экономика – 20,1 %. Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на предпочтительность информации развлекательного характера, основными целями пользователей сети Интернет выступают «поиск определенной информации» – 50,0 % и, в частности, «просмотр новостей» – 47,9 %, хотя контент новостных передач нельзя отнести к информации развлекательного характера.

Характеризуя ситуацию в данном сегменте информационного поля, необходимо констатировать, что в Республике Беларусь роль интернета как источника информации с каждым годом возрастает. Проведенный анализ позволяет высказать предположение, что доля интернета в белорусском информационном поле, его востребованность, популярность будут только увеличиваться. Причем в рамках самого интернета структурно выделится такой важный канал донесения и распространения информации, как социальные медиа, которые необходимо рассматривать отдельно от Сети в качестве самостоятельного сегмента информационного поля, который не только создает условия для мгновенного распространения и воспроизводства массовой информации, но и позволяет самим пользователям сетевого пространства выступать в качестве источника информации по важнейшим общественно-политическим и социально-экономическим вопросам.

Средства сетевой медиакommunikации (блогосфера, видеохостинги, социальные сети, социальные медиа) рассматриваются в качестве структурного сегмента национального информационного поля наряду с традиционными СМИ и интернетом. Возникновение нового структурного сегмента информационного поля стало результатом перераспределения информационного влияния с традиционных СМИ на электронно-коммуникативные. Говоря о степени представленности средств сетевой медиакommunikации (социальных медиа) в национальном информационном поле, следует сказать, что данный информационный ресурс уже опережает радио по своей востребованности в качестве источника информации у аудитории и почти достиг сопоставимых показателей с печатными СМИ.

Средства сетевой коммуникации (социальные медиа, социальные сети, блогосфера) представляют собой веб-проекты, в рамках которых конструируется принципиально новая специфическая форма многосторонней коммуникации индивидов. Первоначальной задачей социальных медиа был поиск контактов и установление последующих связей между людьми. По сути, это была инвариантная форма почтовой

связи, правда, в отличие от традиционной почты индивиды могли общаться и находить контакты друг с другом в режиме реального времени. Благодаря техническим особенностям интернета и возникновению социальных сетей пользователи Сети могли объединяться друг с другом в тематических группах, форумах, чатах, образуя тем самым принципиально новую коммуникативную общность. Человек получил возможность найти единомышленников, не выходя при этом даже из дома. Как отмечает И. Е. Мальченков, «в таких областях, как чаты, микроблоги и социальные сети, можно общаться с людьми, с которыми мы никогда не встречались лично и стали близкими знакомыми, оставаясь взаимно анонимными» [13, с. 72].

Со временем социальные медиа перестали играть роль только онлайн-ового коммуникативного посредника между индивидами. Теперь абсолютно любой человек получил возможность не только мгновенно устанавливать контакты с множеством не знакомых ему лично людей, но и самому выступать источником воспроизводства информационного контента.

На площадке практически любой социальной сети любой пользователь может публиковать, транслировать и распространять самую разную информацию, которую он считает для себя важной. В эпоху развития информационного общества и ведения активных информационных войн как принципиально новой формы социально-политических конфликтов социальные медиа превратились в инструмент разрешения и развития существующих противоречий. На смену традиционным СМИ (радио, ТВ, газета) пришли блогеры, которые посредством размещения информационного контента на своих персональных страницах (профилях) получили возможность влиять на сознание, ценности и установки личности с последующим изменением ее реакции на складывающиеся события.

Нередко блогеры выступают источниками новостей, публикуют материалы о событиях, участниками или очевидцами которых они стали. У каждого более или менее успешного блогера есть своя аудитория, состоящая из подписчиков, которая реагирует на опубликованный материал посредством написания комментариев к нему, а также выражения своего одобрения текста с помощью отметок «лайк», «нравится» или репоста (распространения на своей странице-профиле).

Наиболее популярными социальными сетями у населения Беларуси являются «ВКонтакте» – 34,8 %, «Одноклассники» – 31,0 %, *Facebook* – 11,1 % (табл. 6.6). Данная тенденция обусловлена и тем, что респонденты склонны отождествлять данные социальные сети с классическими сайтами.

**Распределение ответов на вопрос
«Какими социальными сетями пользуетесь лично Вы?» (%)**

Социальная сеть	2016 г.	2017 г.
«ВКонтакте»	33,6	34,8
«Одноклассники»	29,2	31,0
Facebook	11,8	11,1
Instagram	5,8	8,3
«Мой мир@mail.ru»	2,2	3,5
Twitter	3,3	2,2
Интернетом не пользуюсь	29,3	31,0
Не пользуюсь социальными сетями	16,0	13,2

Пользователи социальных сетей посещают данные ресурсы с целью «общения с друзьями, знакомыми» (51,1 %), «развлечения» (просмотр аудиовизуального контента) (32,4 %), «для поиска новостей о последних событиях» (23,4 %). Запрос на поиск новостей о последних событиях позволяет говорить о том, что современная социальная сеть — это не только коммуникативно-развлекательное сетевое пространство, но и информационный ресурс, который, на наш взгляд, необходимо рассматривать как структурно обособленный сегмент национального информационного поля наряду с традиционными СМИ и интернетом.

Социальные сети (*Twitter, Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники»* и др.) в настоящее время перестали быть просто виртуальными сетями для установления коммуникационных связей. Данные онлайн-сервисы трансформировались в полноценные информационные ресурсы с возможностью воспроизводства, трансляции и распространения социально значимой для конкретного автора информации. Технический инструментарий публикации авторского контента фактически приравнял пользователей социальных сетей к редакции информационного издания, которая сама определяет время, очередность и содержание транслируемой информации.

В заключение необходимо сказать следующее. Общие тенденции трансформации информационного воздействия традиционных СМИ (телевизионный и печатный сегменты в частности) показывают, что белорусское информационное поле, хоть и приобрело национальные черты, преодолев переход от инерционной включенности в бывшую союзную (российскую) медиасферу, тем не менее испытывает мощное влияние российских средств массовой информации в сфере воздействия на массовую аудиторию.

В телевизионном сегменте национального информационного поля происходит сегментизация (рассеивание) аудитории в пользу тематических и узкоспециальных телеканалов. В связи с этим представляется наиболее вероятным формирование тенденции, когда, с одной стороны, будет происходить увеличение количества просматриваемых телеканалов белорусской телеаудиторией, а с другой — ведущие телеканалы будут впоследствии терять своего зрителя, который будет уходить на конкретный тематический телеканал, который в наибольшей мере соответствует его предпочтениям.

В печатном сегменте будет сохраняться дифференциация «центральные СМИ — региональные СМИ». Местные газеты будут сохранять свое влияние на аудиторию ввиду эмпирически выявленной востребованности новостей региона, в котором живет читатель. Республиканские газеты будут поэтапно терять своего читателя и в структурном плане будут реорганизовываться в медиахолдинги, снижая тем самым затраты на выпуск печатной продукции.

В организационно-структурном плане лидирующее положение де-юре занимают белорусские средства массовой информации, однако ряд ведущих белорусских СМИ заимствуют бренды и наиболее популярный контент российских информационных изданий (телеканалы ОНТ, «РТР-Беларусь», «НТВ-Беларусь», газеты «Комсомольская правда в Беларуси», «Аргументы и факты в Беларуси»). Белорусские средства массовой информации преодолели период становления и одобрения результата своей деятельности отечественной аудиторией. В данном случае представляется актуальным поэтапное медиазамещение популярных программ и материалов российских телевизионных и печатных брендов.

В настоящее время белорусское информационное поле претендует на статус сформированной субстанции с национальными особенностями, однако говорить сегодня о завершении трансформационного процесса, логичным результатом которого стало бы образование исключительно отечественной медиасферы, пока не приходится. Однако информация и ее распространение не имеют территориальных границ, и любые попытки ее ограничения неизбежно приведут к условному железному занавесу.

Вместе с тем не до конца сформированное национальное поле, в котором средства массовой информации другого государства занимают влиятельные позиции, становится потенциально рискованным фактором дестабилизации социально-политической обстановки. В услови-

ях геополитической нестабильности и глубокого вкрапления в национальное информационное поле иностранных СМИ возникает угроза суверенитету и стабильному социальному порядку ввиду возможной акцентированной информационной войны. В настоящее время о реальных угрозах дестабилизации информационного поля Республики Беларусь говорить преждевременно. Однако и трансформационный процесс перехода исключительно к национальному информационному полю еще продолжается.

В контексте изменения приоритетов относительно источников воспроизводства массовой информации произошло перераспределение информационного воздействия на аудиторию в сторону возрастающего влияния электронно-коммуникативных СМИ, обусловившее в конечном итоге структурную трансформацию национального информационного поля. Можно наблюдать устойчивую тенденцию взаимного медиазамещения средствами массовой информации и сетевой коммуникации, что объясняется возрастающей популярностью интернета и средств сетевой медиакommunikации, которые грозят вытеснить традиционные СМИ.

Традиционные СМИ проигрывают интернету и средствам сетевой медиакommunikации в скорости воспроизводства и распространения массовой информации. Однако, учитывая амбивалентный характер функционирования средств сетевой медиакommunikации и способность интернета мгновенно воспроизводить качественные аналитические материалы, традиционные СМИ могут сохранить свою нишу в национальном информационном поле, концентрируя свое внимание на содержательных экспертных оценках происходящего и разъяснении, отказываясь от трансляции (публикации) новостных материалов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория : Изд-во Гуманитар. ун-та, 2004.
2. *Россошанский А. В.* Политические особенности конвергентных медиа // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2017. Т. 12. № 5. С. 170–178.
3. *Поведская Е.* Человек и новые информационные технологии: завтра начинается сегодня. СПб. : Речь, 2007.
4. *Тоффлер Э.* Третья волна. М. : АСТ, 2010.
5. *Маклюэн М.* Понимание Медиа. М. : Кучково поле, 2011.
6. Информационная эпоха: вызовы человеку / Ю. И. Алексеева [и др.] ; отв. ред.: И. Ю. Алексеева, А. Ю. Сидоров. М. : Росспэн, 2010.

7. *Градюшко А. А.* Мобильный интернет как фактор трансформации медиасферы Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Журналистика. Педагогика. 2017. № 1. С. 71–77.

8. *Малеина Е. А.* Культурология медиапространства (интеграция традиционных СМИ и Интернета) // Ярослав. пед. вестн. 2015. № 5. С. 367–370.

9. *Иванищева О. Н.* Диалог с читателем (печатные СМИ Мурманской области в информационном пространстве региона). Мурманск : ИГГУ, 2014.

10. *Мельников Э. Р.* Парадоксы медиа. Информация. Журналистика. Медиа. Общество. Основы медиаграмотности: популярно о сложном. Вильнюс : Артефактас, 2016.

11. *Гидденс Э.* Социология / пер. с англ. А. В. Берков [и др.]. М. : Едиториал УРСС, 2005.

12. *Володенков С. В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М. : Изд-во Моск. ун-та ; Проспект, 2015.

13. *Мальченков И. Е.* Трансформация социального пространства в информационном обществе: социология киберпространства. Минск : Экономпресс, 2015.

ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАДОВЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ В СТРАНЕ

Под воздействием внешних условий социальный субъект испытывает ряд объективных сложностей в определении жизненных траекторий. Не последнее место в этом усложняющемся мире занимают средства массовой информации, играющие роль агента, проводника идей, упорядочивающего картину мира до тех форм, которые способны поглощаться массами. Именно желание населения найти ответы, структурировать свою повседневность толкает его к поиску истины в СМИ. В этом отражена, казалось бы, одна из позитивных информационных функций массмедиа. Однако важно отметить, что СМИ могут конструировать новую реальность, часто искажая действительность, а иногда включая в нее и то, чего на самом деле нет, создавая симулякры [1, с. 109–118]. Учитывая современные средства, которыми обладают новые медиа, отличить правду от вымысла все труднее. Рядовой гражданин должен критично относиться к транслируемому, но желание свести сложное к простому часто берет верх. Современное состояние социума по праву может быть описано в терминологии «общества рисков» [2, с. 21] – общества с множеством сценариев развития с открытым финалом. Непросто становится делать какие-либо прогнозы, так как учесть в них всю совокупность факторов, которые так или иначе повлияют на ситуацию, почти невозможно.

Коммуникационное пространство, образованное всей совокупностью сообщений, распространяемых средствами массовой информации, получило название медиaprостранства, которое является частью общего информационного пространства, т. е. множества сообщений всех социальных субъектов, распространяемых в рамках коммуникации

через слухи, размещение рекламы, прокат кинофильмов, театральные постановки и т. д. Подчеркнем, что в современном обществе тон всему коммуникационному пространству задают именно средства массовой информации. Оказывая влияние на аудиторию, снабжая ее моделями поведения, они мобилизуют массы, что способно вызвать небывалые потрясения.

Это говорит нам о том, что восприятие социальным субъектом государственных институтов и институций, оценка социально-экономической и политической ситуации в стране, а также уровень гражданской активности во многом определяются тем информационным потоком, воздействие которого на них является преимущественным. В таких условиях результат информационного воздействия будет опосредован уровнем доверия или недоверия к источнику информации, т. е. разделением позиции в информационном сообщении и принятием с последующей интериоризацией или ее отторжением.

Английский социолог Энтони Гидденс в своих трудах выделял два типа доверия: доверие одних социальных субъектов к другим (персонифицированное, строится на личностных обязательствах) и доверие к абстрактным системам (доверие к анонимизированным другим, предполагающее, соответственно, безличностные обязательства). Абстрактные системы воплощены в символических знаках, механизмах технического исполнения или профессиональной экспертизы, которые в совокупности выстраивают наши материальные и социальные контексты. Имеющиеся поля доверия распространяются не только на межличностные отношения, но и на отношения в сфере экономики, политики, охватывая разнообразные институты и организации, имеющийся социальный порядок в целом [3, с. 145]. Очевидно то, что разные типы доверия обладают своей особой функциональностью при неоспоримой важности обоих типов, однако для современного общества именно доверие к абстрактным системам выступает фактором, обеспечивающим ощущение надежности интеракций повседневности.

Персонифицированное доверие выражается во взаимодействии, формирующем сотрудничество, а это взаимная ответственность и чувство уверенности в честности другого, что имеет следствием ощущение честности и аутентичности себя самого. Наличие данного типа доверия достаточно эффективно снижает угрозу потери личностного смысла жизненных практик, ведь каждому социальному субъекту присущи потребности в самоактуализации, устойчивых взаимоотношениях, уважении и достоинстве, принадлежности к какому-либо общественному образованию. Справедливым будет обозначить, что и данный тип доверия формирует представление о стабильности и устойчивости повседневности.

сти, т. е. сформировать такое представление лишь персонифицированным доверием сложно и вряд ли возможно, как невозможно представить жизнь без таких ее составляющих, как солидарность, дружба, симпатия, привязанность.

Особо ярко важность персонифицированного доверия проявляется в постсоветских странах. Коммунистическое пространство характеризовалось закрытостью, идеалистической подачей контента в СМИ, что оставило свой ментальный след и на последующих поколениях. В таких реалиях объяснимы осязаемые, в сравнении со странами, не имеющими советского опыта общезития, различия в уровне доверия к институтам и акторам как политической, так и экономической, общественной системы. Используя терминологию польского социолога Петра Штомпки, мы сталкиваемся с «синдромом недоверия», который распространяется на все, что может подпасть под категорию «государственный», например государственные СМИ (представляют собой абстрактные системы) [4, с. 54–59]. В таких случаях на первое место может выходить доверие близких, дружеских взаимоотношений, доверие в рамках таких примордиальных групп, как семья, этнонациональная или религиозная общность и др. В наших условиях, например, демонстрируется рост доверия к блогерам, их информационным постам в группах мессенджеров как условно частное проявление персонифицированного доверия, но учитывая то, что сам блог или информационная группа формируют в своем развитии средство массовой информации, мы сталкиваемся с дополнением двух типов доверия друг друга, вплетением их в культуру общества и личности с образованием нового типа доверия, которое можно назвать базовым.

Обоснованный исследовательский интерес в очерченных реалиях вызывают субъективные оценки населения в отношении развития политической, экономической и социокультурной ситуации в стране, а также личного благополучия с выходом на определение уровня социальной активности, учитывая при этом характер и содержательные аспекты обращения населения к СМИ, уровень доверия к различным информационным источникам. Это позволит зафиксировать восприятие факторов деструктивного воздействия (как внешних, так и внутренних, а также как целенаправленных и продуманных, так и возникших в результате ошибочных действий различных структур) и определить векторы улучшения ситуации с учетом того, что формирование и реализация поведенческих установок основных групп населения страны происходит под влиянием средств массовой информации.

Отметим, что средства массовой информации принято разграничивать по ряду индикаторов. Данные индикаторы строго не формализо-

ваны и в эпоху перетекания традиционных СМИ в пространство сети Интернет еще более размыты, однако позволяют выделить определенные виды массмедиа. Говоря о видах СМИ, мы акцентируем внимание на способе информационного воздействия на определенную аудиторию. Выделяются печатные периодические издания (разнообразные газеты, журналы, информационные листовки и т. д.), телевидение, радио, а также ресурсы сети Интернет, которые в современных реалиях рациональнее рассматривать на примере новостных сайтов и порталов.

Говоря подробнее о периодических печатных изданиях, отметим, что мы включаем в их число те издания, которые выходят, как правило, не реже одного раза в год с отражением выбранной периодичности, причем имеют свое зафиксированное наименование. Среди совокупности печатных СМИ для анализа наиболее релевантны газеты, так как они включают разнообразный злободневный контент, который доносится аудитории, чаще всего с ежедневной периодичностью ввиду скорого устаревания. Радио представляет собой аудиоконтент, который формируется в отдельные программы, в совокупности представляющие собой сетку вещания определенной радиостанции. Телевидение есть комплекс аудиовизуального контента, который так же, как и любой другой программный контент СМИ, имеет зафиксированное наименование и определенную периодичность выхода в эфир. Стоит отметить, что все три вида СМИ сейчас, как правило, имеют свои электронные версии в сети Интернет, т. е. через определенное время или одновременно с выходом в печать или эфир данный контент обретает свою виртуальную форму на сайте, что увеличивает число тех, кто может с ним ознакомиться. Именно поэтому сугубо ресурсы сети Интернет мы рассматриваем отдельно от этих трех видов СМИ, не только подчеркивая то, что они не имеют своих печатных или электромагнитных аналогов, но и предполагают отличие в подаче контента в формате новостных порталов/сайтов (что несколько ближе к традиционной журналистике) и социальных сетей (что чаще всего является проявлением гражданской, любительской или веб-журналистики и воплощается в блогах, ютуб-трансляциях и иных вариациях).

Обратимся к данным республиканского массового анкетного опроса населения 2017 г. Для отбора респондентов использовалась случайная стратифицированная маршрутная выборка. Выборочная совокупность составила 1000 респондентов, проживающих в 94 населенных пунктах страны: больших, средних, малых городах, поселках городского типа и селах. Отбор населенных пунктов осуществлялся методом простого случайного жребия в каждой из обозначенных групп. Ошибка репрезентативности не превысила допустимый уровень и составила 2,55 %.

Показатель недостижимости составил 19,0 %. Такие результаты позволяют сделать вывод о том, что полученные данные могут быть интерпретированы как мнение населения страны в целом.

Начнем анализ с рассмотрения того, к каким средствам массовой информации обращается население Беларуси, если оно желает получить информацию о таких сферах жизни, как политика, экономика и культура (рис. 7.1). В ходе поиска информации о политике респонденты чаще всего обращались к телевизионным программам (63,6 %), на втором месте по популярности находятся новостные порталы сети Интернет (54,9 %), практически вдвое меньшую популярность получили газеты (28,0 %). Рейтинг политических телевизионных программ часто достаточно высок по причине того, что российские медиахолдинги используют острые вопросы политической сферы для создания рейтинговых выпусков за счет скандалов. Такие программы пользуются популярностью в Беларуси и доступны населению страны ввиду весомого присутствия российского контента в национальном медиапространстве. Помимо таких программ, население следит за тенденциями в области политики в Беларуси и мире при помощи оперативных новостных выпусков белорусского производства в течение дня, а также их более широкой аналитики в вечерних ежедневных и итоговых еженедельных выпусках. Вместе с этим телевизионную программу не обязательно смотреть по телевизору. Отмечая актуальность телевизионных программ, многие респонденты просматривают их уже в сети Интернет. Пролить электронный новостной сайт очень удобно по пути на работу или учебу в транспорте. Причем сделать это можно совершенно бесплатно, не приобретая печатный выпуск газеты.

Схожие тенденции наблюдаются и в ходе поиска информации об экономике. Первое место занимает телевидение (60,8 %), способное не только донести информацию, но и дополнить ее динамичным видеорядом, который сможет прокомментировать полюбившийся зрителю ведущий, ставший для него авторитетным экспертом. Причем здесь не нужно будет утруждать себя анализом, так как все подается максимально готовым для комфортного усвоения без дополнительных усилий, которые все же следует приложить при чтении информации новостного портала с гаджета (53,5 %). В данном случае как раз и происходит перетекание персонифицированного доверия к ведущему в неперсонифицированное к самому источнику информации. Газеты чаще всего выходят в электронной форме по истечении нескольких дней с момента выхода печатного экземпляра, проигрывая в оперативности, что закрепляет за ними третье место (24,3 %) (рис. 7.1).

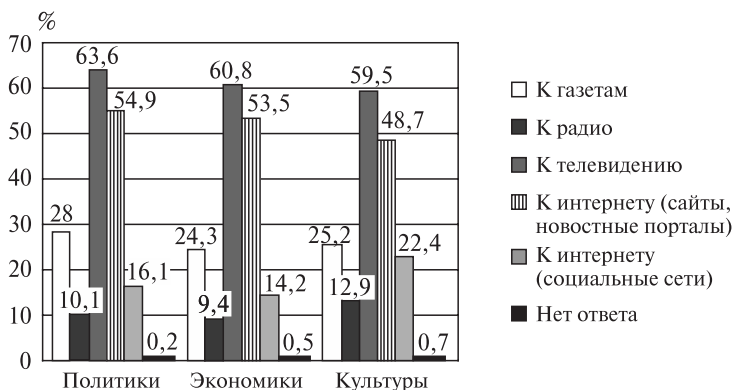

Рис. 7.1. Распределение ответов на вопрос «К каким СМИ Вы обычно обращаетесь, если хотите получить информацию по проблемам...?»

Новости культурной жизни также чаще всего респонденты узнают из ТВ-программ (59,5 %), что неудивительно, ведь на многие события этой сферы сначала выпускают анонсы, а после – обзорные отчеты в формате видео, демонстрирующие все самые увлекательные моменты культурного мероприятия с участием любившихся персон. Новостные порталы по данной тематике привлекают 48,7 % респондентов, а газеты – всего 25,2 %.

Важно обратить внимание на то, что социальные сети воспринимаются населением Беларуси скорее не как источник информации, а как место, где ее можно обсудить, что и отражено в том, что к социальным сетям в ходе поиска каких-либо сведений обращается всего 16,1–22,4 % респондентов. Радио пользуется популярностью в среднем у 10 % респондентов, что объясняется тем, что чаще всего его слушают в автомобилях во время поездки и здесь поглощается та информация, которая в данный момент транслируется, т. е. специальным поиском контента в подавляющем большинстве случаев никто не озабочен. Однако этим каналом информации не стоит пренебрегать, учитывая то, что на 1000 жителей Беларуси в среднем приходится 300 автомобилей. В целом же при учете того, что более 50 % белорусского населения находится в возрастном диапазоне старше 40 лет, мы и имеем телевидение преобладающим информационным каналом, однако уже при ощутимой популяризации информации из сети Интернет.

Растущая популярность интернета, к источникам которого обращается значительное количество респондентов, создает ряд возможностей для манипулирования мнением населения, деструктивного воз-

действия на него. Шумовым фоном в интернете является реализация схемы «псевдодемократичности» и «псевдосвободы слова». С ее помощью медиасубъекты, обладающие возможностью наводнить интернет многочисленными новостными постами, могут утопить в них тот контент, который они считают для себя нерелевантным. То же самое может произойти с мнением какого-либо пользователя в комментариях к той или иной новости, ведь оно может быть в один момент загружено множеством других комментариев с троллингом от специально обученных и финансируемых собеседников или спам-ботов. Вместе с этим информационное поле интернета можно наводнить значительным количеством несколько отличающихся, но несущих в себе одну и ту же генеральную идею информационных постов. Пользователь будет иллюзорно выбирать из них что-то актуальное для себя, считать себя критически мыслящим, однако находиться под влиянием одного медиахолдинга, использующего ряд каналов донесения информации.

Мы движемся к тому, что современная трансформация традиционных СМИ невозможна без освоения ими интернет-пространства, что и происходит параллельно с развитием отдельного сектора – веб-журналистики. Это помогает в оперативном распространении информации путем ее размещения на электронных порталах, которые становятся открытыми площадками для обсуждения проектов и подачи инициатив, а следовательно, рассматриваются как положительная черта процесса информатизации, способствующая приобщению населения к гражданским процессам внутри страны, к решению ключевых вопросов развития государства. Однако стоит учитывать, что интернет не является закрытым, доступ к данной информации можно получить, не находясь в границах государства, не являясь гражданином страны, соответственно, и повлиять на развитие событий может каждый, преследуя при этом не всегда благие цели. Абсолютное большинство современных революционных событий не обошлось без организации и координации действий участников через интернет, причем доподлинно выяснить главного модератора таких «интернет-проектов» практически невозможно.

Стоит отметить, что часть населения отказывается от благ, предоставляемых информационно-коммуникационными технологиями, сознательно. Главной причиной этого является недостаточная безопасность процессов, происходящих в интернете. Конфиденциальность личных данных, безопасность совершения платежей, обеспечение легальности голосования и т. д. вызывают реальные опасения. Справедливым будет обратить внимание на то, что абсолютной безопасности не существует и в реальном мире, но в мире виртуальном она кажется еще бо-

лее зыбкой. Действия государства в сфере обеспечения кибербезопасности должны стать тем фактором, который повысит готовность населения к участию в гражданских процессах в жизни страны посредством использования информационных технологий, обеспечит комфортное использование интернет-СМИ.

В Беларуси этому уделяется обоснованно большое внимание. Учитывая то, что в мире насчитывается практически три миллиарда пользователей сети Интернет, а в Республике Беларусь – более пяти миллионов, экс министр информации Л. Ананич еще в 2014 г. отметила, что виртуальная среда является мощнейшим фактором влияния на население, при этом далеко не всегда интернет служит развитию общества и государства. В связи с этим интернет, посредством которого распространяется продукция СМИ, является де-факто средством массовой информации и требует адекватного законодательного регулирования. Изучая международный опыт, страна пришла к выводу, что действие закона о СМИ должно быть распространено на информационные ресурсы и их составные части, размещенные в интернете и осуществляющие распространение информации, за исключением требований о государственной регистрации. Под такое определение подпадают и интернет-блоги, которые в современных реалиях становятся полноценными СМИ с обширной аудиторией. В 2020 г. министром информации стал И. Луцкий, который заявил, что важно продолжать реформирование законодательства о СМИ именно в соответствии с теми вызовами, которые исходят из электронного медиапространства.

Такое внимание к медиапространству формирует в сознании крайне оптимистичный сценарий развития национального информационного поля, однако путь его реализации не такой легкий и быстрый, как кажется. Соответствующее реолиам регулирование информационной сферы все еще остается насущным вопросом в условиях, когда арсенал технико-технологических средств современных СМИ создает возможность влияния на массы через контент, что может стать фактором, способным привести к дестабилизации ситуации в стране. Совершенно справедливо в этом контексте можно говорить о том, что тот, кто контролирует СМИ, тот и правит миром. Государство, не уделяющее внимание информационному полю, вполне может перестать быть государством, если этого захочет более крупный игрок политической арены, умело владеющий инструментами медиавоздействия на целевую аудиторию. Но стоит учитывать и то, что перегибы в доступе к информации и ее распространении также недопустимы и нередко еще более губительны.

Доносить свою позицию как гражданам, так и мировому сообществу страна может через деятельность государственных средств массовой информации. Сам термин «государственные СМИ» в общественном сознании обретает субъектность, т. е. в большинстве случаев рядовой гражданин считает, что данная информация исходит от государства и выгодна она чаще всего сугубо для него, т. е. запускается советский «синдром недоверия». Это подталкивает граждан искать истину в «независимых СМИ», которые, снова обращаясь к восприятию названия, должны быть не ангажированными, концентрироваться только на донесении объективной информации. Даже минимальная рефлексия, которая так или иначе должна быть присуща любому социальному субъекту, поднимает вопрос о том, за какие средства независимый журналист ведет свои независимые расследования, за какие средства осуществляется вещание или издательская деятельность. Определенные доходы от рекламы и иных источников, которые мы все же могли бы назвать «независимыми», могут быть. Однако в современных достаточно непростых экономических реалиях выжить лишь на данные средства невозможно. Логичен и риторичен вопрос: так ли независимы независимые СМИ? Только сопоставление и анализ разных мнений и позиций могут привести к истине.

В этом направлении рассмотрим, каким источникам информации (белорусским, российским или другим зарубежным) население Беларуси склонно доверять в большей степени (табл. 7.1).

По всем видам массмедиа, за исключением тех, которые распространяются в сети Интернет, у белорусских СМИ уверенно высокий уровень доверия у населения, причем у менее востребованных газет и радио он даже несколько выше, чем у телевидения, т. е. 51,6 % у телевидения, 59,4 % у газет и 54,0 % у радио соответственно. Обратная ситуация с российскими СМИ: телевизионные программы российского производства имеют широкое присутствие в белорусском медиаполе, отмечены здесь своей популярностью, но ввиду того что они способны любому информационному поводу придать зрелищность, в большинстве своем воспринимаются как шоу и не вызывают доверия. Белорусским СМИ следует продолжать работу по приданию картинке эффективности, но не в ущерб содержательной составляющей. Обратим внимание на то, что лишь половина из опрошенных ставит на первое место национальный информационный источник, а пятая часть респондентов затрудняется ответить на данный вопрос, т. е. мы имеем ощутимое незаполненное пространство доверия.

Таблица 7.1

Распределение ответов на вопрос «Каким источникам информации Вы склонны доверять в большей степени?» (%)

Источник информации	Белорусские	Российские	Другие зарубежные	Затрудняюсь ответить
Телевизионные каналы	51,6	31,9	11,9	19,1
Радиостанции	54,0	20,2	8,0	17,8
Газеты	59,4	18,0	6,9	15,7
Сайты	36,6	31,2	13,1	19,1

Однако в очерченных реалиях мы все же можем говорить о том, что национальные средства массовой информации имеют определенный авторитет у населения. В условиях стремительного развития в стране информационного общества, сопряженного с широким использованием информационно-коммуникативных технологий, технико-технологических решений в ходе информатизации всех сфер жизни и началом построения новой экономики знаний, следует в значительной мере расширить работу в интернет-пространстве, наполнить это поле востребованным белорусским контентом, доносящим не только актуальную информацию о жизни в стране, но и позицию Беларуси по поводу событий в мире. Это обстоятельство актуализирует и тот факт, что среди источников, которые выступают поставщиками информации для населения о происходящих событиях в стране, интернет выходит на второе место (44,0 %), вплотную приближаясь к лидеру – белорусским государственным СМИ (57,1 %). Более чем в половину меньше сторонников у иностранных СМИ (в том числе российских) – 23,1 %, а также белорусских негосударственных СМИ – 11,0 % (табл. 7.2).

Стоит подчеркнуть возможность неверного толкования респондентами категорий «белорусские государственные СМИ», «белорусские негосударственные СМИ», а также того, что представляют собой российские СМИ (вносить ли сюда контент ОНТ, «РТР-Беларусь», «НТВ-Беларусь» и т. д.). Однако результат в любом случае заслуживает внимания. Традиционно белорусские негосударственные СМИ получают грантовую поддержку заграничных фондов. Рассматривая их в совокупности с иностранными СМИ, мы наблюдаем то, что как источник информации они будут уже более весомы (33,1 % соответственно).

**Распределение ответов на вопрос «Из каких источников
Вы получаете информацию о происходящих в стране событиях?»**

Вариант ответа	% ответивших
Из белорусских государственных СМИ	57,1
Из белорусских негосударственных СМИ	11,0
Из иностранных СМИ (в т. ч. российских)	23,1
Из сети Интернет (в т. ч. из социальных сетей)	44,0
Из листовок	0,4
От друзей/знакомых	17,9
Я делаю выводы исходя из собственного опыта	11,9
Из других источников	0,8
Нет ответа	0,7

Данная ситуация несколько обнадеживает, так как демонстрирует осязаемую аудиторию белорусских государственных медиа, однако качество отечественного контента в целом и его доля в общем контенте телеканала в частности (по данным аналитиков, доля российского контента может составлять более 65 %) вызывают обеспокоенность и связаны с падением доверия к источнику информации у населения даже при его ведущем положении.

Для ориентаций белорусов в большинстве своем характерны стабильные тенденции и установки. Однако это может измениться в условиях непростой ситуации в экономической сфере, которая начинает влиять на сферу социальную. Возникновение волнений может сопрягаться с трансформацией экономических и социальных недовольств в политические. Это обстоятельство обостряет вопрос о повышении доверия населения к государственным СМИ, связанного с доверием к государственным институтам.

Повышение доверия населения к государственным СМИ в сегодняшних условиях становится реальным вызовом, стоящим перед современным государством. Одним из инструментов воздействия государства на информационное поле страны является издание законодательных актов, упорядочивающих издательскую деятельность, вещание телерадиокомпаний, а также задающих определенные требования к контенту, который они предоставляют. Позитивное освещение событий в жизни страны в разумных пределах может легитимировать даже не

совсем популярное политическое решение или замаскировать его в потоках других информационных постов, однако данный инструмент следует использовать весьма дозированно. Принятие решения без зондажа социального контекста социологическими службами, без учета полного комплекса факторов может быть воспринято населением как издевка и усугубит ситуацию, еще больше понизив уровень доверия к СМИ и государственным социальным институтам.

Видится справедливым соотносить уровень доверия к государственным СМИ с такой категорией, как социально-политическая стабильность. Соответственно, чем выше уровень доверия населения к государственным СМИ, тем более спокойной и непротиворечивой является социально-политическая обстановка в государстве и наоборот. Это обуславливает важность проведения постоянного мониторинга данного индикатора.

Одной из ключевых причин падения доверия к СМИ может служить некоторая рассогласованность между реальной ситуацией и тем, что транслируется в СМИ. В идеально-типической ситуации диссонанс должен отсутствовать, в наших реалиях — быть минимальным. Вместо возможного игнорирования или идеализирования болезненной темы следует шире ее обсуждать с привлечением разного рода экспертов, при этом последние не должны быть откровенно одиозными.

Для рассмотрения того, как население Беларуси оценивает изменения экономической ситуации в стране за 2017 г., рассчитаем индекс этого показателя на основании ответов респондентов. Обозначенный индекс изменяется в пределах от -1 до 1 и составил $-0,47$, а это указывает на то, что в зеркале мнений респондентов ситуация выглядит не лучшим образом. Такой пессимистичный взгляд на экономическое развитие республики исходит из ощущения негативных изменений собственного материального положения. В индексных весах оно для 2017 г. зафиксировано на уровне $-0,6$. Это важный маркер, ведь жителям любой страны присущ прагматизм, и в ситуации ухудшения их материального положения характерен рост напряженности, что часто приводит к всплескам в виде стачек и иных протестных акций, которые могут быть политизированы. Одновременно с этим собственное материальное положение часто субъективно оценивается невысоко.

Стоит отметить, что некоторое улучшение положения, во мнениях респондентов, наблюдается только в укреплении обороны страны ($26,2\%$), тогда как социальное обеспечение ухудшилось в оценках $45,4\%$ респондентов. Весомое количество респондентов (от $34,0$

до 52,7 %) отмечает, что положение Беларуси во всех областях в 2017 г. осталось на прежнем уровне, т. е. никакой динамики они не ощутили вовсе (табл. 7.3).

Таблица 7.3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, за последний год положение Беларуси в следующих областях...?» (%)

Область	Улучшилось	Осталось прежним	Ухудшилось	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
Внешней политики	16,2	40,8	29,5	13,2	0,3
Экономических реформ	6,0	34,0	49,7	10,0	0,3
Законодательства и правопорядка	7,4	52,7	27,0	12,3	0,6
Укрепления обороны страны	26,2	48,7	9,7	15,0	0,4
Социального обеспечения	9,0	38,2	45,4	7,1	0,3
Соблюдения прав человека	6,6	47,0	32,4	12,8	0,4
Культуры, науки, образования	13,5	56,5	14,8	14,7	0,5

Следует обратить внимание на то, кого население считает виновным в ухудшении жизни в стране. Согласно данным исследования, многие склонны винить действующую власть верхнего звена, а также органы местной власти. Значит, именно они должны разработать комплекс мер по стабилизации ситуации как субъекты, в глазах населения ответственные за это. Превалирование только внешних по отношению к гражданам факторов дестабилизации является негативным индикатором, однако для Беларуси ситуация имеет некоторый плюс в том, что четверть белорусов, принявших участие в опросе, отметила, что вина лежит на них самих, т. е. на гражданах страны. Это важный показатель, ведь без осознания собственной ответственности за свое будущее, без желания выступать активным творцом своей жизненной траектории не сможет быть успешно реализована ни одна даже самая выверенная государственная программа.

Двигаясь далее, выделим тот комплекс проблем, который наиболее актуален для жителей Беларуси и их семей в исследуемом перио-

де. Анализ ответов респондентов позволил выделить 30 проблемных аспектов (анализ позиции «очень актуально» в общем распределении), ключевыми из которых являются те, что связаны с трудовой деятельностью в социальном и экономическом разрезе, т. е. угроза безработицы (46,0 %), потеря работы (39,4 %), низкая заработная плата (59,5 %), задержки с выплатой зарплаты (33,1 %) и, как следствие этого, — нехватка денег на отдых (46,5 %), на лекарства и платные медицинские услуги (36,5 %), на улучшение своих жилищных условий (38,1 %), на продукты питания (30,8 %), на одежду (30,6 %). В таких условиях вызывает раздражение рост цен на товары первой необходимости (52,1 %), увеличение налоговой нагрузки (33,1 %), а также повышение стоимости проезда в общественном транспорте (30,1 %) даже в тех случаях, когда это экономически обоснованно.

Это говорит о том, что для населения актуальными, требующими первоочередного решения являются вопросы социально-экономического профиля, тогда как культурные и политические вопросы имеют намного меньший удельный вес. Однако на микроуровне экономическое недовольство населения может быть использовано для его политизации, что может означать смену политического курса. Примером могут служить акции протеста во время реализации декрета о социальном иждивенчестве, которые охватили всю Беларусь. Помимо этого, была совершена попытка политизации программы повышения пенсионного возраста в стране.

Для населения Беларуси в целом характерна достаточно низкая поляризация доходов. Это является стабилизирующим фактором, в особенности с учетом того, что это не вступает в диссонанс с базовыми ценностями рядового белоруса, к которым, по результатам социологических исследований, изначально относят сам факт наличия рабочего места, а также стабильность и благополучие семьи. Однако можно отметить, что уровень оплаты труда в Беларуси не в полной мере соответствует мировым пропорциям и реальным затратам. У населения возникают справедливые вопросы в ходе обсуждения проектов по переходу к 100%-му возмещению затрат на жилищно-коммунальное обслуживание, платным формам предоставления медицинской помощи и т. п. при сохранении существующего уровня доходов граждан. Данное обстоятельство потребует выделения субсидий значительному количеству населения, что сделает осуществление перехода искусственным.

Уровень социальной напряженности общества, основанный прежде всего на экономическом благополучии, которое занимает первое место в списке базовых потребностей человека, следует учитывать при принятии любых решений, затрагивающих широкие массы. Только в ус-

ловиях экономической стабильности могут быть реализованы реформационные программы. Для оценки уровня социальной напряженности и определения ее причин необходим ее постоянный социологический мониторинг.

Важно обратить внимание на те проблемы, которые способны вызывать наибольшее несогласие населения, вплоть до протестных акций. Из сформированного благодаря проведенному исследованию перечня проблем выделим пять ключевых. Среди них уже обозначенный низкий уровень заработной платы (55,5 %), угроза опасности остаться без работы (51,9 %), потеря работы (42,5 %), рост тарифов (31,4 %) и цен (28,8 %). Все это снижает возможность приобретения того набора благ, который необходим для комфортного существования. Подтверждается предположение о том, что политизации могут быть подвержены именно социально-экономические вопросы.

Низкая стоимость рабочей силы является тормозом для научно-технического прогресса, так как подталкивает скорее к приему в штат дополнительных работников, чем к совершенствованию технологий производства. При этом государство контролирует, чтобы в стране не происходили массовые увольнения. С одной стороны, это можно рассматривать как поддержку населения, но с другой — это сохраняет избыточность оплачиваемого штата, что не позволяет выделить средства на модернизацию производства. Не стоит упускать факта, что в ряде отраслей предприятия несколько чаще увольняют сотрудников, чем принимают на работу, посредством непродления истекших контрактов. Рациональность оптимизации штата таким способом вызывает справедливые вопросы многих аналитиков и антикризисных управляющих. Вместе с этим следует учитывать, что массовые увольнения могут вызвать волнения, поэтому к этому вопросу следует подходить взвешенно. Выходом могло бы быть расширение производства реально востребованной продукции на территории функционирующих предприятий, а также запуск перспективных линеек новых товаров.

Повышения заработной платы возможно добиться с помощью форсированного стимулирования снижения издержек за счет развития инновации производства, что в целом увязывается с построением информационного общества, новой экономики знаний. Однако важно, чтобы реализация программ в этой отрасли велась последовательно и подконтрольно как государственным органам, так и общественности, что исключило бы возможность возникновения тех противоречий, которые, например, возникли в ходе модернизации сферы деревообработки в Беларуси.

Целесообразным видится принятие закона о сокращении разницы между оплатой труда руководящего состава высшего звена и рабочими, служащими. Также следует установить большую взаимосвязь между уровнем заработной платы и реальными показателями экономической эффективности предприятий, что в перспективе обеспечило бы повышение личной заинтересованности работника в улучшении результатов труда в отличие от того, что мы имеем в ходе реализации уравнительного принципа среди рабочих и служащих при сохранении значительного разрыва оплаты труда с руководящим составом.

Для Беларуси свойственна вялотекущая депопуляция населения, на что также следует обратить внимание. Введение «материнского капитала» и ряда иных мер по поддержке молодых семей является реакцией на данную ситуацию. Однако для реального изменения положения требуются новые меры. Депопуляция сопряжена со снижением доли экономически активного населения. В этом направлении ступенчатое повышение пенсионного возраста несколько исправит ситуацию на ближайшую перспективу, но уже в скором времени потребует новых шагов. Одним из сценариев может быть повышение пенсионного возраста до 65 лет у мужчин и женщин. Эта необходимость также может столкнуться с недовольством населения, даже при наличии объективных для этого причин. Упущение этого аспекта может вызвать истощение трудового потенциала и дефицит фондов социальных выплат.

Проанализируем поведенческие установки жителей Беларуси, ведь они являются не столько отношением к чему-либо, сколько диспозицией, т. е. готовностью к определенным действиям в конкретной ситуации (табл. 7.4). Этим мы подчеркиваем наличие четкой связи между внутренней настроенностью и внешним по отношению к социальному субъекту фактором.

Таблица 7.4

Распределение ответов на вопрос «Если в ближайшем будущем экономическая ситуация ухудшится, как Вы поступите?»

Вариант ответа	% ответивших
Буду терпеливо ждать лучших времен	21,5
Буду самостоятельно искать любой путь улучшения жизни	44,3
Примкну к организации, добивающейся смены власти путем выборов	4,6
Примкну к организации, добивающейся смены власти вооруженным путем	0,7
Стану участником забастовок	0,7

Вариант ответа	% ответивших
Стану участником массовых уличных акций протеста	0,1
Уеду в другую страну	2,0
Поступлю, как большинство людей	15,7
Не знаю	10,4

Если в ближайшем будущем экономическая ситуация в Беларуси ухудшится, то большинство белорусов (44,3 %) будут самостоятельно искать любой путь улучшения своей жизни. С одной стороны, это позитивный маркер, так как он указывает на то, что население готово взять на себя ответственность за обеспечение своего благополучия, прилагать к этому усилия, от чего будет зависеть и успешность развития государства в целом. С другой стороны, в такой ситуации население может быть готово на действительно любые действия, в том числе и ненормативные. Это следует учитывать. В таком состоянии общество подвержено информационным вбросам, которые могут спровоцировать волнения. Вторым по популярности поведенческим актом можно обозначить позицию «буду терпеливо ждать лучших времен», что вряд ли соответствует современному темпу жизни и потребностям общества. В этом направлении важно активизировать здоровую инициативу, в том числе продолжить работу по формированию и усилению институтов гражданского общества. Замыкает тройку реакций на ухудшение экономической ситуации «поступлю, как большинство людей». Чаще всего такая позиция как достаточно индифферентная и даже аморфная ближе к модели «ожидания лучших времен», которые вряд ли настанут при пассивном отношении населения к ситуации.

Разработка модели разрешения обнаруженных противоречий возможна через их объединение в ключевые направления, которые и станут векторами изменений. Произведем такую операцию при помощи факторного анализа, который позволит не только всесторонне оценить всю палитру выделенных ранее проблемных моментов, но и реально представить результат в виде нескольких проблемных плоскостей. С помощью данного многомерного метода анализа мы воплощаем предположение о том, что имеющиеся взаимосвязи между ответами респондентов и выявят нам те сферы, которые требуют повышенного внимания в данный момент. Таким образом, среди всей совокупности проблемных моментов, волнующих граждан, были выявлены четыре основных, отвечающих за наличие линейных статистических корреляций между наблюдаемыми значениями признака. Для выделения факторов исполь-

зовался метод главных компонент, а методом вращения выступил вариант с нормализацией Кайзера. Само вращение сошлось за пять итераций. Произведенные операции позволили нам успешно сформировать четыре проблемные плоскости, работа с которыми в силах гармонизировать обстановку в стране. Снятие противоречий в каждой из плоскостей в состоянии снизить уровень социальной напряженности.

Первый фактор – социальный (вес 25,3 %), который воплощается в снижении напряженности на рынке труда путем создания новых рабочих мест, исключения случаев задержки с выплатой заработной платы и формирования условий для неполной занятости на рабочем месте. Второй фактор – экономический (вес 19,5 %): повышение уровня благосостояния граждан за счет роста заработной платы, происходящего параллельно с повышением производительности труда, что предоставит населению возможность в полной мере удовлетворить свои потребности. Третий фактор – политический (вес 17,3 %): повышение уровня компетентности чиновников и властей в целом с определением четкой стратегии развития страны. Четвертый – идеологический (вес 14,2 %): формулирование ясной национальной идеи, повышение внимания к сохранению и развитию белорусской истории, культуры и языка. На категорию «прочее» приходится 23,7 %.

Таким образом, успешное развитие государства, несомненно, является результатом стабильного экономического развития, но такое состояние экономики должно постоянно поддерживаться и тем самым способствовать повышению экономической безопасности Беларуси во всех сферах. Именно способность общества постоянно обеспечивать свое стабильное экономическое развитие создает социальную устойчивость. Для Беларуси свойственна достаточно высокая интеграция общества. Однако следует не упускать из внимания оценку социальной напряженности, не снижать бдительность в отношении возникающих деструктивных факторов развития.

Центральной идеей любого государства является устойчивое и поступательное развитие, которое предполагает согласованность всего комплекса происходящих в нем изменений как на уровне институциональных преобразований, так и на уровне развития личности. Для определения ориентиров развития страны необходимо принимать во внимание воздействие совокупности факторов внешней и внутренней среды. Однако в современном глобализирующемся мире этот процесс значительно усложняется, так как количество внешних факторов постоянно увеличивается за счет усиления взаимосвязи государств в по-

литической и экономической сферах, а также взаимопроникновения контента в выстраиваемом едином медиaprостранстве.

Медиадоверие имеет особенности реализации в зависимости от типов медиа, а также уровней системы средств массовой информации, но в основе ее лежит внутренняя мотивация социальных субъектов воспринимать информационный контент, к чему можно стимулировать, но никак нельзя принуждать. Реальным воплощением доверия является использование информационных сообщений в своей повседневности без их глубокой верификации, но для этого информационному источнику необходимо сформировать соответствующую репутацию, которая выстраивается через эффективную систему обратной связи производителя и потребителя информации.

Можно рассмотреть три варианта развития событий в области доверия к массмедиа и их роли в обществе: 1) позитивный прогноз — рост уровня доверия, это обеспечивается через дифференциацию СМИ, т. е. создание конкурентной среды с ее регуляцией посредством адекватных законов, касающихся деятельности СМИ, в условиях стабильного развития государства и без технологий манипулирования общественным сознанием; 2) негативный прогноз — понижение уровня доверия, использование явных манипуляционных технологий, конструирование виртуальной реальности «несуществующих успехов» (особенности при минимальном или полном отсутствии положительных тенденций развития страны); 3) умеренный прогноз — невысокое внимание к развитию массмедиа в государстве, сохранение слабого уровня открытости государственных органов СМИ, что создает предпосылки к непониманию населением их функциональности, отсутствие аналитики и альтернативных точек зрения и т. д. Относительная стабильность социально-экономического развития страны может удержать уровень доверия к СМИ, однако в случае возникновения какого-либо дестабилизирующего фактора СМИ будут не готовы противостоять новому вызову. Логично, что наиболее эффективными будут действия по реализации позитивного прогноза.

Доверие может быть немотивированным, иррациональным и спонтанным, оно не может быть постоянным и устойчивым. Одновременно с этим на доверие к государственным СМИ можно влиять через переменные, находящиеся с ним во взаимосвязи. К ним можно отнести уровень жизни в государстве в целом, т. е. взвешенная социально-экономическая политика, принятие выверенных решений с их социологическим сопровождением позволят избежать потрясений, которые могут отвернуть население от государственных СМИ, транслирующих ситуа-

цию в более выгодном свете. Если средства массовой информации будут искажать реальную ситуацию и конструировать новую «виртуальную реальность» массмедиа, зритель ощутит диссонанс, что сразу же скажется на уровне доверия. На телевидении и полосах газет должно присутствовать многостороннее обсуждение злободневных тем. Вместе с этим следует уделять внимание представленности контента в сети Интернет. Актуальным также является увеличение числа историй о повседневности, конкретных личностях, о развитии того или иного региона, т. е. расширение персонификации контента, наличие новостей микроуровня, ближайшего окружения социального субъекта. СМИ не должны уходить в чрезмерную коммерциализацию, что нередко негативно сказывается на доверии к ним. Государство обязано уделять внимание регулированию деятельности СМИ на законодательном уровне, однако осторожно осуществлять эту деятельность с четким анализом ситуации. Государственные СМИ должны развивать свой национальный контент исходя из потребностей населения, поскольку использование преимущественно зарубежного контента также подрывает репутацию национальных телеканалов и снижает уровень доверия к ним. Следует выделять финансы на новые перспективные проекты для повышения популярности национальных телерадиокомпаний. Можно смело утверждать, что уровень доверия — многоаспектный показатель и влияние на него достаточно проблематично, однако возможно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М. : Постум, 2015.
2. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
3. *Гидденс Э.* Последствия современности. М. : Праксис, 2011.
4. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М. : Логос, 2012.

ИНВАЛИДЫ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СТЕРЕОТИПА

Бытует мнение, что о степени цивилизованности любого общества нужно судить не по количеству материальных благ, но по отношению в нем к детям, пожилым и другим социально незащищенным лицам, к которым относятся и люди с инвалидностью. Априори ключевым фактором, определяющим размер и виды социальной помощи общества указанным категориям населения, является уровень развития экономики страны. Однако, учитывая то, что помощь указанным категориям населения оказывается за счет государственного бюджета, прибыли субъектов хозяйствования, благотворительных взносов, т. е. за счет производимого обществом прибавочного продукта, приведенное выше утверждение, по нашему мнению, имеет первостепенное значение, так как конкретное содержание и объем социальной помощи отдельным категориям населения во многом определяется отношением к ним общества.

В свете сказанного особую значимость приобретает исследование инвалидности, рассматриваемой как социальный феномен, что предполагает изучение как жизненных проблем инвалидов, так и отношения общества к инвалидам, прежде всего представления здоровых людей о месте инвалидов в обществе. Последнее, бесспорно, является одним из системообразующих факторов формирования государственной социальной политики в отношении исследуемой социальной группы. Дополнительным фактором, актуализирующим необходимость и важность анализа проблем людей с инвалидностью, является то обстоятельство, что сегодня во всем мире наблюдается устойчивая тенденция увеличения числа инвалидов, в нашей стране эта социальная группа

составляет около 5 % населения. Кроме того, наша страна присоединилась к Конвенции ООН о правах инвалидов, что требует определенных изменений в социальной политике государства в отношении лиц данной категории.

Как предмет научного анализа проблема инвалидности имеет две специфические особенности — мультидисциплинарный характер (решение проблем инвалидов связано с медициной, педагогикой, психологией, техникой и другими научными дисциплинами) и многомерность характеристик, связанная с наличием большого количества видов и степени нарушений здоровья и ограничений жизнедеятельности. Следствием отмеченного выше обстоятельства является значительное число видов жизненных проблем инвалидов и степеней их выраженности для различных категорий исследуемой социальной группы. В социологии проблемы инвалидов относятся к категории малоизученных. Эпизодически проводятся исследования учеными Академии наук Беларуси, специалистами НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, социологами ЦСПИ БГУ, комплексный социологический мониторинг основных жизненных проблем белорусских инвалидов фактически отсутствует.

Как мы уже отметили, наличие большого количества особенностей психофизического развития и обусловленное этим значительное количество категорий инвалидов (инвалиды по зрению, по слуху, инвалиды-колясочники и др.) порождает широкий спектр жизненных проблем и различную степень их выраженности для каждой категории инвалидов. Указанное обстоятельство, по нашему мнению, не позволяет достаточно объективно оценить аспекты многих специфических проблем инвалидов, например трудовую занятость, образование, в целом по исследуемой социальной группе. Делать какие-либо выводы по всей социальной группе «инвалиды» можно только в том случае, если анализируемая проблема нейтральна в отношении к инвалидности и касается всего населения, например политика, экономика, культура, религия, либо если речь идет о специфической проблеме инвалидов, значимость которой может быть одинакова для любого инвалида, например правовая защита.

Сказанное нами в принципе не отвергает целесообразность проведения исследований инвалидов как социальной группы в целом, но одним из условий таких исследований должны быть достаточно большие выборочные совокупности, так как велика вероятность того, что в процессе углубленного анализа перед исследователем неизбежно возникнет необходимость выделения из общего массива данных отдельных групп

респондентов, в том числе по категориям инвалидности, по количеству пригодных для многомерного статистического анализа.

Сегодня в белорусском обществе в отношении людей с инвалидностью действует стойкий социальный стереотип, согласно которому инвалид вследствие проблем своего здоровья или особенностей своего психофизического развития в принципе не может быть полноценным членом общества, и, следовательно, он нуждается в постоянной помощи со стороны здоровых членов общества и государства. Таким образом, наше общество фактически дает каждому инвалиду законное право быть социальным иждивенцем. Одним из примеров практической реализации этого права является тотальное пенсионирование инвалидов, в том числе имеющих постоянную работу.

По мнению российского психолога В. С. Агеева, «под социальным стереотипом обычно понимают упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей. Нередко при определении социального стереотипа подчеркивают его целостность, ярко выраженную оценочную и ценностную окраску, нагруженность его так называемым ошибочным компонентом. Общим местом в определениях социального стереотипа является также признание его преимущественно негативным феноменом, препятствующим полному, адекватному взаимопониманию людей, трактовка его в качестве своеобразных шор, искажающих видение социальной реальности» [1, с. 96]. Отмеченные выше черты социального стереотипа полностью присущи стереотипу инвалидности. Вместе с тем социальный стереотип инвалида в нашем обществе имеет ряд специфических особенностей.

Прежде всего необходимо отметить, что социальный стереотип действует в отношении всех людей, имеющих инвалидность, однако, как отмечено выше, инвалиды представляют достаточно разнородную социальную группу, в частности, имеются такие категории инвалидов, в отношении которых отмеченный стереотип является абсолютно справедливым. К ним относятся внесоциальные инвалиды¹ — люди с тяжелым нарушением интеллекта, не имеющие возможности самоконтроля своей жизнедеятельности, а также люди с высокой степенью ограничения пространственной мобильности (инвалиды-спинальники) и др. Однако, проведенные нами социологические исследования показывают практическую несостоятельность данного стереотипа для отдельных категорий лиц с инвалидностью, в частности для инвалидов по зрению [2, с. 9].

¹ Термин предложен автором.

В 2019 г. социологами ЦСПИ БГУ проведено разведывательное социологическое исследование, целью которого было выявление жизненных проблем инвалидов детской и молодежной возрастных групп. Предметом исследования стала ситуация в среде молодых инвалидов страны в современных условиях. Объектом исследования были определены молодые граждане страны в возрасте от 14 лет до 31 года, имеющие инвалидность. Были опрошены две контрольные группы по 100 человек.

В свете проводимого нами анализа целесообразно использовать данные опроса, характеризующие ценностные предпочтения молодых инвалидов страны (табл. 8.1). Приведенные в табл. 8.1 данные рассчитаны по специальной методике. Были выведены индексы удовлетворенности, весовые значения которых располагаются в интервале от -1 («совсем неважно») до $+1$ («очень важно»).

Таблица 8.1

Распределение ответов на вопрос «Пожалуйста, ответьте, насколько важно в Вашей жизни следующее...?» (индекс. веса)¹

Ценность	Молодые инвалиды	Школьники-инвалиды
Работа	0,93	0,61
Семья	0,71	0,78
Друзья и знакомые	0,54	0,52
Образование	0,18	0,67
Здоровье	0,79	0,84
Досуг	0,36	0,26
Политика	-0,18	-0,02
Безопасность	0,54	0,51
Религия	0,07	0,10

Данные показывают, что расхождение оценок в двух группах молодежи не очень велико. У молодых инвалидов на первом месте работа – 0,93, на втором здоровье – 0,79, на третьем семья – 0,71. У школьников-инвалидов на первом месте здоровье – 0,84, на втором семья – 0,78, на третьем месте образование – 0,67.

Результаты исследования фактически подтверждают отмеченные выше тенденции развития ценностных предпочтений белорусских молодых инвалидов. Как очень важные для себя молодыми инвалидами

¹ Стратегические приоритеты государственной молодежной политики в Республике Беларусь до 2030 г. / Л. С. Кожуховская [и др.]. Минск : РИВШ, 2020. С. 118.

отмечены такие базовые ценности, как работа, семья, здоровье, их отметили 85,7, 78,7 и 57,1 % респондентов соответственно¹. Приоритетными для школьников-инвалидов являются те же базовые ценности, несколько отличается только степень их значимости — здоровье, семья, работа. Вполне естественным для данной социальной группы является высокая значимость образования, как очень важное для себя его отметили 64,9 % школьников-инвалидов². Таким образом, приведенные здесь данные позволяют сделать вывод о том, что ценностные ориентации молодых белорусских инвалидов выявляют их активную жизненную позицию, что является еще одним подтверждением нашего мнения об ошибочных представлениях об инвалидах, характерных для белорусского общества.

Следующей особенностью социального стереотипа инвалидов являются условия его формирования. Общественное мнение о социальной позиции инвалидов сформировано в условиях практического отсутствия у большинства населения страны информации не только об их реальных жизненных проблемах, но и о реальных возможностях многих из них при правильно организованной помощи стать полноценными, социально активными членами общества. Такое положение дел является результатом проводимой в СССР социальной политики, результатом которой стала фактическая социальная изоляция инвалидов.

Представление советского общества об инвалидах складывалось на основе так называемой медицинской модели инвалидности. Наглядной иллюстрацией сказанного является следующее определение инвалида: «Инвалид — человек, частично или полностью утративший трудоспособность, например, вследствие хронического заболевания или травмы» [3, с. 439]. При таком подходе инвалидам фактически присваивается статус больных людей, отклоняющихся от социальной нормы (девиантов), что приводит к выводу о необходимости их «исправления» (посредством лечения) или изоляции от общества. Медицинская помощь рассматривается как основной выход из положения. Следовательно, перспективы инвалида во многом связаны с реформированием системы здравоохранения.

Основной задачей действующей в СССР системы социального обеспечения инвалидов (не социальной помощи инвалидам) всех категорий являлось предоставление за счет государственных средств гаранти-

¹ Стратегические приоритеты государственной молодежной политики ... С. 120.

² Там же. С. 120.

рованного минимума материальных благ, необходимых для их нормальной жизнедеятельности, посредством тотального пенсионирования — выплаты трудовых или социальных пенсий. При этом в более выгодном положении находились инвалиды, получающие трудовые пенсии, рассчитанные исходя из их заработной платы. Наиболее высокий уровень доходов, как правило, имели работающие инвалиды, получающие одновременно и пенсию по инвалидности, и заработную плату. Вместе с тем трудоустройство — наиболее оптимальная форма социальной интеграции инвалидов — не рассматривалось государством и обществом как приоритетная форма их реабилитации, что в итоге приводило к фактической изоляции инвалидов от общества.

Из отмеченного выше «правила» были исключения, касающиеся двух категорий инвалидов — по зрению и по слуху. Возникшие в середине 20-х гг. прошлого века общественные организации, объединившие в своих рядах инвалидов указанных категорий, ставившие целью привлечение своих членов к трудовой деятельности, при поддержке государства создали существующую до настоящего времени сеть специальных предприятий для трудоустройства инвалидов, на которых для них были созданы особые условия труда. Однако указанные предприятия не позволили слепым и глухим людям в полной мере буквально выйти из тени, так как их трудовой коллектив в значительной степени состоял из инвалидов. Учитывая тот факт, что образование детей с нарушениями зрения и слуха в СССР осуществлялось в условиях специальных школ, чаще всего — школ-интернатов, их выпускники фактически перемещались из одного специального коллектива (спецшколы) в другой (предприятия).

Несмотря на то что советское государство не ставило своей задачей привлечение к труду всех имеющих возможность и желающих работать инвалидов, их трудоустройство на обычные предприятия, в учреждения имело место, но не носило массовый характер. Причем достаточно часто работающие на обычных предприятиях инвалиды не только не заявляли о своих особых потребностях, связанных со своей инвалидностью, но и нередко старались ее скрыть от коллег по работе. Дополнительным фактором, усиливавшим социальную изоляцию инвалидов, являлся преодоленный только в годы перестройки информационный вакуум в виде отсутствия в советских СМИ объективной информации об инвалидах, прежде всего об их реальных возможностях и проблемах, способствующей устранению социального отторжения инвалидов обществом.

В настоящее время отношение нашего общества к лицам с инвалидностью можно охарактеризовать следующими компонентами:

- сочувствие (сострадание);
- боязнь лиц с инвалидностью;
- нежелание здоровых людей общаться с инвалидами;
- требование физической изоляции инвалидов от общества;
- опасение обычных людей получить инвалидность.

Социальный стереотип белорусского общества в отношении инвалидов имеет исторические предпосылки. Можно предположить, что инвалидность в современном ее понимании и причины ее появления существуют с момента появления человека на Земле. Следовательно, со времени возникновения в представлениях человечества об инвалидности в различном соотношении присутствовали все отмеченные выше компоненты. Исторический анализ показывает, что инвалид в разные периоды имел различный социальный статус: от «лишнего члена общества» до равного его члена, от презираемого обществом человека до святого. Так, сочувствие инвалидам является неотъемлемой культурной традицией нашего общества. Отсутствие у населения информации о жизненных проблемах и возможностях инвалидов, незнание правил бесконфликтного общения и неумение оказать им ситуационную помощь, а также реальное, порой опасное поведение отдельных представителей анализируемой социальной группы, к примеру лиц с нарушением интеллекта, порождают у обычного человека физическую боязнь инвалидов, нежелание общаться с ними.

В настоящее время в странах Запада получила распространение так называемая деинституционализация психиатрии – процесс реформирования психиатрической службы, суть которого заключается в широкомасштабном сокращении числа психиатрических коек и психиатрических больниц с параллельным развитием различных форм внебольничной помощи психически больным, выписываемым из психиатрических клиник. По мнению сторонников, деинституционализация должна предотвратить развитие у пациентов госпитализма, представляющего собой совокупность психических и соматических нарушений, обусловленных длительным пребыванием человека в стационаре в отрыве от близких людей и от дома, ведущего к ущемлению их прав и отрыву от общества. Практическая реализация идей деинституционализации в странах Запада привела к появлению на улицах городов лиц с интеллектуальными нарушениями, пугающих своим неадекватным поведением обычных людей. Следует отметить, что сегодня в нашей стране эта проблема также активно обсуждается. Инициаторами здесь высту-

пают общественные объединения инвалидов, например «Офис по правам лиц с инвалидностью».

Одним из главных аргументов сторонников деинституционализации является экономическая выгода для государства в виде сокращения бюджетных ассигнований на содержание специальных учреждений закрытого типа, например домов-интернатов для инвалидов. Однако, по нашему мнению, предложенный аргумент является не столь однозначным. Так, перемещение инвалида с психическими отклонениями из специального учреждения в семью неизбежно потребует государственных субсидий на покрытие дополнительных расходов семьи, связанных с его пребыванием. Кроме того, необходимо решить ряд специфических проблем: организация (при необходимости) медицинского обслуживания, уход за инвалидом и контроль (возможно круглосуточный) его поведения как по месту жительства, так и в иных местах. Чаще всего эти проблемы решают сами члены его семьи, фактически превращаясь в социальных работников. Указанное обстоятельство достаточно часто может иметь негативные социально-экономические последствия. Так, нередки случаи, когда один из членов семьи, чаще всего женщина — мама или иная родственница лица с тяжелой формой инвалидности, в том числе с глубокими нарушениями интеллекта, — ради него жертвует своей карьерой и иными возможными социальными перспективами, фактически посвящая свою жизнь уходу за этим человеком.

Кроме того, в настоящее время нет четких однозначно трактуемых критериев для определения возможности или невозможности перевода лиц с интеллектуальной недостаточностью из специального учреждения в семью или в дом совместного проживания. Бесспорно, большинство «деинституционализированных лиц» имеют статус недееспособных, т. е. не могут совершать от своего имени практически никаких правовых действий: создавать семью, проводить операции с недвижимостью и др. Все эти лица по закону находятся под опекой. Одной из основных обязанностей опекуна является постоянный контроль за их поведением. Однако нет абсолютных гарантий того, что находящийся вне своего жилища «деинституционализированный инвалид» не совершит действия, опасного не только для себя, но и для окружающих. Не секрет, что у определенного числа лиц с интеллектуальной недостаточностью фактически обнаруживается понимание безнаказанности за любое свое действие.

Можно утверждать, что требования физической изоляции инвалидов в нашем обществе открыто не звучат. Однако наличие таких настроений в нашем социуме присутствует, причем в отношении тех категорий инвалидов, которые в принципе должны быть интегрированы в обще-

ство, в частности инвалиды по зрению. Данная гипотеза подтверждается результатами проведенных нами социологических исследований.

Инвалидность по зрению является одной из наиболее тяжелых форм инвалидности. Вместе с тем подавляющее большинство инвалидов по зрению имеют нормальное состояние интеллекта – сохранный интеллект¹, для многих из них дефект зрения является единственной существенной проблемой их здоровья, препятствующей их полноценной жизни. Люди, полностью лишенные зрения или имеющие его серьезные нарушения, повсеместно испытывают значительные затруднения в пространственном перемещении, в социальной коммуникации (обыденном общении), находясь в незнакомых местах или с незнакомыми им людьми. Следовательно, по своему умственному и физическому развитию слепой человек – тот же зрячий, но только с навек закрытыми глазами. Таким образом, можно утверждать, что люди с тяжелыми нарушениями или полным отсутствием зрения не являются социально опасными для обычных людей. В связи с этим скорее можно утверждать обратное: достаточно часто опасной для них является социальная среда в силу отсутствия необходимых безбарьерных условий и неумения значительной части населения страны правильно оказать помощь этим людям. Жителям г. Минска были заданы два вопроса, связанные с трудоустройством лиц указанной категории и образованием детей с нарушениями зрения (табл. 8.2 и 8.3) [4, с. 193].

Таблица 8.2

**Распределение ответов жителей г. Минска на вопрос
«Какая система образования слепых и слабовидящих детей
должна быть в нашей стране?»**

Вариант ответа	% ответивших
Дети – инвалиды по зрению должны учиться только в специальной школе	31,2
Дети – инвалиды по зрению должны учиться в обычной школе, но только в специальных классах	14,8
Дети – инвалиды по зрению должны учиться только в обычной школе и в обычных классах	1,8
Должны существовать все перечисленные формы обучения и право выбора места обучения	43,2
Затрудняюсь ответить	9,0

¹ Термин используется в коррекционной педагогике.

**Распределение ответов жителей г. Минска на вопрос
«Как решить проблему трудоустройства инвалидов по зрению?»**

Вариант ответа	% ответивших
Инвалидов по зрению надо трудоустраивать в основном на специальные предприятия	44,0
Надо создавать рабочие места для инвалидов по зрению прежде всего на обычных предприятиях	36,7
Иной путь	3,3
Затрудняюсь ответить	16,0

Приведенные выше данные указывают на то, что респонденты – твердые сторонники социальной интеграции инвалидов по зрению составляют меньшинство. Наличие достаточно большого числа сторонников нейтральной позиции – одновременного существования специального и инклюзивного обучения (43,2 %) – с определенной долей вероятности также можно объяснить незнанием респондентов реальных проблем детей с тяжелыми нарушениями зрения.

Нельзя не отметить, что сегодня проблемы реальной социальной интеграции инвалидов по зрению, в том числе в сфере трудоустройства и образования, также поднимаются представителями соответствующего общественного объединения – Белорусского товарищества инвалидов по зрению (далее – БелТИЗ). Однако их требования звучат на фоне того, что в настоящее время подавляющее количество детей с тяжелыми нарушениями зрения обучается в специальных учреждениях образования, а основным работодателем для указанной категории являются специальные предприятия БелТИЗ, что является серьезным фактором, поддерживающим социальный стереотип в отношении инвалидов данной категории.

Важную роль в формировании социального стереотипа в отношении любой категории населения играют СМИ. Анализ белорусских СМИ показывает, что в большинстве материалов содержится информация о достижениях белорусских инвалидов, прежде всего в сферах культуры, спорта и досуга. Чаще всего материалы об успехах лиц с инвалидностью излагаются в контексте деятельности общественных объединений или государственных органов, оказывающих помощь, подчеркивая тем самым большую значимость этих общественных организаций, которые в настоящее время не охватывают большинство инвалидов

нашей страны, и роль государства. При этом человек с инвалидностью чаще всего изображается в двух противоположных вариантах. Первый — герой, превзошедший трудности, достигший жизненного успеха, достойный всеобщего уважения и являющийся примером для подражания. Второй — несчастный, обиженный судьбой человек, нуждающийся в помощи и сочувствии. Итогом может быть следующий вывод: первый — молодец, второму давайте поможем — соберем ему деньги. При этом за кадром остаются «простые, обычные» лица с инвалидностью, не являющиеся известными в стране персонами, но тем не менее достигшие определенного жизненного успеха в решении своих жизненных проблем: имеющие семью, работу и при этом не жалующиеся на свою горькую судьбу.

Таким образом, подтверждается высказанный выше тезис об условиях формирования общественного мнения о нуждах, проблемах и реальных возможностях инвалидов.

В сравнении со СМИ интернет располагает более разносторонней информацией о жизни инвалидов, однако не следует считать, что вся она востребована. Чаще всего пользователи интернета узнают о жизни инвалидов попутно с другой нужной им информацией. Причем ненавязчивыми распространителями этой информации являются «Гугл», «Яндекс» и другие поисковые системы. К примеру, пользователь, не предполагая о том, что известный американский певец и композитор Стиви Уандер является слепым, неожиданно для себя узнает об этом, например, из Википедии или какой-либо другой интернет-энциклопедии или просмотрев результаты обработки запроса «Стиви Уандер» в какой-либо из поисковых интернет-систем.

Как отмечалось выше, проблема инвалидности относится к категории малоизученных проблем социологии. В частности, до настоящего времени инвалидность как социальный феномен белорусскими социологами не исследовалась. В 2020 г. нами в рамках инновационного проекта «Внедрение модели формирования толерантности участников образовательного процесса через организацию продуктивного взаимодействия с детьми с особенностями психофизического развития»¹ проведен социологический опрос в двух группах — учащиеся старших классов и педагоги общеобразовательных школ. Целью опроса являлось изучение представлений обычных людей об инвалидах. Для

¹ Проект утвержден приказом Министерства образования Республики Беларусь от 30.07.2019 № 617.

опроса были отобраны учреждения образования, в которых не обучались дети с особенностями психофизического развития. Для оценки представлений респондентов об инвалидах нами был разработан набор из 20 суждений, отражающий распространенное в обществе мнение о различных сторонах жизни людей с инвалидностью. Список суждений об инвалидах:

- 1) инвалид не может быть полноценным членом общества;
- 2) наше общество не воспринимает инвалидов как равных из-за того, что не знает их реальных возможностей;
- 3) выплата работающему инвалиду пенсии — «плата общества» за его инвалидность;
- 4) не надо стараться интегрировать инвалидов в общество, надо дать им хорошую пенсию, и пусть они сидят дома;
- 5) слово «инвалид» надо убрать из нашего лексикона, так как оно обижает человека с инвалидностью;
- 6) подача милостыни инвалиду укрепляет его желание жить за счет других людей и способствует его моральной деградации;
- 7) достигший жизненного успеха инвалид — пример не только для таких, как он сам, но и для здоровых людей;
- 8) значительная часть инвалидов ведет замкнутый образ жизни, так как боится появляться в обществе из-за своего физического состояния;
- 9) для инвалида быть равным членом общества — это значит иметь равные права со всеми членами общества;
- 10) инвалидность является серьезной жизненной проблемой человека, поэтому он имеет законное право на льготы и безвозмездную помощь от государства и общества;
- 11) инвалидам приходится тяжелее, чем обычным людям, поэтому подать им милостыню — благое дело;
- 12) каждый инвалид с нормальным интеллектом должен отвечать за все свои действия, как обычный человек;
- 13) наше общество должно признавать равным абсолютно любого инвалида со всеми его особенностями;
- 14) явное выражение инвалиду сочувствия лишний раз подчеркивает его инвалидность, что неприятно для него;
- 15) только инвалид, ведущий активный образ жизни, может реально стать равным членом нашего общества;
- 16) образование и (или) работа инвалидов в специальных учреждениях — наилучший способ решения их проблем;

17) сегодня инвалиды часто подвергаются дискриминации по признаку инвалидности во многих сферах жизни;

18) представленный в наших СМИ образ инвалида во многом не соответствует реальной действительности;

19) не стремящийся быть хорошим работником инвалид, как правило, будет первым кандидатом на увольнение;

20) иметь работу для инвалида — это значит ощущать себя полноценным и полезным обществом человеком.

Респондентам предлагалось выразить свое отношение к каждому суждению путем выбора одного из следующих вариантов ответа: 1 — полностью согласен, 2 — скорее согласен, 3 — скорее не согласен, 4 — полностью не согласен, 5 — затрудняюсь ответить.

Сокращение пространства анализируемых переменных было проведено методом главных компонент факторного анализа, метод вращения — варимакс с нормализацией Кайзера. В обоих случаях для выделения факторов применялась процедура, основанная на собственных значениях корреляционной матрицы. Степень приемлемости полученных результатов для анализа проверялась на основании критерия адекватности выборки Кайзера — Мейера — Олкина и критерия сферичности Бартлетта. Фактически значения указанных показателей в группах достаточно близки. В группе педагогов мера адекватности выборки Кайзера — Мейера — Олкина — 0,820, приблизительное значение статистики критерия сферичности Бартлетта — 1091,248 со 190 степенями свободы, значимое на уровне 0,001. В группе учащихся мера адекватности выборки Кайзера — Мейера — Олкина — 0,769, приблизительное значение статистики критерия сферичности Бартлетта — 1021,301 со 190 степенями свободы, значимое на уровне 0,001. Приведенные нами оценочные показатели качества данных свидетельствуют о высокой степени пригодности результатов опросов для проведения факторного анализа.

По результатам выполнения процедур факторного анализа из набора переменных как для педагогов, так и для учащихся было извлечено по пять интегральных признаков (главных компонент). Выделенные компоненты из массива педагогов и учащихся сохранили соответственно 51,2 и 41,87 % дисперсии исходных признаков (табл. 8.4, 8.5). Матрицы полученных компонент после вращения из массивов педагогов и учащихся содержатся в таблицах 8.6 и 8.7.

Таблица 8.4

Объясненная совокупная дисперсия по результатам извлечения главных компонент из массива педагогов

Компонента	Суммы квадратов нагрузок извлечения			Суммы квадратов нагрузок вращения		
	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %
1	4,710	23,550	23,550	2,727	13,636	13,636
2	1,820	9,099	32,649	2,666	13,329	26,965
3	1,298	6,488	39,137	2,009	10,045	37,010
4	1,249	6,247	45,384	1,510	7,552	44,562
5	1,192	5,960	51,343	1,356	6,781	51,343

Таблица 8.5

Объясненная совокупная дисперсия по результатам извлечения главных компонент из массива учащихся

Компонента	Суммы квадратов нагрузок извлечения			Суммы квадратов нагрузок вращения		
	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %
1	3,225	16,126	16,126	2,195	10,976	10,976
2	1,949	9,744	25,870	2,037	10,186	21,162
3	1,252	6,260	32,129	1,656	8,280	29,442
4	1,184	5,919	38,049	1,596	7,978	37,420
5	1,164	5,821	43,869	1,290	6,450	43,869

Таблица 8.6

Матрица полученных компонент после вращения из массива педагогов

	Компонента				
	1	2	3	4	5
Суждение 18	0,782	Значения < 0,5 скрыты			
Суждение 13	0,623				
Суждение 17	0,595				
Суждение 14	0,590				
Суждение 19	0,538				
Суждение 5					
Суждение 7		0,681			
Суждение 10		0,665			

	Компонента					
	1	2	3	4	5	
Суждение 20	Значения < 0,5 скрыты	0,574	Значения < 0,5 скрыты	Значения < 0,5 скрыты	Значения < 0,5 скрыты	
Суждение 9		0,556				
Суждение 2		0,534				
Суждение 8		0,532				
Суждение 1		Значения < 0,5 скрыты	0,714			
Суждение 4			0,681			
Суждение 16			0,567			
Суждение 15			0,558			
Суждение 3			Значения < 0,5 скрыты	0,787		
Суждение 6					Значения < 0,5 скрыты	0,652
Суждение 12						0,621
Суждение 11		< 0,5				

Таблица 8.7

Матрица полученных компонент после вращения из массива учащихся

	Компонента						
	1	2	3	4	5		
Суждение 18	0,642	Значения < 0,5 скрыты	Значения < 0,5 скрыты	Значения < 0,5 скрыты	Значения < 0,5 скрыты		
Суждение 17	0,599						
Суждение 8	0,568						
Суждение 14	Значения < 0,5 скрыты					0,713	
Суждение 4		0,552					
Суждение 11		0,538					
Суждение 1		0,527					
Суждение 3		Значения < 0,5 скрыты				Значения < 0,5 скрыты	0,733
Суждение 16			0,505				
Суждение 12			Значения < 0,5 скрыты	Значения < 0,5 скрыты	0,616		
Суждение 15	0,503						
Суждение 19	Значения < 0,5 скрыты				Значения < 0,5 скрыты		0,716
Суждение 6							< 0,5
Суждение 20							
Суждение 13							
Суждение 10							
Суждение 9							
Суждение 7							
Суждение 2							
Суждение 5							

В каждой из анализируемых групп в составе выделенных главных компонент анализировались только переменные, имеющие факторную нагрузку более 0,5. В группе педагогов таких переменных оказалось 18, в группе учащихся – 12. Содержательный анализ выделенных интегральных признаков в каждой группе указывает на их определенные различия, что требует анализа отдельно по каждой группе.

В группе педагогов в состав первой компоненты вошли суждения № 13, 14, 17, 18, 19, характеризующие отношение к инвалиду как сострадание: несчастный, ранимый, обиженный судьбой человек, часто подвергающийся дискриминации, которого общество должно принять таким, какой он есть. С другой стороны, образ инвалида, представленный в СМИ, не соответствует реальности (суждение 18), что, на наш взгляд, можно воспринимать как факт некоторого сомнения в описанной выше оценке социальной позиции инвалидов.

В состав второй компоненты анализируемой группы вошли суждения № 2, 7, 8, 9, 10, 20, характеризующие инвалида как маргинала – фактически отторгнутого обществом человека. Причиной этого является то, что общество не знает его реальных возможностей стать равным его членом, в том числе посредством трудоустройства, хоть при этом он и имеет законное право на льготы и постоянную помощь.

Третью компоненту составили суждения № 1, 4, 15, 16, характеризующие противоречивое отношение к инвалидам. С одной стороны, инвалид потенциально не может быть равным членом общества, предпочтительным способом решения его проблем является помещение в специальные условия – специальное образование, специальные предприятия для трудоустройства. С другой стороны, возможны исключения из правила – инвалид может быть равным членом общества при условии, что он ведет активный образ жизни. Сказанное, по сути, означает признание фактического наличия дифференциации инвалидов по их социальному поведению.

В четвертой компоненте группы педагогов социальный статус инвалида определен как абсолютного социального иждивенца, получающего «плату за свою инвалидность» в виде государственной пенсии.

Пятую компоненту группы составили два суждения – № 6 и 12, означающие фактические требования к инвалидам отвечать за свои действия и не жить за счет других членов общества, что, по сути, означает их фактическую ассимиляцию обществом.

В группе педагогов значение меньше 0,5 имеют суждения № 5 «Слово “инвалид” надо убрать из нашего лексикона, так как оно обижает человека с инвалидностью» и № 11 «Инвалидам приходится тяжелее, чем

обычным людям, поэтому подать им милостыню – благое дело». Данное обстоятельство указывает на низкую степень значимости для педагогов таких проблем, как подача милостыни инвалидам и наличие каких-либо сложностей в общении с инвалидами, связанных с проблемой замены терминов, подробный анализ которой нами будет сделан ниже.

В группе учащихся в состав первой компоненты группы вошли три переменные – суждения № 8, 17, 18, характеризующие инвалида как маргинала, человека, ведущего замкнутый образ жизни, боящегося появиться в обществе из-за своей инвалидности и при этом достаточно часто подвергающегося дискриминации.

В состав второй компоненты группы вошли четыре переменные – суждения № 1, 3, 4, 11, характеризующие инвалида как человека, не способного быть равным членом общества, предпочтительным способом решения его проблем является выплата пенсии и помещение в специальные условия, что фактически означает повсеместную латентную изоляцию инвалидов от общества.

Третью компоненту группы учащихся составили две переменные – суждения № 12 и 15. По сути, данная компонента представляет собой социальную ассимиляцию инвалидов, ведущих активный образ жизни и обязанных нести ответственность за все свои действия, как обычные люди.

В четвертую компоненту группы учащихся также вошли две переменные – суждения № 10 и 13, совокупное содержание которых, по сути, можно интерпретировать как образ инвалида как безусловного социального иждивенца.

Суждение № 2, имеющее достаточно высокую факторную нагрузку (0,716), является единственным суждением пятой компоненты, подтверждающим высказанную нами гипотезу об отсутствии в нашем обществе информации о реальных возможностях инвалидов.

В группе учащихся значение меньше 0,5 имеют восемь суждений: № 5, 6, 7, 9, 14, 16, 19, 20, вошедших, кроме суждения № 5, в интегральные признаки (основные компоненты) группы педагогов. Отсутствие у респондентов-учащихся интереса к данному суждению можно также объяснить отсутствием у учащихся каких-либо сложностей в общении с инвалидами, связанных с отмеченной ранее проблемой замены терминов. Остальные суждения относятся к различным сферам жизни и проблемам инвалидов, их отсутствие в интегральных признаках группы учащихся, по нашему мнению, можно объяснить, с одной стороны, отсутствием у них знания жизни и реальных проблем инвалидов, с другой – отсутствием реального интереса к людям с инвалидностью.

Следует отметить, что проведенное исследование в части блока, посвященного анализу социального стереотипа, фактически являлось разведывательным, его результаты нельзя экстраполировать на все население. Вместе с тем полученные результаты фактически подтверждают высказанную нами гипотезу о содержании социального стереотипа в отношении инвалидов. Сравнение результатов факторного анализа в двух группах указывает на значительные сходства отношений к инвалидам в двух разновозрастных группах — взрослых (педагогов) и подростков (учащихся).

Одной из попыток изменения отношения общества к инвалидам, предпринятых еще в период проходящей в СССР перестройки общественными организациями инвалидов, является требование замены термина «инвалид» на другой термин, например «человек с ограниченными возможностями», «человек с ОПФР». Особенно остро этот вопрос обсуждается в настоящее время в связи с принятием нового закона об инвалидах. К примеру, руководитель «Офиса по правам людей с инвалидностью» Сергей Дроздовский и представители других общественных объединений инвалидов предлагают использовать в законодательстве страны и в обиходной речи вместо термина «инвалид» — «человек с инвалидностью». Основанием для замены старого термина новым является утверждение о том, что называть человека с инвалидностью инвалидом — это унижать его человеческое достоинство. Еще одним аргументом сторонников указанного требования является их апелляция к международному опыту, прежде всего к опыту стран Запада.

Латинское слово «инвалид» (*invalidus*) означает «немогущий». В русском языке оно укоренилось в XVIII в. Первоначально инвалидами называли бывших военнослужащих, которые по состоянию здоровья не могли себя обслуживать. В XIX в. к инвалидам стали относить лиц, полностью утративших возможность заработка в связи с состоянием здоровья. Можно утверждать, что именно это обстоятельство является исторической основой существующего в настоящее время социального стереотипа инвалида в нашем обществе.

Сегодня в основу определения инвалидности в нашей стране положен принцип физической и социальной недостаточности, ограничений жизнедеятельности индивида. Под ограничением жизнедеятельности понимается полная или частичная утрата способности осуществлять самообслуживание, передвижение, ориентацию, общение, контроль своего поведения, а также заниматься трудовой деятельностью. Такой подход предполагает наличие возможности полной реабилитации инвалида путем снятия ограничений его жизнедеятельности, что является основной задачей социальной интеграции инвалида.

Однако в связи с этим следует учитывать важное обстоятельство: объективной основой инвалидности человека являются проблемы его здоровья, т. е. ее медицинский компонент. Нужно понимать тот факт, что даже при наличии самых совершенных технических средств реабилитации и максимальной социальной интеграции инвалидов все равно остается больным человеком, с большой вероятностью по состоянию своего здоровья непригодным к исполнению каких-либо трудовых или иных функций. К примеру, слепой музыкант может быть виртуозным исполнителем, но весьма проблематичным для него может быть работа в оркестре, для которой нужно иметь зрение: надо видеть дирижера и ноты партитуры исполняемого произведения. Следовательно, слепой музыкант, исполнитель-виртуоз, фактически не может быть полноценным музыкантом-оркестрантом. Проблемность ситуации состоит в том, что такую неполноценность инвалида видят здоровые люди, но при этом не желает признавать сам инвалид или группа инвалидов, что априори способствует укреплению в обществе описанного нами социального стереотипа инвалида.

Однако сказанное нами выше не следует рассматривать как призыв к открытой дискриминации инвалидов. Важным является реальное осознание и учет каждым инвалидом своих реальных умственных и физических возможностей во всех сферах жизнедеятельности, что, бесспорно, будет являться залогом его успешной социализации. Нашему слепому музыканту проще и комфортнее стремиться стать равным по мастерству зрячим коллегам виртуозным солистом-инструменталистом, нежели быть неполноценным оркестрантом.

Тезис о замене терминов имеет под собой законодательную основу. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об образовании лиц с особенностями психофизического развития (специальном образовании)» «...лицо с особенностями психофизического развития — лицо, имеющее физическое и (или) психическое нарушения, препятствующие получению образования без создания для этого специальных условий»¹. В соответствии с этим определением особенности психофизического развития связываются исключительно с физическим или психическим ограничениями. Вместе с тем к таким особенностям можно отнести также и какие-либо феноменальные способности человека (уникальная память и др.). Априори каждый человек и как биологический объект, и как личность уникален в своем развитии. Следовательно, по нашему мнению, к лицам с особенностями психофизического развития может быть причислено абсолютно все человечество.

¹ Об образовании лиц с особенностями психофизического развития (специальном образовании) : Закон Респ. Беларусь от 18.05.2004 № 285-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2007. № 87. С. 32.

Мы утверждаем, что требование замены понятия «инвалид» на «человек с ограниченными возможностями» или «человек с особыми потребностями» ничего, кроме популистских попыток преодоления указанного выше социального стереотипа, под собой не имеет. По существу, это не что иное, как попытка интегрироваться в общество под другой вывеской. Но главное, на наш взгляд, состоит в том, что замена старых понятий новыми, даже закреплённая на законодательном уровне, сама по себе не изменит отношения общества к инвалидам. Данный тезис подтверждается ранее упомянутыми нашими исследованиями [4, с. 72].

В этих социологических опросах в рамках инновационного проекта также изучалась проблема замены терминов, респондентам задавался тот же вопрос: «Изменится ли в обществе отношение к инвалидам, если вместо термина “инвалид” будет использован какой-либо другой термин?» (табл. 8.8).

Таблица 8.8

Распределение ответов педагогов и учащихся на вопрос «Как Вы думаете, изменится ли отношение к инвалидам в нашем обществе только от того, что вместо слова “инвалид” будет использоваться какой-то другой термин?» (%)

Вариант ответа	Педагоги	Учащиеся
Да	12,6	21,5
Нет	70,6	52,4
Затрудняюсь ответить	16,8	28,1

Анализ табл. 8.8 указывает на то, что в результате опросов получены данные, сходные с итогами других проведенных нами опросов. Участникам опросов предлагалось высказать свое мнение по поводу того, какой термин надо использовать в отношении инвалидов в СМИ и при личном общении с ними (табл. 8.9).

Таблица 8.9

Распределение ответов педагогов и учащихся на вопрос «Какой, по Вашему мнению, термин сегодня надо использовать в отношении инвалидов в СМИ и при личном общении с ними?» (%)

Вариант ответа	Педагоги	Учащиеся
Инвалид	2,3	7,4
Человек с ограниченными возможностями	44,3	55,0
Человек с особыми потребностями	20,6	12,8

Вариант ответа	Педагоги	Учащиеся
Человек с особенностями психофизического развития	14,5	6,3
Человек с инвалидностью	7,3	5,9
Затрудняюсь ответить	11,1	12,6

Как видно из табл. 8.9, мнения респондентов по анализируемому вопросу в обеих группах примерно одинаковы. Полученные данные позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, респондентами обеих групп поддерживается идея замены терминов, но только в принципе, так как ни один из них не поддержало большинство участников опросов, в частности, неприятным сюрпризом для сторонников замены терминов является то, что предлагаемый ими термин «человек с инвалидностью» поддержало наименьшее число респондентов. Во-вторых, в социальном плане возможная замена терминов не приведет к желаемым изменениям в отношении белорусского общества к инвалидам, что подтверждают результаты наших исследований. Термины «человек с особыми потребностями» и «человек с особенностями психофизического развития», исходя из их содержания, с успехом могут быть применены ко всему человечеству: все люди имеют какие-либо ограничения своих физических возможностей, а также каждый из землян имеет особые черты в своем физическом и психическом развитии. Этот вывод связан с анализом содержания предложенных терминов, в нашем случае целесообразно проанализировать только один термин, занимающий лидирующее положение, — «человек с ограниченными возможностями», который в настоящее время чаще всего употребляется вместо слова «инвалид». Сравним этот термин с понятием «инвалид», определение последнего как «немогущего человека» нами дано выше. Оба они определенно предполагают наличие у человека каких-либо ограничений, при этом второй из них (инвалид), на наш взгляд, предполагает более значительный их уровень. Кроме того, в научной и научно-популярной литературе можно встретить трактовку понятия «инвалид» как «ограниченный».

Таким образом, оба термина фактически близки по значению друг другу и, по сути, являются синонимами, причем слово «инвалид» в отличие от понятия «человек с ограниченными возможностями» выражает ограничения, но в скрытом виде.

В отношении понятия «человек с инвалидностью» можно отметить следующие нюансы. В русском языке и в социальной практике пред-

меты, в том числе и одушевленные, к которым относятся и социальные группы, принято обозначать одним именем существительным или именем существительным с подчиненным ему именем прилагательным, например молодежь, пожилые люди. В нашем случае предлагаемый термин включает два имени существительных — человек и инвалидность, соединенных предлогом, что, на наш взгляд, является лингвистически некорректным. В связи с этим можно предположить, что указанный термин в обозримом будущем не войдет в широкое употребление в социальные практики нашего общества.

Таким образом, сегодня белорусским инвалидам не следует пытаться решить свои жизненные проблемы посредством «переодевания в новое платье» в виде смены имени своего социального статуса и насильственного требования его признания обществом (посредством законодательства). Разрушить действующий стереотип, а следовательно, и изменить отношение общества к инвалидам способны их активная социальная позиция, умение адекватно оценивать свои возможности и реально определять свои жизненные притязания.

Проведенный нами социологический анализ действующего в белорусском обществе социального стереотипа в отношении инвалидов позволяет сделать следующие выводы.

1. Сформированный в сознании белорусов образ инвалида как человека, ввиду особенностей своего психофизического развития не способного стать равным членом общества, а потому нуждающимся в постоянной помощи, в целом фактически не соответствует реальной действительности.

2. Указанный стереотип сформирован не только на основе исторически сложившихся традиций отношения белорусского общества к указанной категории людей, но и ввиду отсутствия у большинства граждан нашей страны информации о жизненных проблемах и о реальных возможностях инвалидов.

3. Значительная часть людей, имеющих инвалидность, представляет собой группу населения страны с активной жизненной позицией. Большинство белорусских инвалидов способны при правильно организованной системе помощи стать равными, полезными обществу людьми.

4. Сегодня в белорусском обществе происходят определенные изменения отношения к инвалидам, но вместе с тем не следует в ближайшем будущем ожидать кардинальных изменений в сторону правильного понимания инвалидности как социального феномена. Основным двигателем процесса трансформации социального стереотипа инвалида,

по нашему мнению, должны стать сами инвалиды, демонстрирующие обществу свою практическую социальную, в том числе и трудовую, активность. Сегодня на улицах наших городов человек с инвалидностью уже не редкость. Однако чаще всего его можно видеть в роли просящего помощи. Значительно реже в нашей стране можно видеть инвалида, который работает. Априори каждый работающий инвалид играет важную роль в создании положительного имиджа всех инвалидов, меняя тем самым отношение к ним общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Агеев В. С.* Психологическое исследование социальных стереотипов // *Вопр. психологии.* 1986. № 1. С. 96–101.
2. *Ананьев В. Л.* Стереотип, искажающий реальность. Анализ проблемы слепых и слабовидящих по данным социологического опроса жителей Минска // *Беларус. думка.* 2013. № 11. С. 96–101.
3. *Янгсон Р. М.* Медицинский энциклопедический словарь. М. : АСТ : Астрель, 2005.
4. *Ананьев В. Л.* Социальная реабилитация инвалидов по зрению в Республике Беларусь: социологический анализ : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.08. Минск, 2015.

ДЕЛОВАЯ СРЕДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Роль предпринимателей в экономике необычайно велика. Они обеспечивают необходимую мобильность в условиях рынка, особенно в кризисные периоды, способны быстро заполнять ниши, образующиеся в потребительской сфере, направляют значительную часть выручки на модернизацию и развитие инновационного производства, развивают конкуренцию, формируют среду и дух предпринимательства, без которых невозможно развитие экономики.

Предпринимательство — это и экономическая функциональная роль, и социальная позиция. Существуют различные типологии предпринимательства.

По формам собственности выделяют:

- частные предприятия;
- государственные предприятия;
- предприятия в собственности общественных объединений (организаций).

По размеру предприятие может быть:

- малое;
- среднее;
- крупное.

По организационно-правовой форме различают:

- полное товарищество;
- коммандитное товарищество;
- открытое акционерное общество и закрытое акционерное общество;
- общество с ограниченной ответственностью и общество с дополнительной ответственностью;

- унитарное предприятие;
- крестьянское (фермерское) хозяйство.

По количеству собственников предприятия бывают:

- индивидуальные (собственность принадлежит одному физическому лицу);
- коллективные (собственность принадлежит одновременно нескольким субъектам);
- долевые (с определением долей каждого из них);
- совместные (без определения долей).

По распространению деятельности на различных территориях различают:

- местное;
- национальное;
- международное;
- мировое предпринимательство.

По сфере деятельности выделяют:

- производственное;
- коммерческое;
- финансовое;
- консультационное (консалтинговое).

Объектом нашего анализа является малое и среднее предпринимательство (МСП). Субъекты малого и среднего предпринимательства определяются по критериям, установленным Законом Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. «О поддержке малого и среднего предпринимательства» [1]. К субъектам малого предпринимательства относятся: микроорганизации — зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год до 15 человек включительно; малые организации — зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год от 16 до 100 человек включительно¹. К субъектам среднего предпринимательства (средние организации) относятся зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год от 101 до 250 человек включительно.

В Республике Беларусь на конец 2019 г. было зарегистрировано 110 777 микроорганизаций, малых и средних организаций. Средняя численность работников организаций составляет 27,4 % от общереспубликанского показателя. В табл. 9.1 представлены данные о количестве

¹ К субъектам малого предпринимательства также относятся индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в Республике Беларусь.

МСП по годам начиная с 2015 г. Следует отметить, что статистические данные по микроорганизациям за 2013, 2016 и 2019 гг. приведены по результатам проведения сплошного наблюдения, за 2014–2015 и 2017–2018 гг. – по результатам проведения выборочного государственного статистического наблюдения за финансово-хозяйственной деятельностью микроорганизаций [2, с. 6].

Таблица 9.1

**Численность микроорганизаций, малых и средних организаций
в Республике Беларусь**

Тип организации	Год				
	2015	2016	2017	2018	2019
Микроорганизация	107 441	107 382	109 971	111 214	110 777
Малая организация	2 394	2 315	2 245	2 237	2 235
Средняя организация	92 684	93 288	95 854	97 449	96 789
<i>Всего</i>	12 363	11 779	11 872	11 528	11 753

Представленные в табл. 9.1 данные свидетельствуют о том, что общая численность предприятий МСП увеличилась за пять лет, но рост произошел благодаря появлению новых микроорганизаций. Количество средних и малых организаций в 2019 г. по сравнению с 2015 г. сократилось.

Особый интерес представляет распределение организаций малого и среднего предпринимательства по областям и городу Минску:

- Брестская область – 10 437;
- Витебская область – 8838;
- Гомельская область – 9948;
- Гродненская область – 8364;
- Город Минск – 43 610;
- Минская область – 20 922;
- Могилевская область – 8658.

Лидерами по количеству организаций МСП были и остаются Минск и Минская область, где сосредоточено более половины (58,3 %) бизнеса страны.

Для подтверждения значимости малого и среднего предпринимательства в развитии экономики Беларуси приводим данные о вкладе субъектов МСП в основные макроэкономические показатели страны [2, с. 4–5]:

- валовой внутренний продукт – 26,1 %;
- валовая добавленная стоимость – 30 %;
- выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг – 43,2 %;

- объем промышленного производства – 18,4 %;
- розничный товарооборот организаций торговли – 33,1 %;
- товарооборот общественного питания – 48,1 %;
- оптовый товарооборот организаций оптовой торговли – 81,7 %;
- внешняя торговля товарами – 45,8 %.

По некоторым позициям вклад предприятий МСП составляет примерно треть достигнутых объемов всеми предприятиями страны, а по другим приближается к половине; товарооборот организаций МСП оптовой торговли значительно превосходит товарооборот предприятий государственной формы собственности.

Таким образом, важность и значимость частного сектора в лице малых и средних предприятий очевидна. Но возникает вопрос: насколько комфортно себя чувствуют руководители и владельцы этих предприятий при организации и ведении бизнеса в Беларуси?

Каждая страна заботится о развитии особой деловой среды, включающей благоприятный предпринимательский и инвестиционный климат, защиту прав собственности инвесторов, кредиторов, акционеров, антимонопольное регулирование, поддержку становления малого и среднего бизнеса, оптимальные административные процедуры. Оптимизация деловой среды – это обеспечение условий, способствующих эффективной деятельности предприятий, условий, которые дают стимулы к инновациям, повышают производительность труда, что положительно влияет на занятость и налоговые поступления, увеличивая объемы ресурсов для финансирования здравоохранения, образования и других государственных услуг. Неблагоприятная деловая среда, напротив, создает барьеры для предпринимательской деятельности и снижает возможности по реализации потенциала экономики страны с точки зрения занятости, объемов производства, благосостояния. Исследование данных условий позволяет прогнозировать перспективы конкурентоспособности отечественных предприятий и национальной экономики в целом.

Для объективной оценки сформировавшейся в Беларуси деловой среды необходимо анализировать информацию, получаемую на основе использования социологического теоретико-методологического и методико-процедурного арсенала – речь идет об опросах руководителей и владельцев малых и средних предприятий частной формы собственности.

В период с 2017 по 2020 г. ЦСПИ БГУ провел три исследования по изучению деловой среды и выявлению проблем функционирования предпринимательства в Республике Беларусь. Заказчиками исследований выступали Группа Всемирного банка, Европейский банк ре-

конструкции и развития, Международная финансовая корпорация. Представим некоторые методологические особенности и результаты этих исследований.

Исследования предприятий BEEPS (*Business Environment and Enterprise Performance Survey*) проходят в 140 странах мира и фокусируются на изучении отдельных аспектов бизнес-среды. В 2018–2019 гг. проводилась уже шестая волна. ЦСПИ БГУ участвует в данном проекте с 2008 г.

Блоки вопросов, содержащихся в инструментарии BEEPS, включают следующие темы: инфраструктура, торговля, финансы, регулирование, налоги и лицензирование бизнеса, коррупция, преступность и нарушения формальных требований, доступ к финансам, инновациям, труду и восприятие препятствий для ведения бизнеса. Следует отметить, что в данном мониторинговом исследовании используется иная классификация размера предприятий: малое – от 5 до 19 сотрудников, среднее – от 20 до 99 и крупное – 100 сотрудников и более¹. Предприятия с менее чем пятью сотрудниками не участвуют в опросе. Предприятия, которые на 100 % принадлежат государству, также не подходят для участия в опросе.

Опросы проводятся по репрезентативной выборке несельскохозяйственных, официально зарегистрированных частных предприятий. Охват сектора определяется последовательно во всех странах и включает в себя весь производственный сектор и большинство секторов услуг: розничную торговлю, оптовую торговлю, ремонт автомобилей, гостиницы и рестораны, транспорт, хранение, связь, строительство и ИТ. Секторы коммунальных услуг, государственных услуг, здравоохранения и финансовых услуг не включены в выборку.

В Республике Беларусь с октября 2018 г. по апрель 2019 г. были опрошены владельцы и руководители 600 предприятий.

Исследование «Деловая среда в Беларуси – 2019» проводилось с марта по июнь 2019 г. в рамках Консультативной программы Международной финансовой корпорации (IFC) по улучшению деловой среды и развитию конкуренции в Беларуси на 2018–2021 гг. при поддержке и финансировании Европейского союза и Шведского агентства развития по международному сотрудничеству (SIDA). Объектом исследования выступали микроорганизации, малые, средние предприятия Республики Беларусь, а также индивидуальные предприниматели.

¹ Данные о генеральной совокупности предприятий частной формы собственности в такой разбивке по численности сотрудников были представлены Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь.

Целью исследования являлось определение текущей ситуации в ведении бизнеса — возможность получения кредитов, особенности прохождения административных процедур, конкурентоспособность предприятий республики. Инструментарий включал в себя следующие блоки вопросов: спрос на кредитные ресурсы (финансирование), реестр движимого имущества, обремененного залогом, общие условия ведения бизнеса, конкуренция, административные процедуры, женщины в бизнесе.

Всего в ходе исследования было опрошено 702 респондента, в том числе руководителей и владельцев микроорганизаций — 229, малых предприятий — 167, средних предприятий — 77, индивидуальных предпринимателей — 229. Модель выборки для микроорганизаций, малых и средних коммерческих предприятий была построена с использованием статистических данных по ряду существенных характеристик генеральной совокупности. Квоты заданы по взаимосвязанным параметрам, полученным в результате группировки первичной статистической информации по трем признакам: размер предприятия, тип (основной) экономической деятельности предприятия, региональная локализация предприятия. Параметры квот в процентном выражении воспроизводят структуру генеральной совокупности по контрольным признакам.

Исследование «Поддержка предпринимательства и экономического развития в Республике Беларусь» осуществлялось по заказу Группы Всемирного банка с ноября 2019 г. по январь 2020 г. Исследование было направлено на выявление факторов роста малого и среднего предпринимательства, ограничений развития, потребностей и требований государственной поддержки для разработки национальной программы развития МСП в Республике Беларусь. Объектом исследования выступали малые и средние предприятия Республики Беларусь. Метод — полуструктурированные интервью лицом к лицу с руководителями малых и средних предприятий Республики Беларусь. Объем выборки — 91 респондент.

Разработанный инструментарий включал в себя следующие блоки вопросов: структура компании, структура рынка компании, потенциал роста компании, информация о клиентах, информация о поставщиках, информация о конкурентах, факторы роста компании, используемые источники информации, факторы, ограничивающие рост компании, факторы, ограничивающие инновационное развитие компании, стратегия компании.

Целью нашей работы не является полный обзор ключевых индикаторов деловой среды в Республике Беларусь. Мы представим лишь

некоторые данные перечисленных исследований: проблемы, с которыми сталкиваются предприятия частной формы собственности, факторы, ограничивающие рост/развитие компаний, планы на будущее.

Целесообразно представить сравнительный анализ препятствий для ведения бизнеса в стране в 2008, 2013 и 2018–2019 гг. (BEEPS VI). В ходе опроса респонденты должны были выбрать из 15 вариантов самое большое препятствие для работы их предприятия. При анализе выделялось лишь 10 основных препятствий. Мы в табл. 9.2 указали 13 мешающих развитию бизнеса ограничений, которые отмечались во всех трех волнах.

Таблица 9.2

Основные ограничения бизнес-среды (% , ранговое место)

Ограничение бизнес-среды	2008 г.		2013 г.		2019 г.	
	%	Место	%	Место	%	Место
Ставки налогообложения	26	1	23	1	22	1
Получение лицензий и разрешений	14	2–3	–	–	7	6
Недостаточный уровень образования рабочей силы (в 2018 г. – недостаточная подготовка сотрудников)	13	2–3	22	2	12	3
Таможня и правила торговли (в 2018 г. – таможенные правила и правила импорта и экспорта)	8	4	2	8–9–10	6	7–8
Деятельность неформального сектора (в 2018 г. – деятельность конкурентов из теневого сектора экономики)	7	5	12	4	8	4–5
Доступ к финансам	6	6–7	18	3	17	2
Преступность, воровство и беспорядки	6	6–7	2	8–9–10	–	–
Коррупция	5	8	3	7	–	–
Политическая нестабильность	3	9	5	5	8	4–5
Трудовое законодательство	2	10	2	8–9–10	–	–
Работа судебных систем	–	–	–	–	6	7–8
Транспорт	–	–	–	–	4	9
Доступ к получению земли	–	–	4	6	3	10

Как свидетельствуют результаты исследования, представленные в табл. 9.2, самое большое препятствие для бизнеса (первое ранговое место) — налоговые ставки. Такой результат не удивляет, так как предприниматели в любой стране жалуются на высокие налоги. Следует отметить два факта: налог в отношении корпоративного бизнеса в Беларуси достаточно низкий и процент компаний, которые упоминают налоговые ставки как наибольшее препятствие, незначительно упал по сравнению с 2008 и 2013 гг.

Второе и третье ранговые места в списке проблем занимает недостаточный уровень образования рабочей силы, недостаточная подготовка сотрудников. Беларусь всегда имела репутацию страны с хорошо подготовленной, квалифицированной рабочей силой. Данные переписи населения Беларуси в 2019 г. также свидетельствуют о достаточно высоком образовательном уровне трудоспособного населения. Среди всех жителей Беларуси в возрасте от 20 до 59 лет 77,5 % имеют высшее, среднее специальное или профессионально-техническое образование. Представляется, что проблема заключается не в уровне образования, а в более жестких требованиях, предъявляемых к сотрудникам со стороны руководителей фирм. В настоящее время ценится не только дисциплинированность, профессионализм, но и инновационный, творческий подход к выполняемой работе, умение работать в коллективе.

Еще одна высокорейтинговая проблема в бизнесе в 2013 и 2019 гг. — доступ к финансам. Следует подчеркнуть, что за прошедшие 5–6 лет ситуация в данном вопросе не поменялась: 18 % руководителей компаний в 2013 г. и 17 % в 2019 г. указали, что нехватка финансов является препятствием для развития бизнеса.

Результаты исследования «Деловая среда в Беларуси — 2019» свидетельствуют о том, что у более чем четверти микропредприятий (28,8 %) и средних организаций (27,3 %) в настоящий момент имеется неудовлетворенная потребность в финансировании. У малых организаций эта потребность еще больше — 37,7 %. Почти каждый второй (46 %) руководитель малого предприятия планирует обращаться в банк за кредитом. Основной причиной отказа от необходимого кредита — неблагоприятные процентные ставки (об этом заявило абсолютное большинство участников исследования).

В ходе исследования «Поддержка предпринимательства и экономического развития в Республике Беларусь» руководителям малых и средних организаций сферы производства и услуг был задан следующий вопрос: «Существует ряд факторов, ограничивающих рост/развитие компаний. Оцените, пожалуйста, насколько каждый из следующих факторов ограничивает рост/развитие Вашей компании». Оценка давалась

по шкале от 1 до 5, где 1 – фактор вообще не ограничивает развитие компании, 5 – ограничивает в наибольшей степени, 0 – какой-либо из факторов был не актуален для компании. В табл. 9.3 представлен средний балл по каждому фактору.

Таблица 9.3

Средний балл факторов, ограничивающих развитие компаний

Факторы	Средний балл
Внутренние:	
– менеджмент	2,21
– человеческие ресурсы (обучение/навыки)	3,34
– финансы	3,60
– возможности по сбыту продукции (возможность выхода на новый рынок)	3,35
– устаревание продуктов или процессов	2,59
Внешние:	
– преимущество конкурентов	2,69
– клиенты (снижение объемов рынка, нестабильность рынка)	3,07
– барьеры для входа (на новых рынках)	2,99
– человеческие ресурсы (найм/текучесть)	3,33

Среди внутренних факторов главными ограничителями являются финансы, выход на новые рынки и человеческие ресурсы (обучение/навыки), среди внешних факторов – человеческие ресурсы (найм/текучесть) и нестабильность рынка. Средняя оценка по этим позициям составляет более 3 баллов.

Наличие проблем и сложностей ведения бизнеса в Республике Беларусь вовсе не означает отказ от предпринимательской деятельности. Опрос 473 руководителей/владельцев микропредприятий, малых и средних организаций свидетельствовал о том, что мало кто из них в ближайшее время¹ собирается продавать или закрывать бизнес/предприятие (соответственно 2,1 и 1,3 %). В планах у респондентов – увеличение объемов продаж (94,7 %), расширение рынков сбыта (70,4 %), освоение новых видов деятельности (услуг) / выпуска новой продукции (61,3 %), расширение рынков сбыта за рубежом (32,6 %). Менее оптимистичны пред-

¹ Опрос проходил до начала пандемии COVID-19, возможно, ответы в настоящее время были бы иными.

приниматели в своих возможностях привлечь иностранные инвестиции (12,1 %) и вкладывать собственные средства в бизнес за рубежом (3,6 %).

При сравнении планов по развитию собственного бизнеса у микропредприятий, малых и средних организаций не было выявлено существенных различий (рис. 9.1). Исключение составляют только намерения расширить рынок сбыта за рубежом и привлечение иностранных инвестиций. Эти направления развития бизнеса в большей мере представляют интерес для средних предприятий.

Рис. 9.1. Распределение ответов на вопрос «Что из нижеперечисленного входит в планы Вашего предприятия на 2019–2021 гг.?» в зависимости от размера организации

Одной из задач проведенных исследований является изучение мнения белорусских предпринимателей о том, как преодолеть существующие проблемы и добиться успеха. В бланк интервью исследования «Поддержка предпринимательства и экономического развития в Республике Беларусь» был включен открытый вопрос «Назовите ключевые факторы успеха в отрасли, способствующие росту предприятий». Полученные ответы позволяют говорить о том, что в настоящее время наиболее актуальным для развития бизнеса в стране является кадровый вопрос. Об этом заявили 35,2 % опрошенных руководителей: развитие бизнеса невозможно без «креативного персонала», «уникального человеческого капитала», «творческого подхода работников», «коллективного интеллекта», «без кадров с современными знаниями», «слаженного коллектива».

Также важными направлениями в совершенствовании деятельности предприятий являются маркетинговая политика, реклама, организация сбыта и поиск клиентов (25,3 %). Руководители и владельцы предприятий отмечали важность «грамотного маркетинга, мониторинга продаж», «оперативного отслеживания тенденций рынка», «коммерциализации научных разработок», «развития интернет-продаж», «умения удовлетворить все требования клиента, чтобы он вернулся сам и порекомендовал другим».

По мнению участников исследования, обязательным условием успешной деятельности является освоение новых технологий и внедрение современного оборудования (24,2 %): «развитие процессов цифровизации в Беларуси», «переход на технологии XXI века, контроль качества», «создание и внедрение инновационных продуктов на отечественном рынке, успешный экспорт разработок и технологий», «модернизация и запуск эксклюзивного оборудования».

Таким образом, результаты исследований по изучению деловой среды Республики Беларусь, проведенных в режиме мониторинга, позволяют описывать проблемное поле бизнес-сообщества, выявлять существующие тенденции развития экономики в стране и учитывать мнение субъектов хозяйственной деятельности при разработке государственных программ по поддержке малого и среднего предпринимательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О поддержке малого и среднего предпринимательства : Закон Респ. Беларусь от 01.07.2010 № 148-З [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11000148> (дата обращения: 28.10.2020).

2. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь : стат. сб. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ОПЫТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ПОКОЛЕНИЯ И ГЕНДЕР»)

В 2017 г. в рамках проекта «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь» было проведено исследование «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов». Сбор социологической информации осуществлялся с учетом методологических требований и подходов международной программы «Поколения и гендер» (*Generations and Gender Programme – GGP*). Таким образом, наша страна подключилась к международному проекту, целью которого является изучение и анализ динамики становления и развития института семьи и семейных отношений в различных странах мира, репродуктивной ориентации и поведения граждан, тенденций рождаемости в меняющихся социально-экономических условиях.

Проведенное исследование позволило выявить ряд сложностей в организации процесса сбора социологической информации. В данной главе подробно анализируются вопросы, возникшие в ходе сбора информации.

В Республике Беларусь полевые исследования по проекту «Поколения и гендер» проводились с мая по ноябрь 2017 г. Было опрошено 10 000 жителей Беларуси в возрасте от 18 до 79 лет в 96 населенных пунктах страны. В опросе приняли участие свыше 400 интервьюеров. Было

проведено 27 тренингов для интервьюеров, 5 семинаров-тренингов для супервайзеров и кураторов регионов.

Руководители исследования выделили два ключевых подхода к управлению консорциумом, осуществляющим реализацию исследовательских задач:

- стратегическое управление;
- оперативно-тактическое управление.

Стратегическое управление проектом предполагало систему действий, связанных с созданием оптимальных условий для работы всех структур консорциума на базе единой социологической методологии, разработанной заказчиком исследования и адаптированной национальной командой к реалиям и особенностям белорусского исследовательского поля, обеспечением взаимодействия всех структур консорциума с целью достижения высокого результата исследования, т. е. получения надежной, объективной и репрезентативной информации в установленные рабочим планом сроки.

Оперативно-тактическое управление исследовательскими работами предусматривало решение локальных задач: выявление возникающих в ходе полевых работ проблемных ситуаций, а также определение эффективных путей и способов их быстрого разрешения.

Стратегическое управление исследовательским консорциумом осуществляла методологическая группа проекта. Она участвовала в разработке и утверждала все документы сопровождения проекта, организовывала тренинги-семинары всех категорий исследовательских групп, поддерживала постоянные контакты с руководством международного проекта «Поколения и гендер» с целью согласования возможных стратегических и тактических изменений в методологии. Эта группа определяла реализуемую модель выборочной совокупности и контролировала степень ее реализации, определяла возможности корректировки модели и пути ремонта выборочной совокупности. Группа рассматривала и утверждала стратегии и возможности снижения уровня недостижимости респондентов, устанавливала планы объемов сбора информации, еженедельно анализировала ход полевых работ, контролировала информационно-пропагандистскую кампанию, проводила диспетчерские онлайн-конференции с управляющими структурами полевых работ, определяла пути повышения интенсивности и качества работы интервьюеров, супервайзеров и кураторов регионов, наблюдала за ходом внутреннего контроля над качеством сбора информации.

Учитывая важность данного проекта, его международное и национальное значение, научно-методологическое руководство проектом осуществлял директор ЦСПИ БГУ. В состав методологической группы входили также руководитель республиканской опросной сети, специалист по выборке, специалист по обработке социологической информации, специалист по работе с планшетными компьютерами, специалист по коммуникациям.

Для обеспечения высокого уровня проведения научно-исследовательских работ наряду с методологической группой проекта был создан международный консультативный совет. Функция данной структуры – участие в обсуждении на экспертном уровне различных проблем, возникающих в процессе сбора социологической информации. В состав совета входили известные специалисты ряда европейских государств, в частности представители методологического комитета Всемирной ассоциации по изучению ценностей (*World Values Survey Association – WVSA*).

Важнейшим компонентом организации и проведения исследовательских работ являлось оперативное-тактическое управление. Его функция – руководство процессом сбора информации, контроль над соблюдением условий выборки исследования, консультирование интервьюеров по работе с планшетами, анализ промежуточных результатов опроса, выявление возникающих в ходе полевых работ проблемных ситуаций, а также определение эффективных путей и способов их быстрого разрешения. Названную функцию осуществляла группа специалистов ЦСПИ БГУ в рамках трех рабочих блоков: техническое сопровождение НИР; сбор социологической информации; внутренний и внешний контроль качества сбора информации.

В состав первого рабочего блока входили: руководитель группы технического сопровождения исследования; специалист по сопровождению работы планшетных компьютеров; специалист по первичной обработке информации; специалист по контролю и корректировке выборки; специалист по документации исследования; специалист по финансовому и организационному обеспечению исследования; специалист по коммуникациям. Задачами руководителя данной группы являлись координация работ по всем составляющим первого блока, оперативное выявление возникающих проблемных ситуаций и определение возможностей их разрешения. Руководитель группы проводил экспресс-совещания со специалистами группы, находился в постоян-

ном контакте с руководителем исследования и руководителем республиканской опросной сети.

Обязанностью специалиста по сопровождению работы планшетных компьютеров являлось консультирование интервьюеров опросной сети, осуществляющих сбор социологической информации с использованием названных электронных устройств, а в случае необходимости и обучение этой группы сотрудников правилам использования планшетных компьютеров, проверка качества работы этих устройств, а также надежности функционирования программного обеспечения.

Специалист по первичной обработке информации осуществлял на базе данных, переданных головной организацией в формате *SPSS* после выгрузок недельных результатов замеров, обработку полученной части массива, строил динамическую таблицу изменения ситуации в демографической статистике опросных данных и передавал полученную информацию специалисту по выборке.

Специалист по контролю и корректировке выборки регулярно отслеживал промежуточные результаты опроса, фиксировал возможные отклонения социально-демографических показателей в собранных данных по сравнению со статистическими показателями, а также вносил предложения по способам корректировки или ремонта выборки, согласовывая данные предложения с головной организацией проекта в Нидерландах.

Специалист по документации исследования проверял правильность заполнения интервьюерами и руководителями опросной сети основных документов сопровождения опроса, формировал архив этих документов, создавал адресную панель для проведения последующих волн проекта.

Специалист по финансовому и организационному обеспечению исследования осуществлял расчеты материального вознаграждения участников проекта.

Специалист по коммуникациям отвечал за контакты со средствами массовой информации, общественными организациями и представителями властных структур.

Второй рабочий блок — сбор социологической информации — является важнейшей составляющей любого социологического исследования, включает те замеры, в которых применяются современные подходы к получению данных, позволяющих осуществить объективный анализ изучаемой ситуации и разработать комплекс рекомендаций для решения проблем, ставших предметом социологического изучения. Этап

сбора информации в профессиональной социологической среде называется полевым. Ключевую роль в реализации целей и задач данного этапа играет опросная сеть. Именно сотрудники этого структурного подразделения, которое является неотъемлемой частью любой профессиональной социологической службы, проводят опросы респондентов, соблюдая при этом все требования и правила выборочной модели, применяемой для данного исследования.

Структура опросной сети, которая напрямую подчиняется научно-му руководителю исследования, выглядит следующим образом:

- руководитель республиканской опросной сети;
- кураторы регионов;
- руководители региональных отделений опросной сети (супервайзеры);
- интервьюеры.

Руководитель республиканской опросной сети координирует управление процессом сбора социологической информации. Он:

- несет ответственность за работу кураторов регионов;
- выходит на прямой контакт и принимает отчеты супервайзеров;
- осуществляет по необходимости консультирование интервьюеров;
- организует работы супервайзеров по формированию региональных групп интервьюеров опросной сети, контролирует работу кураторов регионов;
- принимает отчетные документы исследования в целом по стране;
- на основе отчетов кураторов регионов ежемесячно готовит сводную ведомость для оплаты работы супервайзеров, интервьюеров, кураторов регионов;
- готовит соответствующий раздел в технический отчет о ходе полевых работ;
- организует тренинги по специальной подготовке кураторов регионов, супервайзеров и интервьюеров опросной сети.

Куратор региона – специалист, в обязанности которого входит:

- подготовка списка адресов для курируемого региона;
- проведение тренингов интервьюеров в регионах;
- консультации региональных супервайзеров и интервьюеров, в том числе по работе с планшетами;
- прием и обработка сопроводительных документов исследования по региону;
- контроль за ходом проведения полевых работ в регионе;
- контроль качества сбора информации в регионе;

– подготовка отчета о ходе полевых работ в регионе каждые две недели;

– подготовка ведомости по материальному вознаграждению супервайзеров и интервьюеров курируемого региона ежемесячно.

В систему управления полевыми работами входят супервайзеры. Представители данной полевой группы отвечают:

- за подбор интервьюеров и их возможную ротацию;
- подготовку конкретного задания для каждого интервьюера (моделирование маршрутов, выборка);
- постоянное консультирование интервьюеров;
- координацию деятельности интервьюеров;
- контроль за ходом проведения полевых работ в регионе;
- прием отчетных документов исследования;
- проверку качества заполнения отчетных документов исследования;
- составление отчета о ходе полевых работ по своему региону;
- подготовку сведений для куратора региона о проделанной интервьюерами работе каждый месяц;
- контроль использования и сохранности планшетов.

Супервайзеры в случае необходимости должны вступать в контакт с представителями местной власти с целью разъяснения им сути и содержания проводимых социологических исследований, а также сообщать о возникновении внештатных ситуаций в ходе сбора социологической информации кураторам регионов, руководителю опросной сети ЦСПИ БГУ или непосредственно научному руководителю проекта.

Важной составляющей республиканской опросной сети, выполняющей комплекс работ в рамках социологического исследования, являются интервьюеры. Именно они вступают в прямой контакт с респондентами. Основными требованиями к интервьюерам являются:

- желание работать, участвовать в исследовании;
- знание особенностей функционирования электронных устройств, на которых фиксируется собираемая информация;
- умение вступать в контакт с респондентами;
- умение общаться и поддерживать данный контакт до завершения опроса;
- умение получать ответы респондента без давления на него, а также без подсказок и намеков;
- умение грамотно говорить, формулировать свои мысли;
- умение правильно одеваться;

– хорошее знание как содержания инструментария, так и целей исследования;

– умение вызвать симпатию собеседника.

Социологическое исследование включает в себя четыре этапа:

– подготовительный этап;

– сбор информации (полевой этап);

– этап подготовки и обработки информации;

– этап анализа обработанной информации, подготовки научного отчета по итогам исследования, а также формулирование выводов, выработка рекомендаций и предложений для заказчика.

Опишем особенности проведения первых двух этапов исследования «Поколения и гендер» в Беларуси.

Подготовительный этап исследования начинался с разработки плана-графика проведения полевых работ. В нем фиксировалась последовательность работ, их содержание, сроки проведения, указывались фамилии ответственных за каждый из видов работ. С помощью плана-графика осуществлялся оперативный контроль за своевременным и качественным проведением всего комплекса полевых работ.

Подготовка к исследованию велась по четырем направлениям:

- проведение пилотажного исследования;
- подготовка полевой документации;
- формирование и обучение полевого персонала;
- обеспечение информационной поддержки проекта.

Проведение пилотажного исследования.

До начала пилотажа было проверено соответствие английской и русской версий инструментария. Анкета прошла тестирование на английском языке, а затем был представлен полный русский перевод, т. е. перевод прошел перекрестную проверку посредством обратного перевода.

Обсуждение инструментария на русском языке проходило в тесном контакте с заказчиком. Например, БГУ был не удовлетворен показателями уровня образования. Нидерландский междисциплинарный демографический институт (*NIDI*) и БГУ работали вместе над адаптацией положений Международной стандартной классификации образования (*МСКО*) к белорусской системе образования. В итоге исследователи смогли расширить показатели уровня образования, чтобы отразить детали белорусской системы, которые не были учтены в классификации *МСКО*.

Помимо переводческих и концептуальных вопросов *NIDI* и БГУ сотрудничали над адаптацией анкеты к национальному контексту. Например, основная анкета *GGP* предусматривала вопрос, были ли у ре-

спондента партнеры того же пола. Это потенциально деликатный вопрос в Беларуси, поэтому по данному вопросу анкета была адаптирована на усмотрение интервьюера. Вместо того чтобы задавать вопрос универсально, интервьюерам было предложено спросить, были ли какие-либо предыдущие отношения гомосексуальными, если у них были основания так предполагать. Этот вопрос задавался после того, как респонденты указывали предыдущих партнеров, и если мужчина-респондент называл мужские имена предыдущих партнеров, интервьюер мог попросить разъяснений по полу предыдущих партнеров.

Исследовательская группа четко понимала, что при проведении международного сравнительного исследования сбор социологической информации осуществляется по единому инструментарию и вносить какие-либо изменения без согласования с заказчиком (*NIDI*) запрещено. В то же время поскольку команда Республики Беларусь первой из стран – участниц проекта проводила исследование на планшетах по новому инструментарию, именно ей было поручена не только апробация опроса методом *SAPI*, но и тестирование инструментария. В силу указанных причин особое внимание на подготовительном этапе уделялось проведению пилотажа.

В ходе пилотажного исследования обычно выполнялись следующие действия:

- тестировались различные словесные формулировки, формы и шкалы вопросов;
- уточнялось, всем ли респондентам ясна формулировка вопросов;
- выяснялось, является ли оптимальной структура инструментария;
- прослеживалось, как респонденты реагировали на те или иные вопросы;
- выяснялось, есть ли необходимость добавить или удалить отдельные вопросы;
- проверялось качество операционализации основных понятий (*семья, домохозяйство, партнер/партнерша, брак, партнерский союз, биологические родители, приемные родители, отчим/мачеха, усыновители, пасынок/падчерица* и др.);
- определялось время, затрачиваемое на проведение одного интервью с респондентами, имеющими различные социально-демографические характеристики;
- анализировались невербальные реакции участников интервью на вопросы инструментария, влияющие на качество получаемой информации (вегетативные, мимические движения, жесты).

Выборка для пилотажа была квотной. Ее главная цель — это не презентация соотношения признаков в генеральной совокупности, а обеспечение равномерной наполненности различных социально-демографических групп. Объем выборки в пилотажном исследовании не имеет четкого методического обоснования. В Беларуси было проведено 25 пилотажных интервью. Отбор респондентов осуществлялся методом снежного кома.

Использовались следующие социально-демографические признаки: пол (женщины, мужчины); возраст (женщины в возрасте 18—49 лет, женщины в возрасте 50—79 лет, мужчины в возрасте 18—59 лет, мужчины в возрасте 60—79 лет); образование (высшее, среднее специальное, общее среднее).

При подготовке пилотажа учитывались следующие особенности населения Беларуси:

- процентное соотношение женщин и мужчин в стране — 53,5 и 46,5 %. Однако интервью было проведено с 12 женщинами и 13 мужчинами. Такое распределение объясняется тем, что респонденты-мужчины не высказывают особого желания участвовать в таких исследованиях, не всегда бывают искренними и заинтересованными в длительной беседе. Поэтому в ходе беседы ставился вопрос и о формировании мотивации к участию в опросе по проблемам семьи;

- возрастные границы женщин-респондентов определялись фертильным возрастом, мужчин — возрастом выхода на пенсию;

- преобладание респондентов с высшим образованием объясняется желанием получить максимум критических замечаний, поговорить о неясностях и о тех вопросах, которые затрудняют работу с бланком интервью.

Наиболее важным признаком для отбора участников пилотажа в исследовании является семейное положение респондента. Были выделены следующие группы:

- женаты/замужем — проведено 12 интервью (в том числе 1 — находится в стадии развода, 1 — живет с другой партнершей);

- разведены — 10 (в том числе 6 — живут в повторном гражданском браке; 1 — живет в гостевом браке);

- не была замужем — 1 (но имеет двоих детей);

- вдова — 1;

- не замужем и не имеет партнера — 1.

Представленные варианты семейного статуса позволяли не только тестировать различные смысловые блоки инструментария, но и опре-

делять время, затрачиваемое на проведение одного интервью с респондентами, имеющими партнеров, и без партнеров.

В ходе проведения пилотажного исследования также учитывалось место жительства респондентов: столица, областной центр, город с населением свыше 100 000 человек, малый город, поселок городского типа, сельский населенный пункт.

Пилотажные интервью проводились по месту жительства (21 интервью) и по месту работы (4 интервью). Были случаи (2 интервью), когда при проведении опроса присутствовали другие люди (муж/жена, дети, родители), что вызывало определенные затруднения при ответе на личные вопросы, особенно касающиеся интимной жизни респондента, прежних партнеров, детей от прошлых браков (респонденты прерывали свой ответ на конкретный вопрос, предлагали интервьюеру перейти к следующему вопросу). С одной стороны, такая ситуация по правилам проведения пилотажного исследования не допускалась, но с другой – это позволяло спрогнозировать возможные реальные события в ходе полевых работ (прерванное интервью, раздражение респондента и членов семьи, не только отказ от интервью, но и требование уничтожить все предыдущие ответы и др.).

Одной из задач пилотажа, как уже отмечалось, является хронометраж проведения интервью. В Беларуси пилотажные интервью проводились методом *PAPI*, т. е. с использованием бумажного носителя, и методом *SAPI* с использованием планшета и отправкой интервью на сервер.

Продолжительность интервью по результатам пилотажа в Беларуси:

- средняя продолжительность одного интервью на бумажном носителе составила 1 час 46 минут;
- средняя продолжительность одного интервью на планшете составила 45 минут.

Перед началом полевых работ исследователи должны иметь информацию не только о продолжительности интервью в целом, но и о времени, затраченном на каждый блок, включенный в анкету. Эта информация использовалась для разработки технологии проведения инструктажа для интервьюеров.

После проведения опроса каждый интервьюер писал отчет, отмечая все проблемы и трудности. В завершение пилотажного исследования были проведены групповые обсуждения в форме онлайн-конференции с супервайзерами и фокус-группа с интервьюерами – сотрудниками ЦСПИ БГУ. Интервьюеры поделились впечатлениями, диску-

тировали между собой, при этом выплывала информация, которая не была зафиксирована в отчетах.

По результатам пилотажа был подготовлен отчет с рекомендациями по доработке инструментария.

Основные проблемы, которые были выявлены во время пилотажа: большая продолжительность интервью, трудности с ответом на вопросы, связанные с датами рождения, смерти, заключения брака и его расторжения, общим доходом домохозяйства, прежними партнерами, неоднозначное понимание некоторых терминов инструментария (*домохозяйство, банковские счета, краткосрочные счета, персональные пенсионные счета, государственные/корпоративные облигации, акции*).

Сотрудники *NIDI* учли ряд замечаний, внесли изменения в бланк интервью, прежде всего связанные со специфическими показателями страны (например, вопросы о доходах в национальной валюте, структуре образования в Республике Беларусь и др.). Вместе с тем ряд проблем методического плана остался.

Только после окончательного согласования с *NIDI* инструментарий был загружен на сервер *GGP*. Интервьюеры могли его скачать, проводить интервью, а затем загружать завершённые интервью на сервер. Остальные методические документы исследования (карточки адреса с карточкой отбора респондентов в домохозяйстве) были переданы в тираж.

Разработка и использование полевой документации.

На подготовительном этапе экспертной группой был подготовлен следующий комплект полевой документации и сопутствующих материалов для проведения полевых работ:

- 1) удостоверения интервьюера, бейдж;
- 2) сопроводительное письмо (подготовлено совместно с Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь);
- 3) инструкция для интервьюеров;
- 4) инструкция для супервайзеров;
- 5) бланк интервью;
- 6) комплект карточек для респондента во время проведения интервью;
- 7) задание по выборке;
- 8) карточка адреса с карточкой отбора респондента в домохозяйстве для проведенных интервью;
- 9) карточка адреса для непроведенных интервью;
- 10) форма отчета интервьюера;
- 11) форма отчета супервайзера;

- 12) блокнот и ручка для интервьюера;
- 13) подарки для респондентов (блокнот и ручка);
- 14) листовка для респондента с информацией о проекте, подготовленная совместно с Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь и Фондом ООН в области народонаселения (ЮНФПА);
- 15) письменное обязательство о конфиденциальности информации, полученной в ходе интервью;
- 16) письма о проведении исследования на имя руководителя предприятия, организации, которым принадлежали общежития, попавшие в выборку.

Команда Республики Беларусь понимала, что в ходе полевых работ остро проявляются все организационные и методические просчеты, поэтому особое значение на подготовительном этапе придавалось разработке инструкции для интервьюеров, в которой четко определялись порядок и правила проведения полевых работ по проекту. Инструкция включала следующие разделы:

- характеристика целей и задач исследования;
- правила поведения и обязанности интервьюеров;
- основные принципы отбора респондентов;
- правила заполнения полевой документации;
- инструкция по проведению интервью;
- структура бланка интервью;
- инструкция по использованию планшета;
- контактные номера телефонов супервайзеров и кураторов.

Была разработана также инструкция для супервайзеров, в которой давалась характеристика целей и задач исследования, описание функциональных обязанностей руководителей полевых групп каждого региона на подготовительном и полевом этапах, указывались точки опроса, основные принципы отбора респондентов, правила поведения и обязанности интервьюеров, особенности проведения контроля за работой интервьюеров, требования к заполнению отчетных документов.

Для работы интервьюеров были закуплены бейджи и подготовлены удостоверения. Многолетний опыт полевых работ свидетельствует, что при проведении опроса могут возникать экстремальные ситуации (консьержи не пускают в подъезд жилого дома, милиция задерживает интервьюеров, респонденты не хотят разговаривать, пока не увидят соответствующие документы, и т. п.). Предъявление документов, подтверждающих полномочия интервьюеров, облегчало установление контакта с респондентом и способствовало успешному разрешению конфликт-

ных ситуаций. С этой целью Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь также были подготовлены сопроводительные письма в адрес всех шести областных исполнительных комитетов и Минского городского исполнительного комитета об оказании содействия в проведении исследования.

Для опроса в общежитиях готовились специальные письма о проведении исследования на имя руководителя предприятия, организации, которым принадлежали эти общежития.

Для интервьюеров были приобретены блокноты для ведения полевых дневников. Понятно, что условия полевых работ не всегда комфортны и аккуратно заполнять отчетные документы (например, карточку адреса с карточкой отбора респондента в домохозяйстве) по месту проведения интервью было сложно. В блокнотах фиксировался общий контекст каждого интервью: имя, отчество респондента, по возможности фамилия, адрес, контактный номер телефона, состав домохозяйства, день рождения каждого члена семьи, все адреса, где не удалось провести опрос, причины недостижимости, личные наблюдения интервьюера, проблемные ситуации, возникшие в ходе опроса. После проведения опроса интервьюеры должны были оперативно переписать информацию о респонденте в карточки адреса / карточки отбора респондентов в домохозяйстве, что обеспечивало аккуратность заполнения документов, а также возможность уточнения необходимых данных в случае возникновения проблемных ситуаций, при контроле качества полевых работ.

Были закуплены специальные сумки-портфели для интервьюеров. Они обеспечили удобное хранение и использование планшетов, полевых документов, подарков для респондентов, их защиту от воздействия неблагоприятных погодных условий.

Обучение нового персонала.

За несколько месяцев до начала исследования проводилось обучение полевого персонала. Прежде всего специальную подготовку прошли кураторы регионов и супервайзеры. На семинаре-тренинге представители НИДИ и ЮНФПА рассказали о целях и задачах международного исследования, его актуальности, значимости. Сотрудники ЦСПИ БГУ описали структуру и особенности инструментария, указали сроки исследования, объем выборки, точки полевых работ, принципы отбора респондентов, специфику организации исследования. На семинаре особое внимание уделялось разъяснению задач супервайзеров и кураторов регионов в организации и проведении полевых работ по проек-

ту, вопросам сохранения конфиденциальности полученной информации, обеспечения сохранности планшетов, соблюдения интервьюером техники безопасности.

После получения задания супервайзеры формировали группы интервьюеров. На каждого зачисленного в полевую группу заполнялась карточка, в которой указывались фамилия, имя, отчество, дата рождения, профессия, домашний адрес, контактный телефон, место основной работы, название населенных пунктов, где он имеет возможность осуществлять сбор социологической информации, наличие личных средств передвижения, опыт участия в полевых работах.

Важным условием успеха полевых работ является подготовка интервьюеров. Команда ЦСПИ БГУ разрабатывала технологию инструктажа интервьюеров еще на этапе проведения пилотажных работ. В ходе пилотажа определялись наиболее проблемные вопросы, особенности психологического взаимодействия с респондентом, специфика проведения интервью на планшете. За неделю до начала полевых работ в каждом регионе организовывались тренинги для интервьюеров. Их проводили руководитель республиканской опросной сети, кураторы регионов, эксперты по выборке, инструментарию, работе с планшетами, супервайзеры. Основной целью тренингов интервьюеров являлось объяснение сути задания и процедуры опроса. Программа тренинга включала:

- 1) разъяснение важности и актуальности проекта;
- 2) инструктаж по структуре и содержанию инструментария;
- 3) инструктаж по выборке: разъяснение принципов отбора респондентов;
- 4) инструктаж по специфике проведения интервью с использованием планшетов, обучение интервьюеров работе на планшетах и передаче данных на сервер, оформление расписки интервьюера о получении планшета для работы;
- 5) инструктаж по правилам заполнения бланка карточки адреса / карточки отбора респондента в домохозяйстве, а также сопроводительной документации;
- 6) тренинг по отработке социально-психологических приемов общения интервьюеров с респондентами;
- 7) инструктаж о соблюдении конфиденциальности полученной информации, запрете на разглашение данных о респонденте;
- 8) инструктаж по технике безопасности и правилам поведения в чрезвычайных обстоятельствах с обязательной подписью интервьюера в ведомости по технике безопасности;

9) присвоение каждому интервьюеру персонального кода (состоит из четырех цифр: код региона и номера интервьюера);

10) предоставление каждому интервьюеру персонального задания (в письменном виде) с указанием количества респондентов, которых ему необходимо опросить, списка основных и дополнительных адресов, по которым необходимо провести опрос, сроков проведения опроса.

Все интервьюеры прошли не только аудиторные тренинги (групповое обучение), но и полевые тренинги (самостоятельное проведение пробных интервью и отправка их на сервер). Готовность интервьюеров к полевым работам определялась на собеседовании с супервайзерами, что позволило уточнить, насколько интервьюеры знают:

- какова цель проекта, его актуальность и значимость;
- каковы особенности и структура инструментария;
- как провести предварительный разговор с членами домохозяйства;
- как проводить отбор нужного респондента;
- как провести опрос на планшете, обеспечить его сохранность;
- как и когда отправлять проведенные интервью на сервер;
- как оформлять полевую документацию;
- как вести себя в экстремальных ситуациях, каковы правила техники безопасности;
- какие способы контроля качества полевых работ будут применены.

В конце собеседования супервайзер проверял, насколько интервьюеру понятно его персональное задание. Важно подчеркнуть, что только после участия в тренингах и собеседования с супервайзерами интервьюеры получали разрешение приступить к полевым работам.

Обеспечение информационной поддержки проекта.

Важным пунктом подготовительного этапа являлась работа по обеспечению информационной поддержки полевых работ. Для решения этой задачи супервайзеры передавали уведомительные письма о проведении исследования «Поколения и гендер» в регионе в местные органы власти (областные управления внутренних дел; областные, городские, районные администрации). Расширению информационного поля проекта также способствовали подготовленные ЮНФПА листовки и блокноты для респондентов, плакаты ЮНФПА, которые размещались в общественных местах (около магазинов, кинотеатров, ЖЭСов и т. п.), пресс-релиз для средств массовой информации, ролик с рекламой проекта на телевидении и т. д. Кроме того, большое значение имели публикации о проведении исследования в Беларуси в республикан-

ских, городских и районных газетах, а также на многих сайтах в интернете, сообщения по радио.

На этапе сбора информации интервьюеры, соблюдая методику исследования, в запланированные сроки проводили опрос, заполняли полевую документацию.

Перед началом опроса все члены полевой группы внимательно изучали содержание бланка интервью, инструкцию для интервьюера, правила заполнения сопроводительных документов. В случае возникновения каких-либо вопросов они обращались за разъяснением к супервайзеру, экспертам ЦСПИ БГУ.

Работа интервьюера проходила следующим образом. Интервьюер представлялся, показывал удостоверение, при необходимости – паспорт, сообщал о цели своего визита и предлагал человеку, подходящему по выборочным критериям, принять участие в исследовании. Контакт с респондентом интервьюеры начинали с краткого вступления. Приблизительный текст вступительного слова был приведен в инструкции для интервьюеров. Как правило, респонденты удивлялись, почему выбрали именно их, откуда взяли их адрес. Поэтому каждый интервьюер объяснял, что опрашиваемый отобран случайным образом с помощью компьютера на основе использования генератора случайных чисел. Респондента предупреждали, что информация будет использована только в обобщенном виде. Иногда респонденты, ссылаясь на занятость, пожилой возраст, предлагали обратиться к другому члену семьи, который моложе или, по их мнению, лучше знает проблему. Респонденту доходчиво объясняли, что замена невозможна и нужен для опроса именно этот, а не какой-либо другой член семьи. В случае если респондент отказывался от участия в опросе, интервьюер должен был попытаться убедить его дать интервью. Интервьюеру рекомендовалось приводить следующие аргументы:

- актуальность проблемы, значимость для решения социально-экономических проблем страны/региона;
- важность мнения данного респондента, уникальная возможность высказать свое мнение по проблеме (только 1 человеку из каждой 1 000 жителей Республики Беларусь предоставляется эта возможность);
- возможность принять участие в международном научном исследовании;
- возможность получить за участие в опросе подарок – блокнот и ручку с логотипом исследования.

В случае если вопреки всем аргументам респондент отказывался принять участие в исследовании, интервьюер должен был извиниться за причиненное беспокойство и прекратить общение.

После получения согласия на участие в опросе интервьюеры переходили к проведению интервью. Нередко интервьюер проводил опрос в коридоре, на лестничной площадке, во дворе частного дома. А так как интервью продолжалось длительное время, то дискомфорт испытывали и респонденты, и интервьюеры.

Одно из условий проведения интервью — отсутствие посторонних при опросе. Однако не всегда это условие выполнялось. И здесь от интервьюеров требовалось быть настойчивым, чтобы максимально ограничивать влияние других членов семьи.

Интервьюеру запрещалось:

- вступать в спор с респондентом, высказывать свою точку зрения по поводу обсуждаемой проблемы, оказывать психологическое давление на респондента, дискутировать по теме исследования, вопросов интервью;

- входить в «подозрительные» квартиры, общаться с респондентами, которые не в состоянии вести беседу (находятся в состоянии алкогольного, наркотического, токсического опьянения);

- самостоятельно заменять адрес проведения интервью; в случаях, если опрос по указанному в задании адресу невозможен (дом нежилой, в квартиру нельзя попасть, респондент отсутствует длительное время — отпуск, командировка), интервьюер должен был незамедлительно поставить в известность супервайзера;

- опрашивать лиц, не соответствующих критериям отбора;

- разглашать содержание ответов респондентов, личную информацию о них;

- после окончания работы передавать планшет кому бы то ни было, кроме супервайзера.

Все интервьюеры были проинструктированы о том, что исследование «Поколения и гендер» является лонгитюдным. Важной задачей 1-й волны опроса является формирование панели участников исследования. Поэтому в ходе проведения беседы с респондентом интервьюер был обязан взять контактный номер телефона, записать имя, отчество, фамилию респондента для его участия во 2-й волне проекта «Поколения и гендер». Также респонденту вручалось письменное обязательство о конфиденциальности полученной информации.

После окончания опроса интервьюер должен был поблагодарить респондента за участие в исследовании, передать листовку с информацией о проекте, подарки.

На тренингах неоднократно обращалось внимание интервьюеров на то, что они должны учитывать конкретные обстоятельства опроса. Эксперты пытались готовить участников полевой группы к различным внештатным ситуациям, которые могли возникнуть в ходе опроса. Таких ситуаций возникало немало: недовольство членов семьи длительным разговором с респондентом, отвлечением его от семейных дел; сцены ревности к интервьюеру, болезненное состояние респондента. Также фиксировалась неоднозначная эмоциональная реакция на вопросы личностного, интимного характера: кто-то категорически отказывался отвечать, например, на вопросы об отношении с бывшими партнерами, у кого-то проявлялась повышенная раздражительность при ответе на вопросы о доходах, о правах гомосексуальных пар и др. Поэтому экспертам приходилось дополнительно проводить инструктажи с интервьюерами, уделяя особое внимание стратегии поведения при проблемных ситуациях социально-психологического характера.

По возвращении домой интервьюер должен был заполнить карточки адреса по непроведенным интервью с указанием причин, а также карточки адреса / карточки отбора респондента в домохозяйстве проведенных интервью.

Интервьюеры, соблюдая все методические указания, должны были отправить проведенные интервью на сервер и сообщить их номера супервайзеру.

Необходимым условием качественного сбора информации является осуществление постоянного контроля за ходом исследования. Система контроля за ходом полевых работ осуществлялась на всех уровнях.

Первичный текущий контроль проводили супервайзеры, которые контролировали точность выполнения заданий по выборке, соблюдение правил отбора респондентов. Они осуществляли:

- визуальный контроль — анализ представленных интервьюером отчетных документов, что позволяло уточнить, насколько точно соблюдались инструкции по отбору респондентов;

- вербальный контроль — беседа с интервьюером о проведенных интервью; уточнялись принципы отбора респондентов, наличие отклонений от задания, их причины, проблемы, возникшие в ходе опроса, и т. п.; вербальный контроль позволял проверить, насколько точно интервьюер соблюдал методические требования по сбору социологи-

ческой информации, давал супервайзеру оперативную информацию о ходе полевых работ.

Для оперативной связи с интервьюерами были созданы группы (чаты) в мобильных приложениях *Viber* и *WhatsApp*, которые не требуют прохождения авторизации. Данные бесплатные приложения при наличии *Wi-Fi* позволяли мгновенно передавать нужную информацию, экономили заряд телефона. Кроме того, все номера, сохраненные на телефоне, автоматически переносятся в систему. Поэтому контакты интервьюеров мгновенно появлялись в меню, можно было позвонить или написать каждому из них. Супервайзеры с помощью данных приложений объясняли непонятные вопросы, консультировали в случае возникающих проблем, сообщали интервьюерам информацию об очередной выгрузке интервью на сервер, сроках предоставления отчета, посылали фотографии с новыми адресами, получали данные о количестве проведенных/непроведенных интервью, договаривались о встрече для выдачи необходимых документов.

Еще один важный канал связи с интервьюерами – электронная почта. С ее помощью передавался форматированный текст и прикреплялись различные файлы. В исследовании «Поколения и гендер» по почте высылался файл с загруженными на сервер проведенными интервью. Задачей интервьюера являлась проверка наличия собственных отправленных интервью. В случае их отсутствия интервьюер должен был немедленно сообщить об этом супервайзеру. На почту высылались также файлы с описанием ошибок и неточностей, которые допускались интервьюерами.

Ежемесячно супервайзеры передавали карточки адреса с информацией о проведенных и непроведенных интервью кураторам региона. Кураторы регионов повторно проверяли заполнение указанных карточек, соблюдение принципа отбора респондента в домохозяйстве, а также осуществляли выборочную проверку работы каждого интервьюера. Для этого случайным образом отбирались карточки адреса респондентов, осуществлялись звонки, уточнялось, был ли проведен опрос, сколько времени длился, кто был опрошен. По итогам проверки составлялся протокол контроля. В случае выявления нарушений определялись причины ошибок и способы их устранения, принимались меры по отношению к интервьюерам, допустившим брак (замечание, штраф, увольнение).

Эксперт по работе с планшетами еженедельно предоставлял научному руководителю проекта, руководителю республиканской опросной сети и кураторам регионов следующую информацию о ходе полевых ра-

бот: количество проведенных интервью в целом по стране, по каждому региону и каждым интервьюером в отдельности, процент выполнения плана, количество непроведенных интервью по каждой точке опроса. Эта информация использовалась при проведении еженедельных скайп-конференций с региональными супервайзерами, на которых подводились итоги работы за неделю, обсуждались проблемы, определялись пути их решения.

Важную информацию о ходе полевых работ в регионах давали отчеты супервайзеров и интервьюеров. До 20 числа каждого месяца интервьюеры по специальной форме готовили отчеты и сдавали их супервайзеру. Не позднее 25 числа каждого месяца супервайзер на основе отчетов интервьюеров готовил итоговый отчет по региону за месяц. Руководитель республиканской опросной сети готовил итоговый отчет за месяц в целом по стране.

Для получения информации о ходе полевых работ каждые два месяца в Минске проводились совещания с супервайзерами и кураторами регионов, где анализировались итоги работы за прошедший период, особенности реализации выборки, показатели достижимости, отклонения параметров и подходы к их корректировке, рассматривались основные ошибки интервьюеров. Каждый супервайзер информировал о ходе полевых работ в регионе, основных проблемных ситуациях, высказывал свои замечания и предложения. Коллективное обсуждение проблем позволяло определить наиболее эффективные пути их решения.

Во многих международных и национальных проектах, осуществлявшихся ЦСПИ БГУ, проводился контроль качества сбора информации. Технология контроля, разработанная сотрудниками ЦСПИ БГУ, предполагает осуществление проверки работы интервьюеров опросной сети методом повторного посещения респондентов с использованием данных, зафиксированных в адресных картах или в маршрутных листах. В ходе исследования проводился внутренний и внешний контроль качества сбора информации. Внутренний контроль качества сбора социологической информации — это комплекс проверочных действий, направленный на выявление недостатков в оформлении сопровождающих опрос документов и подтверждение факта проведения самого опроса. Он осуществляется сотрудниками организации, выполняющей работы по проекту. Внутренний контроль предполагает проверку всех без исключения сопроводительных документов исследования, а также телефонный контакт как минимум с 50 % респондентов. В случае выявления неточностей или неполучения контакта с респондентами к разбору проблемных ситуаций могли привлекаться интервьюеры опросной сети. При неудовлетворительной оценке работы определенного интервьюе-

ра ее результаты аннулируются и проводится повторный опрос по обозначенному адресу. На допустившего брак в работе интервьюера могут налагаться штрафные санкции. О возможности наказания в случае неудовлетворительного выполнения обязанностей интервьюеры предупреждаются до их принятия на работу. Результаты внутреннего контроля сообщаются супервайзерам в ходе проведения еженедельных диспетчерских совещаний, проводящихся в режиме онлайн (скайп-конференции) научным руководителем исследования, руководителем опросной сети и специалистами по выборке.

Внешний контроль качества сбора социологической информации осуществляется представителями заказчика. Контрольная группа не должна быть представлена сотрудниками того же учреждения, в состав которого входит подразделение, осуществляющее сбор социологической информации. Внешний контроль так же, как и контроль внутренний, осуществляется методом повторного посещения респондентов, т. е. телефонными звонками. Проверяется не более 10 % респондентов по случайно отобранным адресным картам. В отличие от правил внутреннего контроля внешний контроль проводится на финише полевых работ.

Опишем основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться в ходе проведения полевых работ. Опыт проведения исследования «Поколения и гендер» в Республике Беларусь позволяет выделить основные проблемы, возникавшие в ходе полевых работ. Следует отметить, что некоторые из них были зафиксированы еще на этапе пилотажа. Проблемы можно классифицировать следующим образом: коммуникативные, методические, организационные.

Коммуникативные проблемы:

- сложности при установлении контактов с респондентами, отказы респондентов от участия в исследовании. Из полевых дневников интервьюеров: «многие полагают, что мы какие-то шарлатаны», «некоторые думают, что мы приходим, чтобы потом им звонили по поводу разной продукции типа орифлейма, ремонта пластиковых окон», «пенсионеры отказываются, так как думают, что это очередной обман, как с фильтрами для воды, денежными пирамидами»; «многие просто боялись открывать дверь», «в подъезд пускают, а дверь в квартиру уже не открывают»;

- неоднозначные эмоциональные реакции респондентов на вопросы личного, интимного характера: количестве партнеров, однополых партнерах, контрацепции, способности к деторождению, лечении бесплодия. Из полевых дневников интервьюеров: «респондент начал кричать, ругаться, что я его оскорбляю этими вопросами»; «девушка

сначала ответила на вопрос о ее способности к деторождению, а затем попросила удалить ответ»; «жена респондента услышала ответы мужа о прежних партнерах и тут же устроила семейный скандал»;

- непредсказуемые невербальные реакции респондентов на вопросы об умерших детях, супругах, бывших супругах, уплате алиментов, отношениях со взрослыми детьми, о доходах. Из полевых дневников интервьюеров: «на вопросы об отношении с дочерью респондент опустил голову, у него начали дрожать руки, молча показал на “неудовлетворительные отношения” в шкале на карточке»; «вопрос о доходах вызывал смущение, волнение пожилого мужчины, он покраснел, было очевидно, что не хотел давать эту информацию»; «при рассказе об умершем супруге женщина начала плакать, ушла в себя»; «ответ на вопрос об умершем ребенке вызвал такую реакцию, что интервью пришлось остановить, продолжили на следующий день»;

- недоверие респондентов к опросу, проводимому с использованием планшета, большое количество личных вопросов, как следствие — отказ некоторых респондентов давать свои контактные телефоны, указывать фамилию. Из полевых дневников интервьюеров: «респондент сказал, что рассказал так много, а мы хотим, чтобы еще и его фамилия у нас была», «многие говорили, зачем нам его телефон, приходите через три года по этому адресу и опрашивайте его снова».

Методические проблемы:

- трудности в ответах на вопросы, связанные с датами: рождения, смерти, заключения и расторжения брака, переезда. Из полевых дневников интервьюеров: «не все люди, в особенности пожилые, могли вспомнить даты жизненных событий»; «если дома имелись документы, респонденты в ходе интервью обращались к этим документам, что увеличивало продолжительность интервью»; «в случаях, когда документы были недоступны, респонденты называли весьма приблизительную дату»;

- респонденты при ответе на вопросы о доходах не помнили / не хотели предоставлять необходимую информацию о своих доходах и доходах партнера, стоимости недвижимости, общем доходе домохозяйства. Из полевых дневников интервьюеров: «много негатива вызывают вопросы по поводу денег», «пожилые респонденты говорили, что у нас прошла деноминация и они не представляют, сколько может стоить их квартира»; «пенсионеры могли назвать только размер своей пенсии, а сколько получают их дети, часто не знали»;

- сложности с реализацией адресной выборки: среди предоставленных адресов встречались нежилые дома, квартиры, которые сдаются на сутки, квартиры, в которых отсутствуют респонденты в возрасте 18–79 лет, в выборку попадали криминальные районы и дома, в которых

люди живут только летом. Из полевых дневников интервьюеров: «часто слышали ругательства в свой адрес», «мы им говорим красивые слова об исследовании, а в ответ нецензурная брань»;

- большая продолжительность интервью. Из полевых дневников интервьюеров: «люди часто спешат и не могут уделить достаточное количество времени, естественно, никто не приглашает нас зайти в дом, за редким исключением», «не хотят разговаривать больше 25 минут», «бывало так, что респондент говорил, зачем на нас ему тратить свое время, лучше он книжку почитает или телевизор посмотрит».

Организационные проблемы:

- проведение опроса в летние месяцы. Это значительно усложнило работу интервьюеров и увеличило продолжительность полевых работ. Из полевых дневников интервьюеров: «летом никого нет в квартире даже после трех посещений», «если кто и появлялся в квартире в воскресенье, то человеку хотелось отдохнуть от работы на даче, а не отвечать на наши вопросы»;

- ротация кадров интервьюеров. Не все интервьюеры, прошедшие инструктаж, впоследствии принимали участие в полевых работах. Примерно 10 % интервьюеров отказались от работы сразу после инструктажа, ссылаясь на трудности опроса. Еще 15 % – после проведения 4–5 интервью. Причины отказов были связаны с особенностями адресной выборки. Кроме того, у многих интервьюеров за время работы сформировался синдром психологического, эмоционального выгорания. Объемы работы приводили к накоплению усталости и отказу от участия в полевых работах. Ротация интервьюеров была настолько значительной, что впоследствии пришлось привлекать к работе интервьюеров без опыта участия в исследованиях. Данное обстоятельство потребовало серьезного изменения технологии обучения и проведения дополнительных инструктажей для интервьюеров;

- проблемы проведения опроса в общежитиях. В выборку исследования попали общежития (например, в Минске там проживали 6 % потенциальных респондентов). Фиксировались следующие трудности: общежития были закрыты на ремонт; респонденты там проживали менее шести месяцев (приехали на курсы повышения квалификации); комендант не разрешал проводить опрос. В связи с этим на имя руководителя соответствующей организации, предприятия готовились специальные письма с просьбой о разрешении на проведение опроса. К сожалению, на согласование разрешения (получение подписи руководителя, передачу письма коменданту) уходило несколько дней. В редких случаях проблема решалась с помощью телефонного звонка регионального супервайзера на предприятие или в общежитие;

- определенные просчеты в информационном обеспечении исследования. Комплекс мер, направленный на информирование населения о проекте, начал осуществляться лишь спустя несколько месяцев после старта опроса, что негативно сказалось на работе интервьюеров. Как показал опыт, 1-я волна информационного потока должна была проводиться с самого начала проекта; 2-я волна — за 2–3 недели до начала полевых работ и продолжаться в течение всего срока сбора информации.

Опыт организации и проведения международного сравнительного исследования «Поколения и гендер» показал, что для выполнения работ высокого качества и в определенные рабочими планами сроки необходимо:

- иметь достаточное количество планшетных компьютеров. В условиях применявшейся модели выборочной совокупности и с учетом особенностей менталитета населения небольшой восточноевропейской страны для опроса 10 000 респондентов требуется 150 планшетов;

- учитывать, что рациональная численность опросной сети должна составлять примерно 450 человек, т. е. в среднем по 3 интервьюера на 1 планшет;

- формировать опросную сеть по принципу максимального отсутствия необходимости переездов из одного населенного пункта в другой;

- подбирать интервьюеров, обладающих навыками работы с электронными устройствами;

- разрабатывать программное обеспечение для планшетных компьютеров заранее и апробировать его до старта сбора информации;

- организовывать до начала исследования разъяснительную кампанию о проекте в средствах массовой информации и в сети Интернет.

С учетом сказанного оптимальный временной график работ должен выглядеть следующим образом.

1. Разработка и апробация программного обеспечения планшетов — 60 дней.

2. Пилотаж и согласование инструментария — 30 дней.

3. Тренинги и семинары по подготовке к сбору информации — 10 дней.

4. Сбор социологической информации (проведение опроса населения) — 250 дней.

5. Возможный ремонт выборочной совокупности, проверка и корректировка документов, сопровождающих исследовательский процесс, — 30 дней.

Опыт белорусских социологов в организации и проведении международного сравнительного социологического исследования «Поколения и гендер» нашел в дальнейшем практическое применение при реализации данного проекта в других странах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. Изменение содержания базовых ценностей как ключевое условие устойчивого развития социума.....	5
Глава 2. Актуальные проблемы межведомственного взаимодействия в сфере молодежной политики в контексте социокультурной инклюзии.....	21
Глава 3. Ценностные ориентации и социальные установки белорусской молодежи в сфере брачно-семейных отношений.....	34
Глава 4. Миграционный вызов: интеграция конфликтующих и конкурирующих ценностей.....	49
Глава 5. Роль экологической тематики в обеспечении радиационной безопасности в стране	75
Глава 6. Информационное поле Республики Беларусь в условиях цифровизации общества: социологическое измерение	94
Глава 7. Потенциал медиадверия в контексте гармонизации обстановки в стране	121
Глава 8. Инвалиды: особенности социального стереотипа	141
Глава 9. Деловая среда Республики Беларусь: социологический анализ	164
Глава 10. Особенности организации сравнительных международных исследований (на опыте реализации проекта «Поколения и гендер»)	175

Научное издание

Ротман Давид Генрихович
Данилов Александр Николаевич
Правдивец Виктор Владимирович и др.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА
2017–2020 гг.:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Редактор *О. В. Лысковец*
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *В. П. Явуз*
Компьютерная верстка *Д. О. Бабенко*
Корректор *Е. И. Бондаренко*

Подписано в печать 14.12.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 12,5.
Тираж 55 экз. Заказ 379.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.